

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Корнатовский Н. — Петроградский фронт в 1919 году	3
Чернова Г. — Астраханский временный военно-революционный комитет (февраль — апрель 1919 г.)	16
Юровская Е. — Поход русской армии в Восточную Пруссию	25
Греков Б., акад. — Судьба населения галицких княжеских вотчин под властью Польши	37

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Горянов Б. — Ф. И. Успенский и русское византиноведение	44
Яцунский В. — Развитие исторической науки в Соединённых Штатах Америки	59

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Дружинин Н., проф. — Тарле Е. Крымская война. Т. II	64
Мавродин В., проф. — Греков Б. Киевская Русь	69
Лунин Б. — Жуков В. Д. Последний хорезмшах (из борьбы Джелаледдина Менгуберты с монголами)	73
Греков Б., акад. — Петровский Н. Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве	74
Сидоров А., проф. — Таленский Н. А. Первая мировая война (1914—1918 гг.) (боевые действия на суше и на море)	75
Державин Н., акад. — Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии	78
Волков Н., проф. — Нечаев Н. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII в. К истории профессионального образования в России	83
Голант В. — Зверства немцев в войну 1914—1918 гг. Сборник; Никитин и Вагин. Чудовищные злодеяния фашистских палачей. (По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области)	84
Тарле Е., акад. — Тисье Пьер. Я рабстал с Лавалем	85
Библиографические заметки	87

ХРОНИКА

Люблинская А. — Иностраные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Завриев Д. — Работа секции по собиранию документов и материалов по истории Отечественной войны (Грузинская ССР)	88
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ за 1944 год	91

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,

Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Гопчер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А13918. Изд. № 733. Зак. 2778. Тираж 20 000.

Подписано к печати 26/XII 1944 г. 68.000 тип. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ФРОНТ В 1919 ГОДУ

Проф. Н. Корнатовский

Тяжёлое положение переживала страна в 1919 г.: в руках интервентов и белогвардейцев находились огромные районы, Советская Россия была отрезана от хлеба, нефти, угля и хлопка. Необходимы были поистине героические усилия народов республики, чтобы отстоять завоевания социалистической революции.

В плане походов Антанты на страну Советов особое место отводилось Петрограду, крупнейшему политическому и экономическому центру республики. Организуя дважды в 1919 г. наступление на Петроград, империалисты одновременно преследовали важную стратегическую цель: они рассчитывали отвлечь внимание Красной Армии от главных в то время фронтов — Восточного (против Колчака) и Южного (против Деникина).

Положение Петрограда было исключительно тяжёлое. Не хватало продовольствия, сырья и топлива, работа ряда промышленных предприятий сокращалась, а затем и совсем прекратилась, в городе появились эпидемии тифа, холеры и оспы. Катастрофически росла смертность. Резко сокращалась численность городского населения. Если в 1917 г. в Петрограде насчитывалось 2300 тыс. человек, то в 1918 г. осталось 1469 тыс. человек, а к концу 1919 г. — всего 800 тыс. человек.

На 1 января 1919 г. в городе было менее 250 тыс. рабочих, занятых в ценовой промышленности. В течение 1919 г. численность рабочих сильно уменьшилась главным образом за счёт мобилизованных в армию. Рабочие Петрограда шли на все фронты республики.

Как только на том или другом фронте ухудшалась военная обстановка, партия обращалась за помощью прежде всего к рабочим Петрограда. Ленин считал петроградских рабочих одним «из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твёрдых, наименее поддавшихся на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России»¹.

Когда враг попытался было захватить Петроград, он испытал силу удара петроградского пролетариата.

Оборона Петрограда в 1919 г. является одной из самых замечательных страниц героической истории отечественной войны рабочих и крестьян Советской России против белогвардейцев и интервентов. От героических защитников Петрограда требовались величайшее напряжение сил, стойкость, выдержка, самоотверженность.

Особенность обороны Петрограда в 1919 г. заключалась в том, что борьба против белогвардейщины развёртывалась на ближайших подступах к городу. Части Красной Армии должны были стойко и упорно отстаивать каждую пядь земли, умело использовать естественные препятствия и оборонительные сооружения. Малейшая неустойчивость, понижение боевого духа бойцов подвергали город смертельной опасности. От личного состава армии требовались исключительно высокие морально-политические качества, стойкость и выдержка, мужество и бесстрашие, сознание долга и безупречная дисциплина. Обстановка требовала правильного руководства военными событиями, большой оперативности, чёткости в работе, своевременного устранения недостатков в подготовке обороны и мудрого предвидения. Малейшие ошибки могли привести к пагубным результатам.

Главная особенность Петроградского фронта заключалась в том, что русские белогвардейцы, оперировавшие под Петроградом, в отличие от Колчака, Деникина и др., строили свои планы главным образом в расчёте на помощь своих агентов — антантовских шпионов, диверсантов и заговорщиков, орудовавших в ближнем советском тылу: в Кронштадте, Петрограде, в штабах красноармейских частей 7-й армии. Без создания крепкого, надёжного, революционного тыла Красная Армия не могла бы добиться решающих успехов на фронте. Роль революционного тыла, на который должна была опереться Красная Армия под Петроградом, приобретала особо важное значение.

Без систематической и беспощадной борьбы с подпольными белогвардейскими организациями нельзя было сохранить Петроград в руках Советской республики. Большевистские организации города, все органы советской власти и рабочие Петрограда должны были всегда быть начеку и видеть грозную опасность со стороны подпольных контррево-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 29.

люционных организаций, пытавшихся оказать помощь белогвардейцам на фронте.

Наступление белогвардейцев на Петроград весной и летом 1919 г. являлось составной частью первого похода Антанты против страны Советов. Банды русских белогвардейцев, сформированные осенью 1918 г. в Пскове и других городах при помощи германских оккупантов, в мае 1919 г. перешли в наступление на Петроград.

Товарищ Сталин со всей прозорливостью полководца разгадал замыслы противника на подступах к Петрограду: «Подступы к Петрограду — это те пункты, отправляясь от которых противник, в случае успеха, может окружить Петроград, отделить его от России и, наконец, овладеть им. Таковы: Петрозаводский участок, имеющий направление на Званку, цель — охват Петрограда с востока; Олонецкий участок с направлением — Лодейное Поле, цель — заход в тыл нашим петрозаводским войскам; Карельский участок, имеющий направление прямо на Петроград, цель — захват Петрограда с севера; Нарвский участок с направлением на Гатчино и Красное Село, цель — взятие Петрограда с юго-запада, или, по крайней мере, взятие линии Гатчино — Тосно и охват Петрограда с юга; Псковский участок с направлением на Дно — Бологое, цель — отрезать Петроград от Москвы; наконец, Финский залив и Ладожское озеро, открывающие возможность высадок противника с запада и с востока от Петрограда»¹.

Товарищ Сталин определил и силы противника на этих участках: «По всем данным, противник рассчитывал не только, или, вернее, не столько на свои собственные силы, сколько на силы своих сторонников — белогвардейцев в тылу у наших войск, в Петрограде и на фронтах. Прежде всего проживавшие в Питере так называемые посольства буржуазных государств (французское, швейцарское, греческое, итальянское, голландское, датское, румынское и пр.), занимавшиеся финансированием белогвардейцев и шпионажем в пользу Юденича... Эти господа швыряли деньгами направо и налево, подкупая в тылу нашей армии всё подкупное. Далее — продажная часть русского офицерства, забывшая Россию, потерявшая честь и готовая перекинуться на сторону врагов рабоче-крестьянской России. Наконец, обиженные петроградским пролетариатом бывшие люди, буржуа и помещики, накопившие, как оказалось потом, оружие и ждавшие удобного момента для удара в тыл нашим войскам. На эти силы и рассчитывал противник, наступая на Петроград. Занять Красную Горку, этот ключ Кронштадта, и обессилить тем самым укрепленный район, поднять восстание на фортах и обстрелять Петроград с тем, чтобы, объединив общее наступление на фронте в момент общего перелома с восстанием в Петрограде, окружить и занять

счаг пролетарской революции, — вот каковы были расчёты противника»².

На Петроградском фронте противник, в силу своей малочисленности, не имел шансов на победу. Перед наступлением северный корпус белых насчитывал до 4 тыс. штыков и сабель и 10 орудий, а в конце июня несмотря на мобилизацию местного населения в районе, занятом белогвардейцами, армия белых имела лишь около 17 тыс. штыков и сабель. Враг рассчитывал главным образом на помощь тех, кто вёл подрывную, контрреволюционную работу в тылу Красной Армии.

Большое содействие русским белым бандам оказывали белофинские и белоэстонские войска, также перешедшие в наступление против Красной Армии. Всё это вместе взятое создавало серьёзную угрозу для Петрограда.

Внутриполитическое положение в Петрограде и состояние частей 7-й армии, защищавшей подступы к Петрограду, требовали срочных и решительных мер. При содействии предателей — троцкистов и зиновьевцев — белогвардейцам-заговорщикам удалось широко развернуть преступную, контрреволюционную работу.

Накануне майского наступления белогвардейцев на Петроградском фронте подпольные группы заговорщиков и шпионов пытались взорвать в Петрограде мосты и ряд объектов, имевших важное оборонное значение, приостановить железнодорожное движение, отрезать Петроград от остальной России; наконец, они пытались спровоцировать рабочих отдельных предприятий на забастовки. В начале 1919 г. особенно энергично развернули подрывную работу эсеро-меньшевистские организации. Пользуясь ослаблением революционной бдительности местных организаций, а также покровительством троцкистов и зиновьевцев, враги советской власти и особенно группы левых эсеров в марте 1919 г., в связи с наступлением Колчака на Советскую республику, перешли к активным действиям.

1 апреля 1919 г. Ленин в телефонограмме во Всероссийскую чрезвычайную комиссию указывал, что агенты Колчака и Деникина и антантовские шпионы пытались взорвать в Петрограде водопроводную станцию и что во время этой диверсии был убит командир отряда и ранено 10 красноармейцев. Ленин отмечал, что в отдельных пунктах были попытки взорвать мосты и приостановить железнодорожное движение.

«Социалисты-революционеры и меньшевики, — писал Ленин, — принимают активное участие в призывах к забастовкам, к свержению советской власти»³.

Ленин от имени Совета рабоче-крестьянской обороны республики требовал принять решительные меры для уничтожения всех подпольных белогвардейских гнёзд.

Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский опубликовал сообщение о ликвидации контрреволюционного заговора в Петро-

¹ «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.» (в дальнейшем: «Документы»), стр. 81. Госполитиздат. 1941.

² Там же, стр. 82.

³ «Известия ВЦИК» от 2 апреля 1919 года.

праде, ставившего целью организацию вооружённого восстания против советской власти. «Во имя спасения от голода Петербурга и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв,— говорилось в сообщении,— ВЧК принуждена будет принять самые суровые меры наказания против тех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям, к попыткам вооружённого восстания»¹.

Но несмотря на все усилия ВЧК борьба с внутренней контрреволюцией в Петрограде велась всё же крайне слабо. Зиновьев и его подручные делали всё, чтобы ослабить режим пролетарской диктатуры. Накануне VIII съезда РКП(б) они навязали петроградской партийной организации дискуссию о взаимоотношении партии и советов. Сознательно ослабляя партийно-массовую работу в Петрограде, они предоставили широкое поле деятельности для белогвардейского подполья. Враги партии—троцкисты и зиновьевцы—делали всё, чтобы сорвать политику союза пролетариата со средним крестьянством. Они сознательно провоцировали среднее крестьянство на различные антисоветские выступления. Вместо того чтобы передать землю безземельным и малоземельным крестьянам, троцкисты и зиновьевцы создавали фиктивные совхозы и коммуну, отталкивали середняка от государственного советского строительства, лишали его материальной помощи со стороны советской власти.

В результате провокационных действий троцкистов и зиновьевцев, орудовавших в Петрограде и Северозападной области, колебания середняка усиливались, подпольные контрреволюционные организации, прежде всего левозсеровские, получили базу для своей подрывной работы, а это создавало ещё более напряжённое политическое положение в районе Петрограда. Росло дезертирство. Красная Армия не получала вполне надёжных пополнений. Классовый принцип комплектования Красной Армии часто нарушался. На командные посты пролезали политически ненадёжные и враждебные элементы из бывших офицеров, пользовавшиеся особым покровительством предателя Троцкого. Партийно-политический аппарат 7-й армии, защищавшей подступы к Петрограду, был слаб, отдельные его звенья были сильно засорены, политическая работа среди бойцов не была на должной высоте. Для того чтобы коренным образом изменить положение в Петрограде, необходимо было срочно принять энергичные меры, необходимо было в кратчайший срок поднять на должную высоту работу партийной организации, советов, профсоюзов, укрепить оперативное и политическое руководство частями Красной Армии.

2 мая Совет рабоче-крестьянской обороны принял постановление об обороне Петрограда и его района. Петроград, Петроградская, Олонецкая и Череповецкая губернии были объявлены на осадном положении. Совет рабоче-крестьянской обороны поручил Рев-

военсовету республики принять все меры по усилению защиты Петрограда.

Совет рабоче-крестьянской обороны требовал усилить революционную бдительность и поручил Петроградской трудовой коммуне и Петроградскому окружному военному комиссариату «всеми имеющимися в их распоряжении средствами очистить тыл армии от контрреволюционных элементов»². Совет обороны требовал ежедневных телеграфных сообщений о всех мерах, принятых по обороне Петрограда.

На основании этого постановления Исполнительный комитет Петроградского совета создал Комитет рабочей обороны Петрограда, которому были предоставлены неограниченные полномочия. Одновременно было принято решение в двухдневный срок провести мобилизацию всех рабочих, прошедших курс всеобщего военного обучения. Всем домовым комитетам бедноты города поручалось немедленно организовать круглосуточную охрану зданий и не допускать проживания в них дезертиров, спекулянтов и других подозрительных элементов. Были отданы распоряжения о сдаче оружия населением в двухдневный срок. В районах города и на фабрично-заводских предприятиях создавались чрезвычайные политические тройки. 8 мая в городе был организован штаб внутренней обороны. Петроград был разбит на четыре боевых участка, каждый из которых получил определённую боевую задачу.

Срочные меры по усилению обороны города, принятые ещё до перехода основных сил белогвардейцев в наступление, имели большое мобилизующее значение. Введение осадного положения в Петрограде во многом затруднило осуществление планов заговорщиков. Надеясь на помощь белогвардейских заговорщиков, предателей и шпионов, северный корпус генерала Родзянко 13 мая 1919 г. перешёл в наступление и 15 мая захватил весь левый боевой участок 6-й стрелковой дивизии, между реками Плюссой и Лугой. Противник, развивая успешное наступление, захватил Гдов, железнодорожные станции Веймарн, Вруда, Волосово и Кикерино. Фронт приближался к Гатчине. Положение на Петроградском фронте становилось исключительно тяжёлым.

Совет обороны республики принял новые срочные меры по усилению обороны Петрограда. Руководство обороной города было возложено на товарища Сталина, который был командирован в Петроградский и другие районы Западного фронта для принятия необходимых мер в связи с создавшимся положением на Западном фронте.

В мандате, выданном товарищу Сталину Советом рабоче-крестьянской обороны 17 мая 1919 г., говорилось: «Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе западного фронта. Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны, отстранять и предавать су-

¹ «Петроградская правда» от 2 апреля 1919 года.

² «Документы», стр. 12.

ду Военно-революционного трибунала всех виновных должностных лиц»¹.

В Петрограде товарищ Сталин застал развал работы местных органов власти, слабую работу партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. В ряде звеньев, главным образом советского аппарата, наблюдалось местничество, происходили ведомственные конфликты, царил неразбериха, от чего страдала вся работа в целом.

Развал работы в Петрограде явился результатом пораженческой линии троцкистов и зиновьевцев, усыплявших классовую бдительность и срывающих оборонную работу. Тщательно маскируясь, лицемеря и фарисействуя, эти враги на деле оказывали неоценимую помощь белогвардейским заговорщикам и крупным профессиональным шпионам, подвизавшимся в Петрограде. Когда на Петроградском фронте создалось тяжёлое положение, троцкисты и зиновьевцы решили эвакуировать ряд крупных оборонных предприятий и затопить некоторые военные корабли. Распоряжения об эвакуации заводов и о затоплении военных судов, а также неиспользование для нужд обороны мобилизованных, проведение призыва в Красную Армию без соблюдения соответствующих постановлений правительства — всё это оказывало прямую помощь наступающим на Петроград белогвардейцам.

Получив сведения о намерении группы троцкистов и зиновьевцев сорвать оборонную работу в Петрограде, Ленин 14 мая 1919 г. телеграфно потребовал от Комитета обороны Петрограда исчерпывающего ответа, по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и его окрестностей, кем и почему дано было распоряжение о затоплении судов и т. д. Ленин предупреждал, что Комитет обороны Петрограда должен проводить мероприятия в жизнь с ведома, а в соответствующих случаях — с согласия центральной власти².

Ленин провёл через Совет обороны решение о запрещении общей эвакуации Петрограда и Петроградского района. Прибыв в Петроград, товарищ Сталин сразу же взял в свои руки руководство обороной города. Потребовалось более месяца напряжённой работы, понадобились героические усилия товарища Сталина для того, чтобы изменить ход событий на фронте и водворить революционный порядок во всей прифронтовой полосе и прежде всего в Петрограде, чтобы разгромить белогвардейское подполье и коренным образом изменить стиль работы петроградских учреждений и организаций.

Товарищ Сталин добился чёткой, целеустремлённой работы партийных и общественных организаций, государственных учреждений и твёрдой рукой повёл Красную Армию к победе.

Товарищ Сталин обсуждал все сложные и острые вопросы момента на совещаниях совместно с местными работниками. Он требовал правильного подбора кадров и проверки

исполнения. Оборонная работа была поставлена так, что она открывала широкий простор творческой инициативе и на деле обеспечивала эффективную мобилизацию всех материальных ресурсов.

Весной и в начале лета 1919 г. основным, решающим судьбу республики фронтом являлся Восточный фронт. С конца апреля части Красной Армии Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе перешли в контрнаступление. Советская страна напрягала все силы для скорейшего разгрома Колчака. Поэтому Петроград не мог получить значительных подкреплений извне. Мобилизация всех внутренних ресурсов для обороны Петрограда являлась важнейшей задачей. — её нужно было решить в кратчайший срок.

Товарищ Сталин поставил перед партийной организацией города задачу — во что бы то ни стало отстоять город, разбить врага, опираясь на собственные силы.

Изучив обстановку на фронте и в тылу, товарищ Сталин в мае послал две записки Ленину, в которых отмечал слабые стороны Петроградского фронта, писал о том, что ряд лиц из командного и политического состава армии не соответствует своему назначению, и просил содействия и помощи Совета рабоче-крестьянской обороны. 20 мая Ленин сообщил Сталину о том, что приняты меры помощи Петрограду, и указал: «Надеюсь, что поголовная мобилизация питерцев поведёт к их наступлению, а не сидению в казармах»³.

Центральный комитет партии решил срочно укрепить партийное ядро 7-й армии и влить в части свежие резервы. 22 мая ЦК обратился к партийным и советским организациям Петроградской, Новгородской, Тверской, Олонецкой, Северодвинской, Вологодской, Уфимской, Череповецкой и Витебской губерний с требованием отправлять всех мобилизованных как можно скорее на помощь Петрограду.

В этом обращении ЦК партии говорилось: «Красный Петроград находится под серьёзной угрозой. Петроградский фронт становится одним из самых важных фронтов республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищён во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу»⁴.

Под руководством Сталина Комитет обороны Петрограда провёл мобилизацию петроградских рабочих, родившихся в 1879 — 1901 годах. Эта мобилизация дала около 13 тыс. человек, годных к строевой службе. Кроме того в конце июня началось формирование резервных рабочих полков Петроградского совета профсоюзов.

Вся партийная организация Петрограда была мобилизована. На промышленных предприятиях и при районных комитетах партии создавались коммунистические взводы и ро-

¹ «Документы», стр. 15.

² См. там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 16.

⁴ «Петроградская правда» от 22 мая 1919 года.

ты. Районные коммунистические роты составили Петроградский коммунистический батальон. Бойцы батальона посещали строевые занятия и вели непосредственную работу на производстве, в учреждениях и организациях. Кроме этого они охраняли партийные комитеты и выполняли все экстренные поручения начальника внутренней обороны города и районных партийных комитетов.

Петроградский совет совместно с советом профсоюзов и общегородской конференцией трудящихся женщин на заседании 22 мая 1919 г. принял обращение ко всем защитникам города, в котором говорилось: «Все рабочие мобилизуются, все самые ответственные работники мобилизуются. Текущая работа на несколько дней откладывается до тех пор, пока мы отгоним новоявленных корниловцев. Все рабочие вооружаются. Дезертиров арестовать. Трусов презирать. Всякого, кто посмеет нарушить спокойствие города, уничтожать... Совет призывает всех активных и мужественных борцов беспощадно бороться с самыми ужасными врагами советской власти — паникой и трусостью. Пусть не будет места измене среди нас»¹.

Принятые меры по укреплению тыла и по внутренней обороне Петрограда не могли, однако, сразу коренным образом изменить положение на фронте.

Противник продвигался вперёд, пользуясь деморализацией отдельных полков, запозданием в подходе пополнений и в особенности изменой некоторых частей и отдельных командиров Красной Армии — бывших царских офицеров.

21 мая товарищ Сталин телеграфировал в штаб Западного фронта о том, что подкрепления подходят слишком медленно, и требовал ускорить переброску предназначенных для петроградского участка воинских частей: «Весь вопрос в том, чтобы не опоздать. Шестая дивизия, охраняющая Гатчинский район, разложилась окончательно... Гатчина под непосредственным ударом. Нами принимаются все меры в смысле обновления составов частей комиссаров, но эта работа требует времени, для чего необходим быстрый подход подкреплений»².

Большой интерес представляет разговор Сталина по прямому проводу с Москвой 24 мая 1919 года. Товарищ Сталин изобличал Главкома и его начальника штаба в поверхностном руководстве, в незнании отправляемых в Петроград частей. Под видом полков направлялись небольшие группы. Особенное внимание товарищ Сталин уделял качеству посылаемых в Петроград частей: «Но дело, конечно, не в количестве, а в качестве частей, нам нужно всего-навсего три пехотных полка, конечно, боевых, и один по крайней мере кавалерийский полк, для того чтобы прогнать всю свору за Нарву»³.

В этой же беседе товарищ Сталин категорически протестовал против намерения Глав-

кома в связи с топливным кризисом сократить действующий Балтийский флот. Придавая большое значение действиям кораблей Балтийского флота в боях за Петроград, товарищ Сталин оказывал всемерное содействие в восстановлении боеспособности флота. «Я имел по этому поводу, — говорил товарищ Сталин, — совещание со всеми нашими морскими работниками и пришёл к убеждению в совершенной неправильности предположения Главкома. Мотивы: первое — крупные единицы в случае, если они будут превращены в пловучие плоты, лишатся возможности привести в действие орудия, то есть последние просто не будут стрелять, так как между движением корабля и действием пушки имеется прямая связь. Второе — неверно, что у вас нет крупных снарядов... Третье — топливный кризис проходит, ибо мы сумели уже накопить четыреста двадцать тысяч пудов угля, не считая мазута, причём ежедневно получаем по поезду угля. Четвёртое — я убедился, что наш флот... превращается в действительный флот с дисциплинированными матросами, готовыми защищать Петроград всеми силами... Наличными морскими силами мы могли бы с честью оборонять Петроград от каких бы то ни было покушений с моря»⁴.

Вследствие измены начальника и нескольких командиров 1-й эстонской дивизии в районе Изборска советские войска 25 мая оставили Псков. 29 мая в районе ст. Сиверская перешёл на сторону врага 3-й пехотный полк 2-й Петроградской бригады особого назначения. При этом погибли коммунисты: командир полка П. Таврин, бывший председатель Череповецкой губернской чрезвычайной комиссии комиссар полка Купше, комиссар 2-й Петроградской бригады А. Раков и др.

Петроградский фронт заколебался. Положение становилось всё более угрожающим.

Контрреволюционная деятельность белогвардейцев в тылу способствовала успехам белых на фронте. Необходимо было в кратчайший срок устранить причины наших неудач на фронте, вскрыть и ликвидировать законспирированные гнезда внутренней контрреволюции.

29 мая Сталин телеграфировал Ленину по поводу измены и перехода на сторону противника 3-го пехотного полка. Он сообщил, что поступавшее подкрепление не одето, не обуто, не вооружено, что для приведения его в порядок потребуется неделя, а время не терпит. Товарищ Сталин просил срочно выслать из Москвы один надёжный, в полной боевой готовности полк, а также один бронепоезд.

Падение Пскова и переход на сторону противника 3-го пехотного полка подчеркнули решающее значение борьбы против белогвардейцев, заговорщиков и шпионов. Без решительной и беспощадной борьбы против предателей и изменников невозможно было укрепить наш фронт.

О необходимости срочной ликвидации

¹ «Известия Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов» от 23 мая 1919 года.

² «Документы», стр. 18.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 20.

контрреволюционного заговора в Петрограде В. И. Ленин 29 мая телеграфировал Сталину: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличие в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперёд, а также неоднократные взрывы мостов на ведущих в Петроград магистралах. Похоже на то, что враг имеет полную уверенность в отсутствии у нас сколько-нибудь организованной военной силы для сопротивления и, кроме того, рассчитывает на помощь с тыла (пожар артиллерийского склада в Ново-Сокольниках, взрывы мостов, сегодняшние известия о бунте на Оредеже). Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров»¹.

31 мая председатель Совета рабоче-крестьянской обороны Ленин и народный комиссар внутренних дел Дзержинский обратились к рабочим и крестьянам Советской России с воззванием «Смерть шпионам!» «Наступление белогвардейцев на Петроград, — говорилось в воззвании, — с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций»².

В ответ на обращение Ленина Сталин отдал приказ войскам, оборонявшим Петроград. Этот приказ был грозным предостережением для белогвардейских заговорщиков. В приказе говорилось, что семьи всех перешедших на сторону белых будут подвергаться немедленному аресту, земля у изменников будет немедленно отбираться, всё их имущество будет конфисковано. «Кто за Рабоче-Крестьянскую Россию, — говорилось в этом приказе, — кто против предателей России, тот должен быть в рядах Красной армии, тот должен сражаться с белыми до полного их истребления. Солдаты Красной армии! Вы защищаете свою землю, вы защищаете власть рабочих и крестьян, вы защищаете вашу родную Рабоче-Крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя и рабство, белые подкуплены английскими, французскими, немецкими и финскими буржуями, врагами Рабоче-Крестьянской России. Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет. Кто сделает хоть один шаг в сторону белых, тому смерть на месте»³.

В начале июня Петроградский окружной военный комиссариат объявил мобилизацию в Красную Армию родившихся в 1900 году. Первый день мобилизации для Петроградской, Новгородской и Псковской губерний был назначен на 12 июня, для Череповецкой и Олонецкой губерний — на 15 июня. Все мо-

билизованные шли на пополнение 7-й армии. Вследствие того что на Восточном фронте Красная Армия стала теснить противника и заняла Уфу, а на Петроградском фронте продолжало оставаться весьма напряжённое положение, ЦК РКП(б) в своём решении 10 июня признал Петроградский фронт первым по важности и предложил руководствоваться этим принципом при распределении войск. Из дивизии, снимаемой с Восточного фронта, было решено две трети дать Петроградскому фронту, одну треть — Южному фронту.

11 июня Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «Взять дивизию приходится ввиду тяжёлого и почти катастрофического положения под Питером и на юге. Ничего не поделаешь. Будем надеяться, что ввиду взятия Уфы V армия сможет отдать дивизию, не отдавая (реки. — Н. К.) Белой, и что, удесятерив партийную энергию, мы вместе с вами осилим задачу не довести на восточном фронте до поражения»⁴.

Благодаря принятым партией и правительством мерам, а также энергичной работе, развернувшейся в Петрограде под руководством товарища Сталина, 7-я армия к середине июня стала оказывать сильное сопротивление белогвардейцам. Но в это время (13 июня) началось контрреволюционное восстание на форте Красная Горка. Вспыхнул также мятеж на фортах Серая Лошадь и Обручев. Эти контрреволюционные выступления были предприняты по плану подпольной организации в Петрограде, которая являлась отделением так называемого «национального центра», крупной организации антантовских шпионов и белогвардейских заговорщиков.

Мятежники послали Кронштадтскому совету ультиматум: немедленно сдать крепость, угрожая через 15 минут открыть артиллерийский огонь. Не получив ответа на ультиматум, мятежники открыли по Кронштадту огонь из тяжёлых орудий. Корабли Балтийского флота ответили огнём. Однако огонь этот вёлся из гавани и не давал нужных результатов. Линейный корабль «Петропавловск» открыл огонь по Красной Горке из 4-й башни, так как положение корабля не позволяло открыть огонь из других орудий. Цель заводчикам не давалась, огонь был мало эффективен. Во всём этом сказывалась предательская рука белогвардейских заговорщиков, находившихся в Кронштадте. По приказу товарища Сталина линейный корабль «Петропавловск» и другие корабли были выведены в море и оттуда открыли ураганный огонь по мятежникам.

Учитывая необходимость немедленной ликвидации мятежа, товарищ Сталин 14 июня выехал в Ораниенбаум, где провёл совещание с командирами и комиссарами частей, предназначенных для наступления на Красную Горку. На этом совещании был разработан оперативный план, основная идея которого состояла в нанесении комбинированного

¹ «Документы», стр. 24.

² Там же, стр. 55—56.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 28.

удара с моря и с суши. Вдоль берега в направлении Красной Горки были расположены три экспедиционных отряда красноармейцев; их поддерживали части 7-й армии. С моря Красную Горку обстреливали артиллерийским огнём линейные корабли «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», крейсер «Олег» и несколько эскадренных миноносцев.

Товарищ Сталин лично следил за ходом успешно развёртывавшейся операции.

В результате ураганного артиллерийского обстрела с моря на Красной Горке возникли пожары. Сухопутные части Красной Армии и Балтийского флота заняли близлежащие селения, а в ночь на 16 июня была взята и Красная Горка. Мятежники, захватив с собой пленных, бежали по направлению к Коваши — Копорье.

Мятежники расстреляли пленных: председателя Кронштадтского совета Мартынова, работника Кронштадтского революционного трибунала Артёмова, комиссара форта Красная Горка Фёдорова и многих других. В результате успешного наступления советские войска овладели фортом Серая Лошадь. Восстание на форту Обручев также было ликвидировано.

О ликвидации мятежа на Красной Горке и Серой Лошади товарищ Сталин телеграфировал Ленину: «Вслед за «Красной Горкой» ликвидирована «Серая Лошадь», орудия на них в полном порядке... Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной Горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остаётся лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на всё моё благоговение перед наукой»¹.

Петроградский совет на заседании 17 июня, заслушав доклад о событиях на Красной Горке, послал приветствие частям, подавившим мятеж, и призвал всех красноармейцев, рабочих и работниц города к усилению революционной бдительности и максимальному напряжению сил для отпора врагу.

Ликвидация мятежа на Красной Горке помогла раскрыть заговор контрреволюционной организации в Петрограде, в которой принимало активное участие большое количество царских офицеров флота и армии. В числе активных заговорщиков оказались и те, которые, прикрываясь «морской наукой», пытались сопротивляться приказам товарища Сталина.

Во главе контрреволюционной организации стоял «национальный центр». Руководителем петроградского отделения «национального центра» был кадет Штейнинггер, по кличке «Вик», один из главных шпионов Антанты и Юденича.

Была обнаружена и ликвидирована также подпольная контрреволюционная организация в Кронштадте, готовившая там восстание. Товарищ Сталин по прямому прозвучу 18 июня, в 3 часа ночи, сообщал Ленину: «В районе Кронштадта открыт крупный заговор, замешаны начальники батарей всех фортов всего укрепленного кронштадтского района. Цель заговора — взять в свои руки крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер. У нас имеются в руках документы. Теперь для меня ясно то нахальство, с которым шёл Родзянко на Питер — сравнительно небольшими силами. Понятна также наглость финнов. Понятны повальные перебежки наших строевых офицеров»².

Огромное значение в раскрытии заговора имел также проведённый в Петрограде повальный обыск квартир буржуазии. В этой операции участвовало несколько тысяч петроградских рабочих. Первые массовые обыски были проведены в связи с контрреволюционным мятежом на Красной Горке. В результате обысков была установлена прямая связь контрреволюционных организаций с иностранными дипломатическими представителями. При обыске зданий, принадлежавших французскому, итальянскому, германскому, швейцарскому, голландскому, датскому, румынскому и другим посольствам, были обнаружены не только документы, но и вещественные доказательства их связи с мятежниками: пулемёты, винтовки, огнеприпасы, тайные коммутаторы и пр., а в здании румынского посольства — даже орудие.

Обыски показали, что большинство лиц, живших в зданиях иностранных посольств и консульств, никакого отношения к иностранным государствам не имело.

Во время обысков квартир буржуазии было изъято 6626 винтовок, 141 895 патронов, 641 револьвера, несколько пулемётов, гранаты, пироксилиновые шашки и пр. Это был целый арсенал оружия, спрятанного белогвардейскими заговорщиками для того, чтобы вооружить врагов советской власти и поднять в Петрограде вооружённый мятеж.

Получив сведения о результате обысков в Петрограде, Ленин призвал все местные органы власти в других районах республики последовать примеру петроградских рабочих. «Питерские товарищи, — писал Ленин, — сумели найти тысячи и тысячи винтовок, когда произвели — строго организовано — массовые обыски. Надо, чтобы остальная Россия не отстала от Питера, а во что бы то ни стало догнала и перегнала его»³.

Проведённая в Петрограде под руководством товарища Сталина работа по ликвидации подпольных контрреволюционных гнёзд имела общереспубликанское значение: она укрепила тыл 7-й Красной армии, защищавшей подступы к Петрограду, помогла органам ВЧК уничтожить осинное гнездо антантовских шпионов в Москве.

² Там же, стр. 75.

³ Ленин «Все на борьбу с Деникиным», стр. 8. Партиздат. 1939.

¹ «Документы», стр. 52—53.

Одновременно с выкорчёвыванием бело-гвардейских гнёзд в Петрограде под руководством Сталина форсированными темпами проходила подготовка наступления Красной Армии на Петроградском фронте. Части 7-й армии получали новые пополнения. Происходило оздоровление всего организма армии. Были заменены не соответствующие своему назначению командиры и комиссары. Был усилен партийно-политический аппарат армии.

Товарищ Сталин принимал энергичные меры по улучшению военно-технического оснащения частей. Крупнейшие предприятия Петрограда получили срочные военные задания по изготовлению и ремонту бронемашин, артиллерии и других видов оружия.

Товарищ Сталин обратил особое внимание на укрепление петергофской, красносельской и гатчинской позиций. В результате специального обследования этих позиций были обнаружены факты прямого вредительства некоторых работников штаба 7-й армии, начальников строительства и старших производителей работ. При проверке состояния позиций оказалось, что начальник инженеров 7-й армии не считал нужным укреплять главные позиции на подступах к Петрограду с запада, так как был уверен, что Петроград будет сдаён белым. Точных схем окопов не было даже у руководителей работ; имевшие же у них схемы не соответствовали действительности. Рельеф местности использовался очень плохо, в хозяйственном и стрелковом отношении окопы не были оборудованы, не было каналов, отводов для стока воды, колодцев и т. д. Ходы сообщения были сделаны только кое-где, в большинстве же случаев окопы совершенно не были связаны с тылом. Всё это вредители сделали для того, чтобы затруднить быстрый выход бойцов из окопов для отражения атаки, быструю переброску в окопы подкреплений и т. д.

Обследование показало, что под Петроградом фактически не было укреплённой позиции, на которую Красная Армия могла бы опереться. Были только отдельные укреплённые пункты, но они были так разбросаны, что противник мог брать их в обход.

Получив сведения о неудовлетворительном состоянии укреплений и явно преступном отношении штаба к этому делу, товарищ Сталин занялся этим вопросом. Об этом говорит следующая телеграмма, посланная из Реввоенсовета 7-й армии начальнику инженеров армии: «Срочно, вне всякой очереди. По предписанию члена Совобороны Республики товарища Сталина явиться немедленно к нему в Смольный со всеми документами, касающимися укреплённой полосы № 1049. 18 июня, 21 час. 35 минут»¹.

Особенно большое внимание уделял товарищ Сталин состоянию авиации в Петрограде. Местные авиасредства не были объединены единым командованием, между управлениями сухопутной и морской авиации происходили трения, мешавшие боевому использованию авиации. По директиве Сталина вся

авиация была объединена и приняла активное участие в боевых операциях на фронте. Для обороны Петрограда было собрано свыше 50 самолётов. Всей этой работой ведала специально созданная в Петрограде. Чрезвычайная авиационная комиссия.

Троцкисты и зиновьевцы при поддержке Рыкова, занимавшего в то время пост председателя ВСНХ, вопреки постановлению Совета обороны республики, в июне 1919 г. попытались закрыть в Петрограде авиационные заводы. Петроградскому авиационному правлению было приказано не позже 1 июля ликвидировать все заводы с вывозом всех материалов. Против этой предательской директивы решительно выступили коммунисты и рабочие, которых поддержал товарищ Сталин. Объединённое заседание Петроградского авиационного правления совместно с представителями авиационных заводов 17 июня заявило протест по поводу предательской директивы Рыкова. Были приняты энергичные меры для того, чтобы авиационные заводы в Петрограде продолжали работу. В результате этих мер в период с марта по октябрь 1919 г. в Петрограде было собрано и отремонтировано 110 гидросамолётов, 155 сухопутных самолётов и 13 тяжёлых самолётов типа «Илья Муромец».

Товарищ Сталин добился решительного улучшения партийно-политической работы в Петрограде и на фронте. Партийная организация города получала своевременную информацию о политическом и военном положении республики и прежде всего о положении на Петроградском фронте.

На фабрично-заводских предприятиях проводились митинги, собрания, совещания по вопросам усиления оборонной работы, о формах конкретной помощи фронту, повышении производительности труда, укреплении трудовой дисциплины, повышении революционной бдительности и т. д.

Под руководством товарища Сталина петроградская партийная организация за короткий срок изменила стиль своей повседневной работы. Товарищ Сталин требовал максимальной инициативы и добросовестного отношения к работе, безусловного и тщательного исполнения всех директив партии и правительства. Широко развёрнутая партийно-политическая воспитательная работа, проводимая в это время в Петрограде, сыграла огромную роль в защите города от белогвардейцев.

Партийная, советская, профсоюзная, военная печать была поставлена на должную высоту. Газеты после приезда товарища Сталина в Петроград изменили свой облик: они становились действительно боевыми органами масс. Раньше газеты доставлялись читателям неаккуратно, красноармейские части получали их с большим запозданием. Товарищ Сталин потребовал от работников политотдела 7-й армии принять необходимые меры для своевременной доставки газет в воинские части.

Товарищ Сталин обратил внимание политуправления 7-й армии на необходимость агитации среди солдат белой армии и предложил издавать и широко распространять

¹ «Документы», стр. 74.

при помощи авиации и других средств листовки к мобилизованным белогвардейцами крестьянам с призывом переходить на сторону Красной Армии.

Товарищ Сталин уделял неослабное внимание вопросам формирования новых частей для укрепления 7-й армии, причём эту задачу он решал с учётом общегосударственных интересов. В этой связи исключительный интерес представляет письмо Сталина Ленину, переданное по прямому проводу в 3 часа ночи 18 июня 1919 года: «Колчак является наиболее серьёзным противником, ибо у него достаточно пространства для отступления, достаточно людского материала для армии, богатый хлебом тыл. По сравнению с Колчаком генерал Родзянко — муха, ибо у него нет ни хлеба в тылу, ни пространства для отступления, ни достаточного людского материала. Мобилизация двадцати возрастов, которую он вынужден теперь проводить в своих двух-трёх уездах в виду недостатка людского материала, призвана превратиться в его могилу, так как крестьяне не выдержат такую мобилизацию, и они неминуемо отвернутся от Родзянко. Поэтому ни в коем случае не следует брать с востфронта такое количество войск для петрофронта, которое могло бы вынудить нас приостановить наступление на востфронте. Для того, чтобы прижать Родзянко к Эстляндской границе (далее нам незачем идти), достаточно одной дивизии, взятие которой не сопряжено с приостановкой наступления на востфронте. Прошу обратить на это особое внимание»¹.

Это письмо было написано Сталиным в то время, когда Троцкий пытался снять с Восточного фронта крупные соединения Красной Армии и приостановить наступление против Колчака.

Для усиления частей 7-й армии товарищ Сталин направил на фронт отряд петроградских курсантов и сам следил за операциями этого отряда. Когда командующий 7-й армией отдал приказ об отводе курсантов с позиций, чем на деле оказывал помощь белогвардейцам, товарищ Сталин немедленно отменил этот приказ. 19 июня товарищ Сталин телеграфировал Реввоенсовету 7-й армии в Новгород: «Приказ командарма об отводе курсантов считаю неуместным, вредным для дела, он не подлежит исполнению. Комиссару Лепсе объявляю выговор за отсутствие революционной бдительности»².

21 июня началось наступление Красной Армии на Петроградском фронте. Об этом Сталин телеграфировал Ленину: «Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежники из лагеря противника в наш лагерь участвовали. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днём началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление ещё не получено, стоять дальше на той же линии,

на которой мы остановились, нельзя было — слишком близко до Питера. Пока что наступление идёт успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново — Воронина — Слепино — Касково. Взяты нами пленные, дзз или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо боятся «Красной Горки», которая теперь вполне наша. Срочно вышлите 2 млн. патронов в моё распоряжение для 6 дивизии»³.

27 июня Красная Армия одержала крупную победу над белофинскими бандами, оперировавшими на олоонецком направлении. При содействии Ладожской и Онежской красных флотилий 27 июня севернее реки Тулоксы, у устья реки Видлицы, был высажен десант краснофлотцев и красноармейцев, который занял Видлицу, основную базу белофиннов, и захватил военные трофеи: 11 орудий, 30 пулемётов, большие склады с оружием и продовольствием.

Товарищ Сталин послал приветственную телеграмму красноармейцам и краснофлотцам: «Горячо приветствуем самоотверженную команду, героев красноармейцев и славных моряков, разгромивших гнездо врагов России у Видлицы. Уверены, что Рабоче-Крестьянская Россия оценит ваш доблестный подвиг. Мы ждём от вас таких же побед на Петрозаводском участке»⁴.

В тот же день Сталин телеграфировал Ленину: «Сегодня наши части при поддержке нашего Ладожского флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом у границы Финляндии, захватили 11 орудий, богатые артиллерийские и продовольственные склады. Взяты снаряды, патроны, пулемёты подсчитываются. Наше наступление под Питером продолжается. Белые офицеры сопротивляются с большим ожесточением. Кроме взятых раньше 26 пулемётов взято ещё в разных пунктах около 30 пулемётов»⁵.

На эту телеграмму Ленин ответил: «Если положение на питерском фронте благоприятно, надо всё напрячь для быстрого и решительного удара, ибо войска крайне нужны в других местах»⁶.

5 июля товарищ Сталин был назначен членом Реввоенсовета Западного фронта. Уезжая из Петрограда в Смоленск, товарищ Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» следующим образом охарактеризовал положение на Петроградском фронте: «Расчёты противника не оправдались. Красная Горка, занятая на сутки, благодаря внутренней измене со стороны левых эсеров, была мигом возвращена Советской России мощным ударом балтийских моряков с моря и с суши. Укреплённые пункты Кронштадта, заколебавшиеся было один момент благодаря измене правых эсеров, оборонцев-меньшевиков и продажной части офицерства, были срочно приведены в порядок железной рукой Революционного военного совета Балтийского флота. Так называемые посольства и их

³ Там же, стр. 75—76

⁴ Там же, стр. 80.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ «Документы», стр. 74—75.

² Там же, стр. 75.

шпионы были арестованы и отведены в более спокойные места, причём в некоторых посольствах были найдены пулемёты, ружья (в румынском посольстве даже одно орудие), тайные коммутаторы и пр. Буржуазные кварталы Петрограда были подвергнуты поголовному обыску, причём было найдено четыре тысячи винтовок и несколько сотен бомб. Что же касается общего наступления противника, то оно не только не увенчалось успехом... но даже не успело начаться. Белофинны под Олонцом, стремившиеся занять Лодейное Поле, опрокинуты и изгнаны в пределы Финляндии. Петрозаводская группа противника, стоявшая в нескольких верстах от Петрозаводска, теперь стремительно отступает под натиском наших частей, зашедших ей в тыл. Псковская группа противника выпустила из рук инициативу, застряв на одном месте, а местами даже отступая. Что касается нарвской группы противника, наиболее активной, то она не только не добилась своего, а, наоборот, непрерывно отступает под натиском наших частей, разлагаясь и тая под ударами Красной армии на путях к Ямбургу... Чаяния Гучкова и Юденича не оправдались. О Карельском участке, всё ещё пассивном, пока ничего нельзя сказать, так как финское правительство после его неудач у Видлицкого завода заметно понизило тон и перестало заниматься площадной бранью по адресу российского правительства, причём так называемые инциденты на Карельском фронте почти прекратились. Есть ли это затишье перед бурей или нет, это известно только финскому правительству. Во всяком случае могу сказать, что Петроград готов ко всяким возможным со стороны противника неожиданностям.

Не могу не сказать несколько слов о флоте. Нельзя не приветствовать, что Балтийский флот, считавшийся погибшим, возрождается самым действительным образом. Это признают не только друзья, но и противники... Ещё более отрадно, что балтийские матросы вловь нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота. Без этих условий Петроград не был бы ограждён от самых опасных неожиданностей со стороны моря. Наиболее типичным для характеристики возрождения нашего флота является разыгравшийся в июне месяце неравный бой двух наших миноносцев с четырьмя миноносцами и тремя подводными лодками противника, из которого наши миноносцы благодаря самоотверженности матросов и умелому руководству начальника действующего отряда вышли победителями, потопив неприятельскую подводную лодку»¹.

Подводя итоги политическому и стратегическому положению на Петроградском фронте, товарищ Сталин отметил: «Нередко сравнивают Родзянко с Колчаком в смысле угрозы для Советской России, причём Родзянко считают не менее опасным, чем Колчак. Это сравнение неверно. Колчак действительно опасен, ибо у него есть и пространство для

отступления, и людской материал для обновления войсковых частей, и хлеб для прокормления армии. Несчастье Родзянко и Юденича состоит в том, что у них нехватает ни пространства, ни людского материала, ни хлеба. Финляндия и Эстляндия, конечно, представляют некую базу для формирования белогвардейских частей из русских военнопленных, но, во-первых, военнопленные не могут представить достаточный и вполне надёжный материал для белогвардейских частей; во-вторых, сама обстановка в Финляндии и Эстляндии, ввиду развивающегося там революционного брожения, не представляет благоприятных условий для формирования белогвардейских частей; в-третьих, территория, захваченная Родзянко и Балаховичем (всего около двух уездов), постепенно и систематически сокращается, и пресловутой «северо-западной армии», если ей суждено вообще родиться, скоро негде будет развернуться и маневрировать. Ибо, это надо признать, ни Финляндия, ни Эстляндия, пока, по крайней мере, не представляют «своей собственной территории» для Родзянко — Балаховича — Юденича. Армия без тыла — такова «северо-западная» армия. Нечего говорить, что такая «армия» не может долго жить, если, конечно, не ворзётся в цепь событий какое-нибудь новое, серьёзное, благоприятное для противника обстоятельство международного характера, рассчитывать на что, по всем данным, нет никаких оснований у противника. Красная Армия под Петроградом должна победить»².

Оценка положения на Петроградском фронте, которую дал товарищ Сталин, является образцом марксистско-ленинского научного анализа обстановки. В период пребывания на Петроградском фронте товарищ Сталин проявлял исключительную трудоспособность, предельную чёткость и оперативность, умение подбирать людей, установил правильную систему проверки выполнения приказов. Товарищ Сталин заражал всех своей творческой энергией, вдохновлял всех работников, поощрял инициативу, всегда оказывал поддержку работникам, обладавшим чувством нового и правильно разрешавшим сложные задачи. Товарищ Сталин не преуменьшал силу врага, не игнорировал трудности обстановки, не переоценивал силу сопротивления советских войск. Реальный политик и стратег, он требовал высокой бдительности, предусмотрительности, предупреждал против зазнайства и самоуспокоенности. Товарищ Сталин неоднократно указывал, что для достижения перелома на фронте и для закрепления достигнутой победы требуются максимальные усилия фронта и тыла.

Правильным разрешением оперативно-стратегических и тактических задач, военно-организационных и военно-технических вопросов товарищ Сталин продемонстрировал зрелость советского военного искусства на первой стадии развития советского государства. Его

¹ «Документы», стр. 83—84.

² Там же, стр. 84.

полководческая деятельность—классический образец организации военного разгрома врага. Петроградский опыт военной работы товарища Сталина является образцом сталинской науки побеждать.

На Петроградском фронте товарищ Сталин проявлял героизм и бесстрашие. Он почти непрерывно находился на передовых позициях, посещал самые опасные боевые участки, появлялся там и тогда, когда советские войска испытывали наибольшие трудности.

21 мая товарищ Сталин в телеграмме штабу Западного фронта сообщал, что Гатчина находится под непосредственным ударом белой армии, «самый опасный пункт, повторяю, район Гатчины, куда выезжаем завтра»¹.

24 мая товарищ Сталин сообщал Ленину об осмотре им укреплений на Карельском перешейке.

28 мая Сталин телеграфировал Ленину: «Был занят на фронте. Шифровку разобрал сегодня. Мы пришли практическим путём к тому же выводу, к которому приходите Вы дедуктивным путём. Можете быть уверены, что будет сделано всё, что возможно сделать»².

14—15 июня товарищ Сталин руководил операцией по подавлению антисоветских мятежей на фортах Красная Горка и Серая Лошадь.

18 июня, сообщая Ленину о раскрытии крупного заговора в Кронштадте, Сталин писал: «Подробнее расскажу через дня три—четыре, когда я думаю приехать в Москву на день, если Вы не возражаете. Шлю карту. До сих пор не мог прислать просто потому, что всё время был в отлучке по делам фронта, чаще всего на фронте»³.

За организацию обороны Петрограда, за то, что, находясь в районе боевой линии, под боевым огнём, личным примером воодушевлял защитников Петрограда, товарищ Сталин по постановлению ВЦИК был награждён орденом Красного знамени. В постановлении ВЦИК о награждении товарища Сталина говорится: «В минуту смертельной опасности, когда, окружённая со всех сторон тесным кольцом врагов, Советская власть отражала удары неприятеля, в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 г. подступали к Красной Горке, в этот тяжёлый для Советской России час назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Сталин своей энергией и неутомимой работой сумел слотить дрогнувшие ряды Красной Армии. Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнём личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику. В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте, ВЦИК постановил наградить И. В. Сталина орденом Красного Знамени».

Ещё находясь в Петрограде, товарищ

Сталин по поручению ЦК партии руководил операциями на Западном фронте. 10 июня ЦК поручил товарищу Сталину «почаще наезжать в реввоенсовет Запфронта для проведения действительной централизации по управлению Запфронта», а 15 июня предложил «войти также в состав реввоенсоветзапа и отдать своё внимание всему фронту». 4 июля ЦК партии одобрил деятельность товарища Сталина в Петрограде и на Западном фронте.

Отъезд товарища Сталина в Смоленск был вызван осложнением обстановки на Западном фронте: белополяки переходили к активным операциям и готовились к захвату Мяска. Но товарищ Сталин продолжал руководить обороной Петрограда. 7-я Красная Армия, входившая в состав армий Западного фронта, и в дальнейшем получала приказы по фронту за подписью Сталина.

Петроградская партийная организация прилагала все усилия, чтобы укрепить красноармейские части на фронте. Одновременно с проведением ответственных политических и партийных кампаний по перевыборам Петроградского совета, перерегистрации членов партии и проведением партийной недели продолжалась мобилизация коммунистов на Петроградский фронт.

X общегородская конференция Петроградской организации РКП(б) в своих решениях подчеркнула: «Главной политической задачей, стоящей перед петроградской организацией, является попрежнему оборона Петрограда как одной из важнейших крепостей пролетарской революции... Опасность для Петрограда отнюдь ещё не миновала... Петроградский пролетариат должен быть на посту. Фронту надо ещё и ещё раз отдать лучшие партийные силы... Конференция настаивает на необходимости для коммунистов гораздо интенсивнее, чем это было до сих пор, учиться военному делу»⁴.

28 июля петроградская партийная конференция постановила немедленно мобилизовать для 7-й армии не менее 550 коммунистов, в том числе 50 ответственных работников. 4 августа началась мобилизация первой партии (275 членов РКП(б), в том числе 25 ответственных работников. Мобилизованные были немедленно отправлены в распоряжение политотдела 7-й армии.

В течение июля—августа части Красной Армии систематически и неустанно теснили противника по всему фронту. Противник оказывал бешеное сопротивление. Он пытался закрепиться на всех более или менее значительных рубежах, но под сильным нажимом Красной Армии вынужден был отступить.

Красную Армию, перешедшую в наступление по всему фронту, активно поддерживало трудящееся крестьянство.

5 августа части Красной Армии заняли Ямбург. Белогвардейцы были прижаты к Нарве. Это была большая победа Красной Армии на Петроградском фронте. 23 ию-

¹ «Документы», стр. 18.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 75.

⁴ «Петроградская правда» от 30 июля 1919 года.

ля 1919 г. Совет рабоче-крестьянской обороны принял решение о превращении Петрограда и его окрестностей радиусом до 15 вёрст в укрепленный район. В пределы Петроградского укрепленного района были включены побережье Ладожского озера от устья реки Паша, Карельский перешеек, Балтийский флот с крепостью Кронштадт и район, ограниченный с юга Ораниенбаумом, Ропша, Кипень, Гатчино, Тосно, Званка, устье р. Паша. 5 августа товарищ Сталин подписал приказ войскам Западного фронта о создании особого Петроградского укрепленного района.

Товарищ Сталин требовал усовершенствования выдвинутых вперед укрепленных позиций на Карельском перешейке и на линии Ораниенбаум—Ропша—Кипень (Гатчино) — Суйда. Во вторую очередь подлежали усовершенствованию вторые укрепленные линии, также выдвинутые вперед от Петрограда. При разработке проекта инженерной подготовки Петроградского района нужно было исходить из необходимости обеспечения укрепленного района со стороны возможных пунктов высадки десанта противника на Ладожском побережье.

Вскоре Красная Армия одержала победу и на псковском направлении. 26 августа красные войска заняли Псков. Банды Балаховича были разбиты и скрылись на территории Эстонии. Белоэстонские войска начали отступать.

Наступление Красной Армии на нарвском и псковском направлениях проходило в соответствии с указаниями товарища Сталина. Он настойчиво требовал скорейшего разгрома белогвардейцев под Петроградом и освобождения занятой белогвардейцами территории, занятия линии Ямбург—Гдов—Псков.

Товарищ Сталин не раз приезжал из Смоленска в Петроград для непосредственного ознакомления с положением дел на Петроградском фронте. После занятия Красной Армией Ямбура и Пскова товарищ Сталин настаивал на быстрейшем занятии Гдовского района, ещё находившегося в руках белогвардейцев.

В одном из приказов войскам Западного фронта, подписанных товарищем Сталиным как членом Реввоенсовета Западного фронта, отмечалось, что для ликвидации гдовской группы белых нужно провести решительные и искусные операции, что Красная Армия сможет разбить гдовскую группу белых и что всякие другие результаты операций в этом районе будут свидетельствовать о явно неудовлетворительном оперативно-тактическом руководстве штаба 7-й армии. В этом приказе говорилось и о способах борьбы, которые должна была применять Красная Армия для окончательной ликвидации гдовской группы белых. Рекомендовалось умело сочетать лобовые, фронтальные удары с активными действиями на флангах противника.

Однако командование 7-й армии не приняло во внимание эти указания. В штабе армии продолжали орудовать белогвардейские заговорщики. Начальник штаба 7-й армии Люндеквист сделал всё, чтобы спасти гдов-

скую группу белых от полного разгрома. Он дал возможность белогвардейцам эмигрировать время и отсидеться в Гдовском районе, а затем перейти вновь в наступление на Петроград.

Таким образом, в августе 1919 г. первые попытки белогвардейцев захватить Петроград были отражены, но успех Красной Армии на Петроградском фронте не был закреплён последующими операциями, так как не была уничтожена гдовская группа белогвардейцев.

Хотя рабочие Петрограда показали исключительную силу сопротивления, однако, как выяснилось впоследствии, не все белогвардейские гнезда были уничтожены. Противник не терял надежды захватить Петроград. Новое наступление на Петроград он предпринял в октябре 1919 г., когда Деникин развивал наступление на юге России. Но и на сей раз расчёты белогвардейцев сорвались.

Петроградская большевистская партийная организация за время обороны Петрограда летом 1919 г. прошла под непосредственным руководством товарища Сталина замечательную школу ленинско-сталинского стиля работы. Практический опыт военно-политической работы, приобретённый петроградскими большевиками летом 1919 г., был широко использован при отражении осеннего, второго наступления белогвардейцев на Петроград и при организации окончательного разгрома армии Юденича.

Осенью 1919 г., когда Советская республика, напрягая все силы, отражала главный натиск врага на Южном фронте, над Петроградом снова нависла угроза: белогвардейская армия Юденича на этот раз подошла к последнему тактическому рубежу у Петрограда, к району Пулковских высот.

Петроградский пролетариат снова грудью стал на защиту первого города пролетарской революции. Руководимые и вдохновляемые партией Ленина—Сталина, рабочие и работники, красноармейцы и краснофлотцы ещё раз показали пример выполнения революционного долга, беззаветной преданности социалистическому отечеству. В суровых схватках с врагом они продемонстрировали несокрушимую силу советского народа, сплочённого вокруг большевистской партии, и покрыли себя неуязвимой славой в борьбе за дело социалистической революции.

Ленин обратился тогда с воззванием к рабочим и красноармейцам Петрограда: «Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России. Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самопожертвования. Товарищи! Решается

судьба Петрограда! Враг старается захватить нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силён быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули её. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!»¹.

Призыв вождя нашёл горячий отклик у петроградского пролетариата. Бои в районе Пулковских высот, знаменовавшие собой кризис всей операции противника, закончились крупной победой Красной Армии на Петроградском фронте. В конце октября 1919 г. на фронте произошёл перелом: героические защитники Петрограда перешли в стремительное наступление и к середине ноября, захватив Ямбург, изгнали белогвардейцев с советской земли.

За боевые заслуги перед республикой, за героизм, проявленный в обороне Петрограда, VII Всероссийский съезд советов постановил наградить Петроград красным знаменем и орденом Красного знамени. Город-боец — красный Петроград — стал коллективным героем-краснознамёнцем.

20 декабря 1919 г. М. И. Калинин, вручая высокую правительственную награду городу-герою, на торжественном заседании Петроградского совета произнёс замечательную речь, в которой отмечал высокие боевые качества петроградцев: «Товарищи, VII Всероссийский Съезд Советов при назначении этой награды вполне понимал, что, давая

знамя Петрограду, он подвергает это знамя огромной опасности, ибо это знамя будет находиться на первом боевом посту при столкновении с международными бандами. Он отлично сознавал, что это знамя не защищено неприступными крепостями, что это знамя не защищено огромными пространствами, что это знамя развеивается на глазах врагов русского пролетариата, что разорвать и уничтожить это знамя — желанная мечта врагов пролетариата. Но, товарищи, рабочие и крестьянские массы России твёрдо знают, что петроградский пролетариат своим прошлым и настоящим показал всему миру, что способность петроградского пролетариата к революционной борьбе есть лучшая сила и лучшая защита... Петроградский пролетариат, закалённый в борьбе, никогда этого знамени не отдаст врагам народа. Петроградский пролетариат привык знамёна брать, а не отдавать. Армии, которые возымеют дерзость захватить это знамя, заплатятся своими знамёнами. Это знамя на веки-вечные водрузится здесь, и петроградский пролетариат будет высоко держать его перед всем миром»².

Как оправдались эти проникнутые чувством глубокого уважения и любви к петроградцам пророческие слова!

Прошло четверть века с тех пор, как под руководством товарища Сталина была одержана блестящая победа в боях за город русской национальной славы и гордости. Великий и непобедимый город-исполин, ставший историческим памятником народного мужества и героизма, вновь прославил себя в беспримерных боях против немецко-фашистских захватчиков.

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 488.

² «Документы», стр. 184.

АСТРАХАНСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

(февраль — апрель 1919 г.).

Г. Чернова

Оборона Астрахани, которой руководил Сергей Миронович Киров, является одной из ярких страниц героической борьбы нашего народа в годы интервенции и гражданской войны в СССР.

О важном стратегическом значении Астрахани и об угрозе, нависшей над этим городом, писал товарищ Сталин в телеграмме тов. Ворошилову 5 октября 1918 г.: «После некоторого размышления на досуге, для меня стало очевидным, что казаки (донские казаки. — Г. Ч.) намерены во что бы то ни стало соединиться с астраханскими казаками, прервать Волгу, если даже Царицын не будет взят, то отрезать совершенно Северо-Кавказскую армию от центра снабжения, взять Астрахань, закрепить за собой Сев. Каспий и Сев. Кавказ»¹.

В начале 1919 г., захватив Северный Кавказ, денкиинцы предполагали соединиться с астраханскими белоказаками. Тем большее значение имела Астрахань, как клин, разъединявший южную и восточную контрреволюцию, денкиинцев с колчаковцами, с астраханскими и уральскими белоказаками. Сохранение Астрахани, а значит, и устья Волги в наших руках не давало возможности белогвардейцам овладеть Волгой. Падение Астрахани означало бы большую угрозу Поволжью и центру Советской России. С падением Астрахани белогвардейцы и интервенты оказались бы полными хозяевами на Каспийском море.

Астрахань имела также большое значение как база для продвижения Красной Армии на Кавказ. «Если астраханский пролетариат, подобно самарскому, с такой же энергией встанет на защиту Красной Волги, — сказал В. В. Куйбышев в беседе с сотрудником РОСТА, — опасность будет устранена, район сохранится за Советской республикой и станет базой для операций на Кавказе»². В начале 1919 г. Астрахань с трёх сторон была окружена врагами: с югозапада были денкиинцы, с юга, с Каспийского моря, угрожал флот денкиинцев и интервентов, с востока — астраханские и уральские белоказаки. После взятия Дени-

киным Царицына 1 июля 1919 г. угроза с севера увеличилась.

Успехи Красной Армии на астраханском фронте имели большое значение для успешной борьбы за советскую власть на Северном Кавказе и в Закавказье, они вселяли веру в скорую победу и вдохновляли рабочих и крестьян Закавказья и Северного Кавказа на борьбу против белых банд. Тов. Микоян, член бюро Кавказского краевого и Бакинского комитетов большевистской партии, в своём докладе С. М. Кирову писал: «Успех всего нашего движения в очень многом зависит от темпа продвижения астраханских советских морских и сухопутных сил»³.

Астрахань имела также большое экономическое значение как крупнейший порт на Волге. Значение Астрахани С. М. Киров определил так: «Мы знаем, что наша Астрахань имеет значение для всей Республики, и мы должны всеми силами и средствами защищать край... Помните, что наша Астрахань является воротами к богатым нефтью и хлебом местам»⁴.

Но большое значение Астрахани для судьбы Советской республики понимали и наши враги. Поэтому они ставили своей задачей во что бы то ни стало захватить Астрахань. В Астрахань, как и в другие части юговостока России, после Октябрьской революции устремилось всякое контрреволюционное охвостье, считавшее эти районы наиболее удобными для организации сил контрреволюции.

Промышленных предприятий, а значит, и промышленных рабочих в Астраханской губернии и в самой Астрахани было немного. Правда, здесь было много ловцов, пружчигов, рабочих водного транспорта и рыбных промыслов. Но это сезонные рабочие и в значительной части недавние мелкие собственники. В то же время в Астрахани как в крупном торговом центре было много рыбопромышленников, торговцев, купцов.

Население Астрахани и губернии, в состав которой входили Калмыцкая и Киргизская степи, отличалось многонациональ-

¹ Ворошилов К. «Сталин и Красная Армия», стр. 50. Военгиздат. 1937.

² «Правда» от 29 июля 1919 года.

³ См. Киров С. Статьи, речи, документы. Т. I, стр. 145. Партиздат. 1936.

⁴ Там же, стр. 66, 67.

ностью. В составе населения Астрахани были представители одиннадцати национальностей.

Наряду с угнетёнными до революции национальностями среди населения Астраханской губернии были и привилегированные казаки, составлявшие Астраханское казачье войско. Из одиннадцати казачьих войск России Астраханское войско по количеству казаков занимало предпоследнее место. Но и здесь значительная часть казачества, главным образом казацкая верхушка, выступала против советской власти.

На совещании в Екатеринодаре в сентябре 1917 г. по вопросу об образовании контрреволюционного юговосточного союза наряду с представителями Донского, Кубанского, Терского казачьего войска присутствовали и представители Астраханского казачьего войска.

Астраханский войсковой круг вместе с верхушкой калмыков всячески пытался втянуть калмыков в борьбу против Советской России. С этой целью 3-й войсковой круг Астраханского казачьего войска в сентябре 1917 г. санкционировал принятие калмыков в Астраханское казачье войско.

Астраханское казачество было неоднородно. В январе—феврале 1918 г., когда революционные рабочие Астрахани вели борьбу против контрреволюционных казаков и офицеров, за установление советской власти в Астрахани, отдельные казачьи сотни отказались выступить против революционных рабочих.

В результате героической борьбы революционных рабочих Астрахани против контрреволюционных сил власть в Астрахани 7 февраля 1918 г. перешла в руки советов. Но в советские организации проникло много людей, чуждых советской власти. Поэтому многие мероприятия советской власти не только не проводились в жизнь, но против них велась борьба. Должной борьбы против контрреволюционных организаций не велось.

Происходивший летом 1918 г. II губернский съезд советов, на который пролезло много кулаков, принял решение отменить хлебную монополию.

7 июня, на следующий день после приезда в Царицын, Сталин телеграфировал Ленину, что в Царицыне, Астрахани, Саратове советы отменили монополию и твёрдые цены, что царит вакханалия и спекуляция, что он добился введения карточной системы и твёрдых цен в Царицыне и что того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечёт весь хлеб.

В декабре 1918 г. 3-й астраханский губернский съезд советов аннулировал решения 2-го губернского съезда советов, переизбрал губернский и городской исполкомы. Однако советский аппарат как в городе, так и в деревне всё ещё был засорён чуждыми людьми.

Астраханская организация РКП(б) также оказалась засорённой чуждыми, карьеристскими элементами. Газета «Коммунист» —

орган Астраханского губкома партии — не писала о напряжённом положении на фронте, не мобилизовала широких масс трудящихся на помощь Красной Армии, не мобилизовала членов партии на улучшение партийной, советской работы, на борьбу с трудностями.

Взаимоотношения между партийной и профсоюзной организациями были ненормальные. Я. М. Свердлов в докладе о партийной работе на заседании фракции коммунистов II Всероссийского съезда профсоюзов 16—25 января 1919 г. говорил о ненормальных взаимоотношениях на местах между партийными и профсоюзными организациями и отметил, что «в Астрахани на почве отчуждения профессиональных работников от местной партийной работы и малого внимания, уделяемого партийными центрами профессиональной работе, создался конфликт, который ликвидировать можно будет не изобличением друг друга в контрреволюционности и саботаже, а взаимным доверием и тесной связью партийных товарищей, работающих в той или другой области»¹.

Получив сигналы о неблагополучном положении в Астрахани, Я. М. Свердлов послал туда двух представителей ЦК партии. После проверки партийной работы они сообщили Свердлову, что работа астраханской партийной организации не оформлена, в составе парторганизации есть подозрительные элементы, губком партии не ведёт работы в профсоюзах, и предлагали провести перерегистрацию членов партии и перевыборы партийных комитетов. Я. М. Свердлов предложил представителям ЦК продолжать значащую работу и оставаться в Астрахани до тех пор, пока она не будет налажена.

Положение Астрахани стало ещё более сложным в январе 1919 г., когда началось отступление XI Красной армии с Северного Кавказа на Астрахань. Противник приближался к Астрахани с запада. С востока ей угрожали астраханские и уральские белоказаки. В январе 1919 г. в Гурьеве, занятом в 1918 г. уральскими белоказаками, высадился десант интервентов. Белоказаки получили много военного снаряжения. В руках белогвардейцев и интервентов были все важнейшие порты Каспийского моря, кроме Астрахани. Усилилось давление противника на Астрахань и с севера. 15 февраля 1919 г. белогвардейцы подошли к Чёрному Яру, но были отброшены Красной Армией. В городе и в губернии свирепствовала эпидемия тифа.

Сложившаяся обстановка требовала напряжения всех сил на фронте и в тылу. Троцкий назначил Шляпникова председателем Резвоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, который находился в Астрахани. В состав Каспийско-Кавказского фронта входили 11-я и 12-я армии и Астраханско-Каспийская воен-

¹ Свердлов Я. Избранные статьи и речи 1917—1919 гг., стр. 148—149. Госполитиздат. 1939.

ная флотилия. Шляпников развалил всю работу, особенно снабжение фронта; он являлся главным виновником отступления 11-й армии. Шляпников игнорировал местные партийные и советские организации, затеял склоку между местными и приезжими работниками, «астраханцами» и «центровниками»¹.

Ещё 15 августа 1918 г., в период первого окружения Царицына, когда революционные рабочие Астрахани готовили помощь Царицыну, контрреволюционеры подняли в Астрахани мятеж. Мятеж был быстро подавлен под руководством бывшего тогда проездом в Астрахани С. М. Кирова и астраханского военкома Анисимова. Но помощь Царицыну была сорвана.

Приближение фронта к Астрахани активизировало антисоветские элементы: они организовали контрреволюционный заговор, который в ночь на 23 января 1919 г. был ликвидирован, около 300 заговорщиков было арестовано. Но и после этого антисоветские элементы продолжали вести подрывную работу.

Создавшееся в Астрахани положение требовало проведения решительных мер по улучшению работы местных партийных и советских организаций.

В середине января 1919 г. в Астрахань из Москвы приехал С. М. Киров во главе второй экспедиции, организованной в помощь Северному Кавказу. С. М. Киров сразу же приступил к отправке на Северный Кавказ снаряжения, обмундирования и денег для 11-й армии. 25 января он выехал по направлению на Кизляр, с тем чтобы прорваться на Северный Кавказ.

Но в это время 11-я армия уже отступала. Прорваться на Северный Кавказ было невозможно, и Киров принял единственно правильное решение — вернуться в Астрахань и остаться здесь для организации обороны города и края.

Для успешной обороны Астрахани необходимо было переформировать и оздоровить части Красной Армии, очистить тыл от притаившихся контрреволюционеров. Надо было перестроить работу партийных, советских и профессиональных организаций, заводов и учреждений применительно к условиям военного времени. Местные партийные и советские организации были слабы, недостаточно авторитетны и не могли справиться с этими задачами. Поэтому нужен был такой авторитетный орган, который, обладая всей полнотой власти, смог бы объединить все силы трудящихся для выполнения неотложных задач. 25 февраля 1919 г. на совместном заседании руководящих губернских и городских организаций и Реввоенсовета фронта был создан Временный военно-революционный комитет. Ревком был утверждён в следующем составе: председатель — С. М. Киров, члены Ревкома — представи-

тели губкома партии, губисполкома, горисполкома, совета профсоюзов и политотдела фронта.

27 февраля 1919 г. Временный военно-революционный комитет опубликовал обращение ко всем рабочим и трудящимся Астраханской губернии. В обращении сообщалось, что с 25 февраля 1919 г. вся полнота власти в Астраханской губернии перешла в руки Временного военно-революционного комитета, и указывалось, что это чрезвычайное мероприятие диктуется переживаемым моментом, который «властно требует от всех сознательных и честных защитников Советской России чрезвычайного напряжения сил, что возможно только при полной централизации управления... Главная же наша задача, — говорилось в обращении, — это работа для армии, ей мы должны отдать всё... Наш долг во что бы то ни стало дать армии продовольствие, обеспечить спокойное пребывание в городе Астрахани больных бойцов». В этом же обращении Ревком призывал трудящихся работать с напряжением всех сил: «Помните, что сейчас каждая минута для нас чрезвычайно дорога, и всякий, кто не бережёт времени революционной работы, совершает преступление перед революцией». Обращаясь к рабочим Астрахани, Ревком указывал: «Вы, как опора Советской власти в Астраханском крае, должны твёрдо помнить, что на наш Каспийско-Кавказский фронт смотрят сейчас все рабочие и революционные крестьяне Советской республики, и мы во что бы то ни стало должны оправдать надежды Республики»².

Это обращение, написанное С. М. Кировым, являлось программой работы всех астраханских организаций и трудящихся Астраханской губернии.

Среди населения Астрахани была распространена листовка, в которой со всей остротой ставился вопрос о необходимости создания крепкого тыла, так как «армия сильна только сильным тылом». Создание крепкого тыла было особенно необходимо в прифронтной полосе, здесь «всё рабоче-крестьянское население, все советские учреждения должны нести такую же напряжённую работу, как и сама Красная Армия»³.

Ещё до создания Ревкома С. М. Киров принял срочные меры по организации помощи отступавшим на Астрахань бойцам 11-й армии. 7 февраля 1919 г. на военном совещании в Эркетеновском улусе, на котором присутствовал Киров, было решено создать тыловые базы — медицинские и питательные пункты. Навстречу отступавшим бойцам 11-й армии были посланы медицинские работники, продовольствие и медикаменты. В феврале в Астрахань стали прибывать больные красноармейцы с Северного Кавказа. Важнейшей задачей Ревкома являлась борьба с эпидемией тифа. 23 марта в Астрахани была организована чрезвычайная

¹ Шляпников был отстранён от руководства Реввоенсоветом Каспийско-Кавказского фронта в первой половине февраля 1919 г. после приезда С. М. Кирова в Астрахань.

² Киров С. Статьи, речи, документы. Т. I, стр. 124, 125, 124.

³ «Сталинградская правда» от 1 декабря 1939 года.

комиссия по борьбе с эпидемией. Под медицинские пункты и лазареты Ревком отвёл здания школ, клубов и театров. Но этих помещений не хватало. Необходимо было изыскать дополнительную площадь. Для этого была создана специальная чрезвычайная комиссия по уплотнению жильцов.

Не хватало медицинских работников; поэтому наряду с мобилизацией медицинских работников для ухода за бельными и ранеными красноармейцами и для борьбы с эпидемией были привлечены также студенты Астраханского университета, учителя, учащиеся старших классов. При Астраханском университете были организованы курсы санитаров и дезинфекторов.

В городе были проведены собрания и митинги с призывом оказать помощь Красной Армии. С 2 по 9 марта проводилась неделя сбора белья. Домашние хозяйки шили бельё бесплатно. Крестьяне ряда сёл приносили в госпитали продукты и одежду.

Были приняты меры к очистке города. 31 марта Ревком предложил Совету народного хозяйства немедленно организовать производство мыла. Расширялась сеть аптек, и увеличивалось время их работы.

С. М. Киров постоянно интересовался работой госпиталей, неоднократно посещал их, проявлял большую заботу о медицинских работниках. Благодаря неустанным заботам Ревкома и трудящихся Астрахани тысячи больных красноармейцев были спасены. Они вновь вступили в ряды Красной Армии и героически сражались с врагами.

Через год — 29 марта 1920 г. — Реввоенсовет 11-й армии прислал телеграмму Астраханскому губисполкому за подписью С. М. Кирова: «Красные бойцы XI армии шлют свой боевой привет астраханскому пролетариату. Шествуя победоносно по Северному Кавказу, XI армия твёрдо помнит год, когда она, усталая, больная, раздетая и голодная, вынуждена была отступать под натиском противника по бескрайним астраханским степям в Красную Астрахань, где нашла братский приют астраханского пролетариата»¹.

В связи с отступлением 11-й армии в Астрахань прибывало много беженцев. Население в городе значительно увеличилось. Запасы же продовольствия были ничтожны. Поэтому вопрос о продовольствии был одним из основных вопросов, который Ревком должен был немедленно разрешить. Ревком ввёл строгий учёт всех имевшихся запасов продовольствия и установил строгий контроль над их расходом. Необходимо было уменьшить хлебный паёк.

26 февраля Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта издал приказ об уменьшении хлебного пайка для красноармейцев с двух фунтов до одного. 27 февраля Ревком дал распоряжение сократить паёк для гражданского населения: первой категории — до одного фунта в день, второй категории — $\frac{1}{2}$ фунта, третьей — $\frac{1}{4}$ фунта.

¹ «Коммунист» (Астрахань) от 31 марта 1920 года.

Одновременно Ревком обязал продовольственные органы вдвое увеличить рыбный паёк и выдавать рыбу более высокого качества. С. М. Киров предложил Красноармейскому уездному исполкому и земотделу принять срочные меры по заготовке мяса для Красной Армии. «Мяса абсолютно нет. Тысячи больных воинов погибают от отсутствием питания. Исполнением прошу донести»², — писал С. М. Киров в Красный Яр.

Ревком обязал продовольственные органы не позднее 4 марта ввести общегосударственный классовый паёк. «Этим, наконец, и в Астрахани, — говорилось в приказе, — кладётся начало проведению в жизнь принципа: «хлеб только трудящимся»³.

По требованию С. М. Кирова Наркомпрод 4 марта дал наряд Самарскому губпродкому немедленно погрузить для Астрахани 30 тыс. пудов хлеба.

27 февраля, в день издания Ревкомом приказа о сокращении хлебного пайка, С. М. Киров выступил на происходившей в то время 2-й астраханской губернской партийной конференции. Отметив тяжёлое положение страны, неудачи Красной Армии на Северном Кавказе, распространение в армии эпидемии тифа и тяжёлое положение с продовольствием, Киров заявил: «Едоков здесь увеличилось, но хлеба достаточно не поступило, что нас и заставило сократить хлебный паёк, потому теперь на нашей партии лежит большая обязанность удержать массы в этот переживаемый момент. Я надеюсь, что мы выйдем победителями из этого положения»⁴. Конференция приняла ряд мер для усиления массовой работы.

Астраханские газеты разъясняли трудящимся, что только крайняя необходимость заставила прибегнуть к сокращению хлебного пайка: «Тысячи больных и голодных товарищей ваших, пройдя пешком сотни вёрст, терпя нечеловеческие муки, лишь бы не попасть в плен к казачьим генералам, добрались до Астрахани, где и так назревал продовольственный кризис... Не имея больших запасов продовольственных продуктов и не предвидя скорое получение их, нужно было прибегнуть к крайней мере, а именно к самоограничению»⁵.

Белогвардейцы и их агенты — меньшевики и эсеры, — пользуясь продовольственными затруднениями, развернули подрывную работу среди населения города и главным образом на заводах, выполнявших заказы для Красной Армии. На ряде заводов — «Кавказ и Меркурий», бывших заводах Нобеля, Норена и других — были проведены подпольные собрания. Местным органам советской власти были предъявлены ульт-

² Ленинградский музей С. М. Кирова, отдел фондов, отд. 1, папка 38, л. 3.

³ «Красный воин» (Астрахань) от 5 марта 1919 года.

⁴ «Коммунист» от 4 марта 1919 года.

⁵ «Коммунист» от 5 марта 1919 года.

тимативные требования — развернуть свободную торговлю, увеличить хлебный паёк и др. Была даже созвана конференция представителей некоторых заводов, на которой антисоветские элементы протащили резолюцию с угрозой забастовки. По городу распространялись провокационные слухи, что Астрахань скоро будет в руках белоказаков.

Было очевидно, что враги готовили восстание, они спешили использовать чрезвычайно тяжёлое положение в Астрахани. План восстания был разработан ими заранее. Они имели, как потом выяснилось, свой штаб, пулемёты, винтовки, полевой телефон. Руководили подготовкой восстания белогвардейские офицеры, в том числе пробравшиеся через линию фронта денкиинцы. Во главе восстания стоял белогвардейский казачий офицер Калмыков. Активно участвовали в подготовке восстания эсеры и местная буржуазия. Восстание предполагалось начать весной 1919 г. одновременно в ряде мест, в том числе и в Астрахани.

Ревком неоднократно предупреждал рабочих о возможных провокациях. 5 марта на объединённом собрании совета профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций выступил С. М. Киров с докладом по продовольственному вопросу. «Для того чтобы сэкономить имеющиеся запасы,—сказал С. М. Киров,—до ожидаемого вскоре подвоза значительных хлебных грузов, Ревком в первую голову провёл меру уменьшения рабочего и красноармейского пайка до одного фунта. Кроме того, сейчас Ревком всецело занят работой по размещению больных и беженцев, прибывающих с фронта, и по борьбе с эпидемией сыпного тифа. Как в своей продовольственной, так и в санитарной политике Ревком будет твёрд и решителен, не уступая никаким требованиям провокационного характера»¹.

Собрание было многолюдным и очень бурным. Наряду с правильными выступлениями рабочих были и антисоветские требования свободной торговли, увеличения хлебного пайка. Была даже оглашена резолюция с угрозой забастовки, в случае невыполнения требований, что вызвало возмущение рабочих.

В своём заключительном слове С. М. Киров спокойно и уверенно разъяснил создавшееся положение, доказал, что требования об увеличении продовольственного пайка в данное время не могут быть удовлетворены.

Собрание постановило считать преступлением прекращение работы на заводах в данный момент, признало неизбежность государственной хлебной монополии и предложило губпродкому принять меры по улучшению снабжения на основе продовольственных норм, установленных Ревкомом, организовать закупку ненормированных продуктов, улучшить снабжение свежей рыбой, улучшить выпечку хлеба и работу хлебных магазинов.

7 марта моряки обратились к рабочим с

призывом не поддаваться провокации антисоветских элементов. Районный комитет работников водного транспорта опубликовал такое же обращение к рабочим водного транспорта.

В этот же день, в 9 час. утра, Ревком объявил Астрахань на военном положении и образовал совет обороны города. Была послана экстренная телеграмма Ленину и Свердлову, в которой Киров информировал о создавшемся положении в Астрахани и сообщал о мобилизации местными организациями всех сил, об устойчивом настроении гарнизона.

8 марта Ревком вновь обратился к рабочим с призывом дать отпор провокаторам. «За последнее время,—говорилось в обращении,—в связи с обострением продовольственного дела в гор. Астрахани, замечается нарушение нормального порядка общественной и особенно фабрично-заводской жизни... Очевидно, всему этому нужно положить предел. Необходимо раз навсегда показать врагам рабоче-крестьянской России, что им не место в революционной Астрахани... Пусть помнят все, что революционная власть самым беспощадным образом расправится со всеми вольными и невольными врагами Советской России»².

Хотя гарнизон в основном был надёжным, всё же в некоторых частях, особенно в 45-м полку, антисоветские элементы имели некоторое влияние. В 45-й полк были посланы коммунисты, которые провели там большую работу, в результате чего часть этого полка приняла участие в подавлении мятежа.

Моряки Каспийской флотилии, слушатели курсов командного состава и гарнизон были приведены в боевую готовность. Судам Астраханско-Каспийской военной флотилии был дан приказ командам на берег не отлучаться, усилить вахтенную службу и быть готовыми к выступлению.

10 марта, около 10 час. утра, на некоторых заводах раздались тревожные гудки. Это был сигнал для контрреволюционного выступления. Белогвардейцы стремились захватить заводы, порт, мосты и вокзал.

Под руководством С. М. Кирова были мобилизованы все силы для подавления мятежа. На заводы и в порт были посланы моряки. Военским частям отдано было распоряжение занять мосты, вокзал, пристани, аэродром, почту, телеграф, центральную часть города, связаться с постами на переправах. Боевые корабли флотилии были приготовлены к бою. Командам были розданы винтовки.

Одновременно были приняты меры к усилению карательных органов. Губернская чрезвычайная комиссия и особый отдел фронта объединились в единый орган — Особый отдел. Возглавлял этот отдел старый большевик Георгий Атарбеков.

10 марта Астрахань была объявлена на осадном положении. В каждом из шести районов города были учреждены военные комендатуры, к которым перешла власть в

¹ «Коммунист» от 7 марта 1919 года.

² Ленинградский музей С. М. Кирова, отдел фондов, отд. 10, папка 6, л. 58.

районе. Движение по городу было запрещено.

Для того чтобы восстановить порядок в городе, Ревком опубликовал приказ: «Всех бандитов, мародёров и сопротивляющихся велениям Советской власти расстреливать на месте»¹. Впредь до особого распоряжения приостановить отправку пассажирских поездов; коменданту города принять меры к тому, чтобы ни один белогвардеец не ускользнул из Астрахани. Предлагалось у всех отказавшихся работать немедленно отобрать продовольственные карточки. Особому отделу предлагалось всех виновников восстания немедленно предавать суду Военно-полкового революционного трибунала.

Мятежники заняли помещение Эллинго-Бакандинского райкома партии, колокольную церковь Иоанна Златоуста, пожарную каланчу, откуда они начали стрелять из пулемётов.

По распоряжению С. М. Кирова 10 марта, в 15 ч. 40 м., миноносец «Москвитянин» открыл огонь по колокольне. Пулемёт был сбит. Часть 3-й роты мусульманского полка заняла штаб белогвардейцев. Она захватила там много оружия, патронов и освободила пленных коммунистов.

Силами партийной организации, революционных рабочих, моряков, красноармейцев к 10 час. вечера белогвардейцы были рассеяны.

11 марта белогвардейцы опять попытались выступить, но безуспешно. К 12 марта белогвардейский мятеж был окончательно подавлен, о чём сообщалось в приказе Ревкома и Реввоенсовета фронта. Значительная часть этого приказа была написана С. М. Кировым. «Белогвардейцы и все враги Рабоче-крестьянской власти, дерзнувшие поднять свою подлую руку против пролетарской революции, разбиты», — сообщалось в приказе. Дальше указывалось, что белогвардейцы рассчитывали, захватив Астрахань, запереть советскую Волгу: «Но тяжёлая рука революции беспощадно разбила все их планы. Красная армия, Красный флот и революционные рабочие Астрахани дружным ударом разбили в прах контрреволюционные банды... Белые банды ещё раз должны будут убедиться в том, что, выступая против Советской власти в Астрахани, они тем самым идут против всей Советской России, которая непобедима, которая каждым днём своего существования доказывает это»². С. М. Киров руководил всеми мероприятиями по предупреждению мятежа, а когда мятеж начался, он руководил его подавлением, увлекая за собой коммунистов, сознательных рабочих, моряков, красноармейцев. С. М. Киров работал в эти дни без отдыха, без сна, но, как всегда, был бодр и полон энергии. В письме к товарищу по совместной работе он писал: «Работаю здесь как вол, не имею ни одной минуты свободного времени. Это потому, что обстановка очень тяжёлая. 10—11 марта здесь было основательное белогвардейское вы-

ступление, ликвидировано удачно, но повозиться пришлось»³.

В боях с белобандитами 10—11 марта погибло 33 товарища. Героической смертью погиб коммунист Ланин, командовавший отрядом; так же героически погиб секретарь партячейки Хидаят Элинбекли. Ему было 60 лет. Несмотря на свой возраст, он взял винтовку и отправился на подавление мятежа. 16 марта состоялись похороны погибших товарищей. На траурном митинге выступил С. М. Киров. Он призывал трудящихся Астрахани так же самоотверженно бороться с контрреволюцией, как боролись погибшие товарищи.

Белогвардейцы вели провокационную работу не только в городе, но и в деревнях. Здесь их опорой были кулаки, которые имели связь с астраханской белогвардейской организацией. Мятежи в Астраханском и Красноярском уездах начались одновременно с выступлением белогвардейцев в Астрахани. Между Рязано-Уральской железной дорогой и Волгой, в степях, оперировала банда под названием «Степные партизаны». Она также была связана с астраханскими белогвардейцами.

Кулаки всюду действовали одинаково: убивали коммунистов, советских активистов, преданных советской власти людей. Сельские коммунисты героически боролись с повстанцами и погибали, как герои. В селе Самосделка был убит председатель сельсовета Косарев. На крики кулаков: «Все коммунисты, выходи на улицу!» — он ответил, что не уйдёт со своего поста. Когда в этом же селе арестовали коммунистку Ширяеву, она обратилась к толпе со словами: «Советская власть крепка, и в этом селе она в ближайшие часы восстановится».

Ревком совместно с губкомом РКП(б) и губисполкомом направил в деревню ответственных работников. Кулацкие мятежи в деревнях были быстро подавлены.

После подавления мартовского белогвардейского мятежа Ревком совместно с партийными, профсоюзными и советскими организациями провёл в городе ряд собраний, митингов.

15 марта состоялось собрание совета профсоюзов с представителями фабзавкомов. По докладу о задачах профсоюзов в связи с событиями 10—11 марта собрание постановило провести перерегистрацию всех членов союза и перевыборы фабрично-заводских комитетов. Многие профсоюзы при перерегистрации требовали от членов союза письменно заверенных сведений об их поведении во время белогвардейского мятежа.

23 марта на многолюдном собрании пишевиков и конопатчиков, на котором присутствовало больше тысячи человек, выступил С. М. Киров. Собрание постановило напрячь все силы для снабжения армии всем необходимым.

Рабочие завода быв. Нобель на собрании 19 марта постановили: «Признавая свою жестокую ошибку, сделанную в дни 10—

¹ Киров С. Статьи, речи и документы, Т. I, стр. 131.

² Там же, стр. 133.

³ Ленинградский музей С. М. Кирова, отдел фондов, отд. I, папка 38, лл. 89—90.

11 марта с. г., поддавшись в то время злостной затее белой сволочи, даём клятву впредь всеми силами и средствами защищать рабоче-крестьянскую власть — власть советов»¹.

Аналогичные постановления принимались и на других собраниях. Это говорило о большой перемене в настроении той части астраханских рабочих, которая в своё время поддалась белогвардейской провокации. Огромная работа, которую провели Ревком, партийные, советские и профессиональные организации под руководством С. М. Кирова, дала свои плоды. Рабочие поняли истинные цели и замыслы белогвардейцев и их агентов.

Под руководством С. М. Кирова внутренняя контрреволюция в Астрахани была разгромлена, советская власть укрепилась. В этой борьбе закалились астраханские большевики. Большинство коммунистов города и деревни находилось в первых рядах борющихся против белогвардейцев. Многие из них героически погибли в этой борьбе.

26 февраля — 2 марта 1919 г., накануне VIII съезда РКП(б), состоялась 2-я астраханская губернская партконференция, в работе которой принимал участие С. М. Киров. Конференция заявила, что «предстоящий партийный съезд должен призвать все партийные организации к строгой проверке всех членов партии и очищению рядов её от чуждых ей элементов»². Конференция приняла решение создать партийную инспекцию для контроля над проведением в жизнь постановлений партии. 6 марта на заседании губкома партии был утверждён состав инспекции из 18 товарищей. Первым в списке был С. М. Киров.

16 марта губком партии сообщал в астраханских газетах, что ЦК РКП(б) поручил комиссии произвести перерегистрацию членов астраханской парторганизации. После перерегистрации из 3500 членов партии в астраханской городской партийной организации осталось 1300. Очищение рядов парторганизации проводили и сами партийные организации в порядке повседневной партийной работы. Партийные суды, партийные комитеты исключали из партии шкурников и карьеристов. После перерегистрации во всех районах города были переизбраны районные партийные комитеты. В начале мая состоялась общегородская партийная конференция, она заслушала доклад комиссии по перерегистрации.

На конференции выступил С. М. Киров. Он призывал астраханскую парторганизацию к ещё большей сплочённости.

С. М. Киров принимал активное участие в партийной работе и оказывал астраханским большевикам большую помощь. Его выступления на партийных конференциях помогали коммунистам понять общие задачи, стоящие перед Советской Россией. Киров также активно работал в редакции газеты «Комму-

нист» — органе Астраханского губкома партии.

С. М. Киров выступал на общегородских и районных митингах, на заводских собраниях, читал лекции в школе агитаторов. Его выступления аудитория всегда слушала с исключительным вниманием. Непокколебимая уверенность Кирова в правоте дела ленинско-сталинской партии поднимала трудящихся на преодоление трудностей, на борьбу за укрепление завоеваний Октябрьской социалистической революции.

Ревком уделял большое внимание вопросу улучшения работы советского аппарата. В первую очередь С. М. Киров принял меры к очистке советского аппарата от чуждых советской власти людей. Ревком призывал советских служащих более сознательно относиться к своей работе. Ревком создал контрольную комиссию под председательством члена Ревкома для постоянного контроля над работой советского аппарата.

С. М. Киров быстро реагировал на поступавшие жалобы о плохой работе советских учреждений, волоките, на сигналы о злоупотреблениях. Ряд дел о злоупотреблениях Ревком передал в Военно-революционный полевой трибунал. Ещё до приезда Кирова Астраханский губисполком получал сигналы о вымогательстве, пьянстве, присвоении реквизированных вещей членом губисполкома Будановым, но никаких мер не принимал. И только 7 марта по предложению Ревкома Ревтрибунал разобрал это дело и приговорил Буданова к расстрелу.

Катастрофическое положение со снабжением 11-й Красной армии в период её пребывания на Северном Кавказе объяснялось не только тем, что Шляпников неправильно распределял получаемое из центра для армии продовольствие, безобразно организовывал перевозки из Астрахани на Северный Кавказ, но и колоссальными хищениями в интендантском отделе фронта, о которых Шляпников, безусловно, знал. Только после приезда С. М. Кирова в Астрахань шайка хищников была разоблачена и преступники понесли заслуженную кару.

С. М. Киров большое внимание уделял укреплению трудовой дисциплины и повышению производительности труда. Под его руководством советские и профсоюзные организации принимали в этом отношении ряд мер. Астраханский горисполком 6 марта предложил всем учреждениям и предприятиям ввести табели прихода на работу и ухода с работы. За опоздание или неявку на работу налагалось взыскание. 21 марта на совещании по вопросу о повышении производительности труда горсовет совместно с фабрично-заводскими комитетами постановил организовать при каждом профсоюзе и фабрично-заводском комитете бюро нормирования, рекомендовать введение сдельной оплаты труда с премиальной системой, за недобросовестное отношение к делу привлекать к строгой ответственности, в то же время усилить политико-воспитательную работу среди рабочих, создать товарищеские суды.

† 25 февраля отдел труда при губисполкоме запретил самовольный переход служащих из

¹ «Коммунист» от 28 марта 1919 года.

² «Коммунист» от 6 марта 1919 года.

одного учреждения в другое. При проверке оказалось, что ряд учреждений и лиц это постановление нарушает, что дезорганизует работу. 6 апреля Ревком приказом № 35 предупредил, что виновные в невыполнении постановления отдела труда будут привлекаться к строгой ответственности, и напоминал советским работникам о необходимости соблюдать общегосударственные, а не узковедомственные интересы.

Для того чтобы удешевить и улучшить работу советского аппарата, была проведена его реорганизация. В апреле Астраханский горисполком и уисполком и их отделы слились с губисполкомом и его отделами. 4 апреля губисполком постановил сократить количество волостей в Астраханском уезде с 39 до 12. Сокращение волостей, слияние горисполкомов с уисполкомами проводились и в других уездах Астраханской губернии.

Ревком предписал астраханскому отделу государственного контроля внимательно наблюдать за постановкой отчётности. Удлинялось время работы учреждений, а в руководящих учреждениях было введено круглосуточное дежурство.

Большое значение имела ликвидация совета Астраханского казачьего войска. До апреля 1919 г. казачьи станицы подчинялись, с одной стороны, уездным исполкомам, а с другой—войсковому исполкому совета Астраханского казачьего войска. Существование войскового исполкома означало сохранение прежней обособленности казачества, что, несомненно, использовали контрреволюционные элементы. В начале 1919 г. по постановлению казачьего отдела ВЦИК совет Астраханского казачьего войска был ликвидирован и казаки во всех правах и обязанностях были уравнены с остальным населением.

Одним из основных вопросов работы Ревкома был продовольственный вопрос. Ревком неустанно заботился о снабжении населения хлебом. Он ставил перед центральными организациями вопрос о присылке продовольствия для Астрахани. Центральные партийные и советские организации очень внимательно относились ко всем просьбам астраханцев и принимали все меры, чтобы оказать им помощь. Так, в конце марта из Москвы сообщалось о посылке в Астрахань 300 тыс. пудов хлеба. 16 мая в Астрахань прибыло 60 тыс. пудов хлеба. Ревком следил за правильным, экономным расходованием хлеба, за его выпечкой, за работой хлебных лавок, требовал строгой отчётности в расходовании отпускаемых продуктов.

С. М. Киров всё время следил за ходом весенней путины, руководил организациями, ведающими этой работой, оказывал им большую помощь, быстро реагировал на все их запросы. Центральные и астраханские организации принимали все меры к тому, чтобы обеспечить ловцов хлебом и орудиями лова; среди ловцов широко была развёрнута массовая работа.

Количество ловцов весной 1919 г. превышало 80 тысяч. Улов рыбы был хороший. Для обработки рыбы требовалось большое количество рабочих. Поэтому в конце апреля была объявлена мобилизация трудоспособ-

ного населения губернии для уборки и обработки рыбы. Газеты призывали рабочих рыбного производства идти за промыслами. Ввиду усиленного весеннего хода рыбы Ревком 5 апреля издал приказ о работе на промыслах без выходных дней.

Ревком заботился о нормальной работе консервных заводов. Несмотря на продовольственный кризис, недостаток рабочих, транспортных средств и материалов весенняя путина 1919 г. по сравнению с предыдущими годами дала увеличение добычи. Всего было выловлено около 10 млн. пудов рыбы.

Ревком принял ряд мер к улучшению работы транспорта. Для ускорения работы по прокладке трамвайной линии к вокзалу районному железнодорожному комитету было предложено организовать вторую партию рабочих, а заведующему работами—выяснить причины задержки работ, о лицах, тормозящих работу, сообщить Ревкому для предания их суду. 8 марта Ревком предписал союзу металлистов срочно снять с заводов, не выполняющих военные заказы, 15 котельщиков и 2 токарей и откомандировать их на Рязано-Уральскую железную дорогу.

Для быстрейшего продвижения грузов в Саратове было организовано бюро. Оно было уполномочено получать по нарядам центра продукты для Астраханской губернии и Астраханского фронта в Самарской и Саратовской губерниях и в Уральской области, оно же должно было обеспечить быстрое продвижение этих грузов в Астрахань как по железнодорожному, так и по водному пути.

Ввиду катастрофического положения с топливом (Баку и Гурьев были заняты интервентами и белогвардейцами) Ревком в середине марта принял ряд мер к сокращению расхода жидкого топлива. Прекращены были сеансы в кинематографах, временно не разрешалось устраивать новые отопительные установки жидким топливом. Было прекращено пассажирское трамвайное движение, освещение улиц. Жидкое топливо не отпускалось предприятиям, не работающим на оборону, и для отопления частных зданий. При Ревкоме была создана специальная комиссия по сокращению потребления электроэнергии. Ревком указывал, что эта мера является временной и что она вызвана исключительно тяжёлыми условиями, в которых находится Советская страна. Ревком призывал население к спокойствию и выдержке.

Наряду с укреплением тыла Ревком уделял большое внимание переформированию частей Красной Армии бывшего Каспийско-Кавказского фронта, упразднённого в марте 1919 года. Из оставшихся в Астрахани частей Красной Армии в марте—апреле 1919 г. была сформирована 11-я Красная армия (отдельная). В неё вошла и Астрахано-Каспийская военная флотилия. 10 апреля состоялся первый выпуск астраханских пехотных курсов комсостава. Выпускники были влиты в части 11-й Красной армии и составили её костяк.

Для того чтобы обеспечить Красную Армию оружием, специальные группы посыла-

лись в степь для сбора оружия и имущества, оставленного там в период отступления 11-й Красной армии. Оружие свозилось в Астрахань и ремонтировалось в организованном там арсенале. Для того чтобы обеспечить кавалерийские части холодным оружием, Ревком и командование армии 7 апреля издали приказ о сдаче населением холодного оружия в семидневный срок.

С. М. Киров оказывал большую помощь флотилии, принимал меры к укреплению её командного и политического состава, уделял большое внимание ремонту и вооружению судов, проверял работу судоремонтных заводов и помогал им. Пароходы, баржи, шхуны, буксиры были превращены в крейсера, пловучие батареи, канонерские лодки, тральщики. Одновременно были приняты меры по укомплектованию команд кораблей и по их обучению. Среди астраханских моряков было много балтийцев, прибывших сюда осенью 1918 г. из Кронштадта вместе с шестью миноносцами и четырьмя подводными лодками¹. Военные моряки были опорой С. М. Кирова, партийных и советских организаций Астрахани. Киров часто бывал на кораблях, участвовал в ряде их учебных и боевых походов, проверял качество ремонта судов, готовность кораблей и личного состава к боевым действиям.

Для того чтобы создать свой авиаотряд, произвели ремонт имевшихся самолётов. Бензин был заменён специальной смесью из спирта, мазута и керосина. Кроме имевшихся на месте лётчиков, из Москвы прибыли окончившие школу высшего пилотажа Коротков и Щёкин². Таким образом, был со-

¹ Суда из Петрограда вышли в начале октября 1918 г. и, пройдя по внутренним водным путям, по Мариинской водной системе, затем по Волге, через 46 суток, в ноябре 1918 г. прибыли в Астрахань.

² За мужество и отвагу лётчик Щёкин был награждён орденом Красного знамени. 30 сентября 1919 г. Щёкин погиб геройской смертью в борьбе с врагами. Так же мужественно сражался с врагами лётчик Коротков. Он погиб 30 октября 1919 года.

здан 47-й авиаотряд, покрывший себя славой в боях за родину. Наши лётчики, летая на старых самолётах, храбро дрались в воздухе с врагами, летающими на новых, первоклассных самолётах.

С. М. Киров повседневно заботился о снабжении Красной Армии всем необходимым. Из скудных запасов, имевшихся в Астрахани, в первую очередь снабжались воинские части и госпитали. Красноармейцы и советские моряки были окружены любовью и заботой трудящихся Астрахани. В комиссию по сбору подарков для Красной Армии за время с 27 февраля по 1 апреля 1919 г. поступило около 200 тыс. руб., свыше 6269 пар белья и пр.

Под руководством С. М. Кирова среди красноармейцев и краснофлотцев проводилась большая политико-воспитательная работа. При политотделе 11-й армии работала школа агитаторов, в воинские части и на суда рассылалась литература. В Астрахани была открыта библиотека-читальня. Для неграмотных красноармейцев были организованы школы грамоты. Политработа стала ещё более боевой и целеустремлённой, приняла более широкие размеры с 26 апреля 1919 г., когда С. М. Киров был назначен завполитотделом 11-й Красной армии. С 7 мая 1919 г. он непосредственно руководил 11-й Красной армией как член Реввоенсовета.

25 апреля 1919 г. Ревком был расформирован. Но и после его расформирования С. М. Киров продолжал руководить героической обороной Астрахани. Под его руководством защитники Астрахани в 1919 г. отбивали неоднократные атаки белогвардейцев и интервентов на Астрахань, отстояли устье Волги, разгромили белогвардейцев и интервентов на Астраханском фронте, а затем, в начале 1920 г., вместе с другими частями Красной Армии освободили Царицын, Северный Кавказ, Баку.

ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

Е. Юровская

I

К началу XVIII в. Пруссия, как известно, была небольшим государством. Но она занимала выгодное географическое положение в Европе. Заветной мечтой ещё «великого» курфюрста, а потом и его потомков было расширение территории Пруссии и в первую очередь — захват Силезии, этой богатейшей области Австрии. Но ни Силезии, ни даже Померании курфюрсту захватить не удалось. Карл VI, император германский, последний представитель австрийских Габсбургов по мужской линии, поставил целью своей жизни сохранение австрийской монархии в руках своей семьи. Все помыслы Карла VI в последние годы его жизни были направлены к тому, чтобы заставить европейские страны признать прагматическую санкцию и передать империю своей дочери. Путём уступок он добился того, что в 1725 г. прагматическую санкцию признала Испания, в 1726 г. — Россия¹; признали её также Франция, Англия и Бавария.

В свою очередь и Пруссия признала нерушимость прав династии Габсбургов на австрийские земли, полностью утвердила прагматическую санкцию, а следовательно и нераздельность габсбургских владений после смерти Карла VI. За это прусскому королю были обещаны герцогства Юлих и Берг.

В октябре 1740 г. Карл VI умер. Престол перешёл к его 23-летней дочери Марии-Терезии, обладавшей настойчивостью и даже упрямством, но не имевшей в Европе такого влияния, какое имел её отец.

Несколькими месяцами ранее, в мае того же года, умер прусский король Фридрих-Вильгельм, и на прусский престол вступил 27-летний король Фридрих II. Он обнаружил то же стремление к расширению прусской территории, те же хищнические приёмы захвата соседних земель, какими отличалась политика его отца и деда.

У Фридриха было твёрдое намерение занять Силезию. Когда же его министр Подевилье робко заметил, что права на неё уничтожены торжественным трактатом, ко-

роль заявил: «Вопрос о правах — дело министров, это — ваше дело, пора поработать над ним втайне, потому что войскам уже отдан приказ»².

Во второй половине декабря 1740 г. Фридрих послал в Австрию графа Готтера, который предложил Марии-Терезии следующую сделку: Пруссия вновь гарантирует прагматическую санкцию, король прусский подаст свой голос за императорскую корону для супруга Марии-Терезии, эрцгерцога Тосканы; кроме этого Австрия получит ещё 5 млн. деньгами. Но всё это при условии, если она уступит прусскому королю Нижнюю Силезию.

Мария-Терезия отвергла это предложение, заявив, что она своих подданных не продаёт, а защищает, но ещё до прибытия графа Готтера в Вену, 22 декабря, армия Фридриха, почти не встретив сопротивления, вступила на силезскую землю, а к началу 1741 г. почти вся Силезия, от Кросгена до Яблунки, была в руках пруссаков.

К Пруссии присоединилась и Франция — извечный враг Австрии. Стараниями пруссофильской партии молодого маршала графа Белльвилля 15 июля 1741 г. в Иденбурге был заключён договор с Баварией и Испанией о разделе австрийского наследства. Курфюрсту саксонскому была обещана Моравия, и он также объявил войну Австрии. 25 ноября 1741 г. франко-саксонская армия взяла Прагу, а 24 января 1742 г. в Прагу прибыл баварский курфюрст Карл-Альберт, который стал императором Германии под именем Карла VII.

Казалось, империя Габсбургов неминуемо будет разделена. Но Фридрих II не учёл противоречий между Францией и Англией. В феврале 1742 г. новый английский министр, лорд Картерет, злейший враг Франции, начал пополнять военные силы Англии: Мария-Терезия получила от английского правительства 500 тыс. фунтов субсидии. Картерет отправил 16-тысячное войско в австрийские Нидерланды. Таким образом, помощь Австрии со стороны Англии, которая до 1742 г. была платонической, стала осязаемой.

¹ De Broglie, duc. Frédéric II et Marie-Thérèse, p. 23—27. Paris. 1884:

² Pol. corr. Bd. I, S: 90. Berlin. 1879.

Но Фридрих II не учёл ещё одного решающего момента: он не учёл ненависти, которую издавна питало к Пруссии славянское население Австрии.

Южные славяне решительно поддерживали австрийскую королеву; прусский король, прозвизанный в Верхнюю Силезию, был для них более грозной опасностью, чем Австрия. В начале 1743 г. австрийцы при помощи южных славян и венгров вторглись в Баварию и овладели Мюнхеном. Император Карл VII лишился своей столицы, и его стали называть Иоанном Безземельным. Франц Лотарингский, Лобкович и другие полководцы австро-венгерской и славянской армий вторглись в Чехию и окружили Прагу.

Пруссии пришлось заключить Бреславльский мир, по которому Силезия хотя и закреплялась за ней, но Чехия прусскому королю всё же не досталась.

Однако 16 сентября 1744 г. Фридрих II, нарушив мирный трактат, вновь вторгся в Чехию и занял Прагу. Но как только австрийская армия под командованием Карла Лотарингского появилась в тылу у пруссаков, в Чехии вспыхнула народная война против Фридриха II. Крестьяне жгли и зарывали в ямы хлеб, поджигали свои жилища и убегали в леса. Они систематически убивали прусских фуражиров и часовых около прусских лагерей¹.

Покорение Чехии оказалось делом гораздо более сложным, чем предполагал Фридрих II. Прусские войска начали роптать. Вскоре принц Лотарингский и австрийский генерал Траун принудили прусские войска оставить Прагу, Табор, Будвейс и другие города.

Кампания 1744 г. закончилась для Фридриха полной неудачей. Фридрих писал, что прусскую армию, мечтавшую завоевать Богемию и овладеть Австрией, постигла участь непобедимой Армады.

II

Вся политика прусского короля, начиная с 1744 г. и до конца войны за австрийское наследство, была направлена к тому, чтобы закрепить за Пруссией Силезию и поскорее заключить мир. Крепнувшая дружба России с Англией и Австрией заставляла Пруссию искать союза с Россией или хотя бы добиться её нейтралитета.

Когда Фридрих II в 1740 г. начинал войну за Силезию, он был уверен в нейтралитете России и в том, что влияние России не распространится на Среднюю Европу. «Влияние этой новой империи, — писал Фридрих в 1740 г., — не простиралось далее Швеции и Польши... После поражения Карла XII и утверждения Августа Саксонского, после побед Миниха над турками русские держали в своих руках судьбы Севера. Они были так страшны, что никто не мог ждать успеха в нападении на них, ибо, чтобы достигнуть их, надо пройти пустыни, и можно было всё потерять, если даже ограничить-

¹ Fontez. Regum Bohemicarum. T. VII. Prage. 1882.

ся оборонительной войной. У них в войске множество татар, казаков и калмыков»².

Прусский король был уверен: в том, что Россия не выступит. Когда же в 1744 г. в России стало проявляться беспокойство по поводу откровенно хищнических планов Пруссии, по поводу нарушения прусским королём Бреславльского трактата и вторжения без объявления войны в Чехию, Подевиле был послан прусским королём для подкупа русских сановников, а Мардерфельд — посланник берлинского двора в Петербурге — получил поручение от Фридриха II склонить канцлера Бестужева на сторону Пруссии. «Россия, — писал Соловьёв, — представляется прусскому королю какой-то горой, которая стоит в стороне и пока ничего враждебного не предпринимает, но в случае, если она из этого нейтрального состояния выйдет, то все планы его могут рухнуть как картонный домик»³.

Все попытки Фридриха расположить канцлера Бестужева к Пруссии оказались тщетными. Понимая относительную выгоду союза с Австрией (для отражения Турции) и поддерживая торговые и политические отношения с Англией, Бестужев стремился укрепить независимое положение России и ограничить прусского короля.

11 августа 1744 г. Бестужев высказал такую мысль: «Ежели дом моего соседа горит, то я натурально принуждён ему помогать тот огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы он наизлейший мой неприятель был, к чему я ещё вовсе обязан; ежели то мой приятель есть»⁴. Эта мысль была довольно распространённой среди русских государственных деятелей во время войны за австрийское наследство. Осенью 1745 г., во время переговоров о Дрезденском мире, Елизавета Петровна потребовала от многих государственных деятелей — вице-канцлера князя Воронцова, князя Куракина, графа Румянцева, генерал-фельдмаршала Долгорукова, генерал-фельдмаршала графа Ласса, генерала Ушакова, барона Черкасова и др. — изложить в письменном виде своё мнение об отношении России к Пруссии⁵. Кроме вице-канцлера князя Воронцова, блестящего придворного, но недалёкого дипломата, который поддерживал франко-прусскую ориентацию, все остальные высказались весьма резко и определённо «за сокращение» прусского короля.

Полагали, что король прусский «хитрой, скрытной и конкерантной нрав имеет, а буде станет он против Польши действовать, конфедерацию заведёт, короля польского с престола свергнет и такого посадит, который претензии (как поляки чи-

² «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП») за сентябрь 1867 г., стр. 581.

³ «ЖМНП» за сентябрь 1867 г., стр. 586.

⁴ Архив гр. Воронцова. Т. II, стр. 20.

⁵ Мнения русских государственных мужей об отношениях России к Пруссии. Ленинская библиотека, д. № 25/146.

нить обыкли) на Украину, Смоленск и Лифляндию предъявлять будет и обеспокоить нас станет»¹. Поэтому решено было воспрепятствовать захватам прусского короля.

Несколько раз в течение XVIII в. русская армия останавливала своим вмешательством европейские войны и влияла на европейскую политику. Так, появление русских войск на Рейне ускорило Венский мир, окончивший войну за польское наследство. В 1745 г., во время подготовки к восстановлению австро-русского союза, маневрирование русских войск в Прибалтику вынудило Фридриха II спешно заключить с Австрией Дрезденский мир. Наконец, решение о посылке русских войск на Рейн должно было ускорить аахенские переговоры и заставить окончить войну за австрийское наследство.

В декабре 1746 г. английский посланник в Петербурге лорд Уинфорд послал Бестужеву промеморию. 29 декабря в Зимнем дворце был решён вопрос о посылке русского корпуса на Рейн. Об условиях содержания и размещения войск договорились только к концу 1747 г., и в январе 1748 г. корпус выступил под командованием князя Репнина. Он был составлен из опытных полков, находившихся в Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, численностью в 30 тыс. человек. Корпус должен был пройти через Польшу, Литву к Пруссии. Русский посол в Лондоне Чернышёв доносил, что главным предметом разговора у англичан является движение русского вспомогательного корпуса: англичане вычисляют, сколько он проходит в день и когда придёт на место назначения. Но уже в апреле 1748 г., когда русский корпус был ещё в пути, Чернышёв уведомил Петербург о заключении предварительного соглашения между Англией и Францией.

Хотя корпус Репнина и не был брошен в дело, но дипломатам европейских дворов было ясно, что самой тяжёлой гирей на весах всеевропейской политики является Россия. В свою очередь и русские дипломаты поняли, что изоляция для России больше не имеет смысла.

«Её величество, слава и интересы требуют в европейские дела вмешаться... Пример тому недавно сделался, что когда король прусский в чужие дела вмешался, а с здешней стороны никакого движения против того чинено не было, то он до такой силы дошёл, что подлинно наш сильнейший сосед есть»², — писал Бестужев. После восьмилетней войны в Аахене был заключён мир. Прусскому королю была гарантирована Силезия. Но всем было ясно, что Австрия не примирится с потерей Силезии и что война Австрии с Пруссией вспыхнет с новой силой. Призрак новой войны стал над Европой. Это

и была Семилетняя война, которая принесла Пруссии невиданное поражение. Главную роль в поражении Пруссии в Семилетней войне суждено было сыграть России.

III

1748—1756 годы были годами подготовки Семилетней войны. Участники её были те же, что и в войне за австрийское наследство, но в другой международной комбинации. Захват Силезии и политика Пруссии с 1740 г. показали Австрии, какой опасной стала её молодая хищная соседка. Одним из первых это понял будущий австрийский канцлер, патриот габсбургского дома граф Кауниц. По его мнению, после захвата Фридрихом Силезии Франция была уже не так опасна для Австрии, как Пруссия; Францию следовало даже втянуть в союз против Пруссии.

Во Франции кое-кто (например министр иностранных дел Машо) уверился в том, что Пруссия — крайне невыгодный союзник, ибо, по Аахенскому миру, Франция вынуждена была отдать Шамбери и Фрейбург, Литастрихт и Брюссель. Франция необходимо было приобрести в Средней Европе сильного союзника против Англии, поэтому она намеревалась кроме того отказаться от вражды к Габсбургам. Но, поняв, что отношение к Австрии должно быть изменено, политические деятели Франции и придворная камарилья во главе с королём-Солнцем всё же не могли понять, что и Россия может стать полноценным союзником Франции. Австрия же ещё в войне за австрийское наследство поняла силу и значение России и стремилась к союзу с ней.

Таким образом, против Пруссии намечалась совершенно новая группировка стран: Австрия, которая была наиболее заинтересованным участником будущей войны с Пруссией и мечтала о возвращении грабительно захваченных Пруссией Силезии и Глаца; Франция, недовольная поведением Пруссии в войне за австрийское наследство, и, наконец, Россия, государственные деятели которой уже давно поняли опасность расширения Пруссии и достаточно оценили «конквистантский» характер прусского короля и опасность его для Прибалтики. Бывшие враги (Австрия и Франция, Франция и Россия) становились друзьями, хотя дружба их основывалась исключительно на союзе против общего врага — Пруссии. Против Пруссии была настроена и Саксония: наиболее близкая её соседка, она боялась прусского вторжения.

Сразу же после Аахенского мира 1748 г. наметилась перегруппировка держав, но у будущих союзников была большая настроенность. Все были утомлены войной за австрийское наследство, и, конечно, никто из будущих участников коалиции не начал бы наступления первым.

Существует обширная литература по вопросу о том, кого же считать виновником и зачинщиком Семилетней войны. Так, большинство немецких учёных XIX в.

¹ Мнения русских государственных мужей об отношениях России к Пруссии. Ленинская библиотека, д. № 25/146.

² Архив древних актов (АДА). Материалы коллегии иностранных дел 1786 г. Доклад Пестунова, стр. 80.

даже крупнейшие из них — Л. Ранке¹, А. Шефер², А. Ноде³, К. Козер⁴ и др., — утверждали, что если бы Фридрих II не знал о готовящейся коалиции, он не начал бы в 1756 г. Семилетней войны. Эти учёные, а за ними и ряд других стремились оправдать наступление Фридриха и считали его обороняющейся стороной. Того же мнения были и авторы обширного труда о Семилетней войне главного генерального штаба в Берлине⁵.

С этими учёными начал большую дискуссию немецкий историк Макс Леман⁶, в течение долгих лет изучавший берлинские архивы и, в частности, королевский архив Гогенцоллернов. Леман считал, что изучение дневников, политической переписки и высказываний Фридриха II приводит к выводу, что — независимо от создаваемой коалиции — завоеванием Силезии Фридрих II не удовлетворился бы, а вся его политическая и военная программа была направлена на захват значительных частей польско-саксонского королевства, Богемии, а по возможности и Прибалтики. Того же взгляда придерживался и Ганс Дельбрюк⁷. Любопытно, что Леману было запрещено печатать свои труды по этому вопросу и работать в берлинских архивах.

Но кто бы первый ни начал враждебные действия в 1756 г. (как увидим, в действительности их начал прусский король), они были продолжением силезских войн, начатых Пруссией, которая стремилась к захвату чужих владений, не останавливаясь перед насилием.

Заключая ещё в 1746 г. договор с Россией (вернее, возобновляя договор 1726 г.), Австрия имела в виду возвращение своих владений при помощи России. Но Россия немедленно воевать не собиралась. В русской армии предстояла реорганизация. Среди придворной камарилы не было единодушия в вопросе о возможной войне с Пруссией. Государыня Елизавета Петровна, несомненно, относилась враждебно к прусской агрессии, но политика «молодого двора» была дружественной по отношению к Пруссии. Великий князь герцог Голштинский, будущий наследник престола, не желавший даже учиться по-русски, считал Фридриха II идеалом государственного деятеля, а поддерживать

прусскую политику — делом своей чести⁸. Елизавета Петровна постоянно болела, и к голосу наследника престола прислушались всё более чутко. К тому же возможность сближения с Фракцией казалась маловероятной. Дипломатические отношения между Россией и Францией с 1748 г. были прерваны. Только с 1758 г. между ними наметилось некоторое сближение. Это сближение было типичным для XVIII века. Союз подготавливался через голову министерства иностранных дел⁹.

Русские дела при Людовике XV вёл секретарь кабинета короля, «карманый визирь короля» принц Конти. Принц Конти передавал русской государыне письма французского короля через торговца галантерейным товаром, который, минуя всех канцлеров и министров, проникал в гардеробную Елизаветы Петровны и, предлагая свои товары, передавал секретные послания¹⁰.

В 1763 г. в Петербург сугубо секретно, для лечения «холодным климатом», были посланы шотландец Дуглас и француз Валькруассон. С русской стороны чрезвычайно много сделал для заключения союза с Францией не официальный посланник императрицы Елизаветы, а простой мещанин Ф. Д. Бахтеев, посланный во Францию вице-канцлером Воронцовым¹¹. Нужно сказать, что хотя в течение 1748—1756 гг. путём тайной переписки и проводилась подготовка союза Австрии с Францией и Франции с Россией, но всё же коалиция против Фридриха II не была создана, и, конечно, при таких условиях противники Фридриха II не могли начать войну. Решающее значение приобретало поведение Фридриха II.

В начале января 1756 г. Англия и Пруссия заключили Уатхолский, или Вестминстерский, договор. Это обеспокоило Россию и подтолкнуло к вступлению в антипрусскую коалицию. 1 мая 1756 г., к великой радости Австрии, в Версале был заключён оборонительный договор между Австрией и Францией, причём обе стороны обещали друг другу в случае нападения на одну из них 24-тысячное войско. Этот договор являлся оборонительным, но при нападении на владения Австрии мог стать наступательным. Начиная с 1 мая 1756 г. Эстергази в Петербурге, Штаренберг и Бахтеев в Париже прилагали все усилия к тому, чтобы русская императрица присоединилась к договору. Весь март 1756 г.

¹ Ranke L. Sämtliche Werke. Bd. 30. S. 111—117. Berlin. 1877.

² Schäfer A. Geschichte des Siebenjährigen Kriegs. Berlin. 1867.

³ Naude A. Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Siebenjährigen Kriegs. Leipzig. 1895.

⁴ Koser K. König Friedrich der Grosse. Bd. I. Stuttgart. 1893.

⁵ Die Kriege Friedrichs des Grossen. III Teil von Grossen Generalstabe. Berlin. 1901.

⁶ Lemann Max. Friedrich der Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Kriegs. Leipzig. 1899.

⁷ Delbrück H. Der Ursprung des Siebenjährigen Kriegs. Preussische Jahrbücher. 1895, Bd. 79; 1896, Bd. 84.

⁸ «Русский архив» № 1 за 1823 год. Переписка Петра III.

⁹ АДА. Опись русско-французских дел 1746—1753 гг. (составил Бантыш-Каменский) и опись французо-русских отношений (составил А. Тургенев) W a n d a l, Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris. 1912.

¹⁰ De Broglie. Le secret de roi Paris. 1829. АДА. Дела французские 1753. Письма Мишеля.

¹¹ См. Архив гр. Воронцова. Т. 33. Письма Бахтева.

Эстергази почти ежедневно имел беседу либо с канцлером либо с императрицей¹.

Предварительно договор предусматривал, что в случае нападения прусского короля как одна, так и другая сторона предоставит 80 тыс. войска. Кроме того Австрия должна была быть возвращены Силезия и Глац, а Россия могла получить Восточную Пруссию. Занятие Восточной Пруссии для некоторых русских государственных людей, например для канцлера Бестужева, играло очень важную роль в планах войны с Пруссией². Франция хотела получить Нидерланды; но несравненно большее значение имели для неё американо-канские колонии, которым угрожала опасность со стороны Англии, а вести морскую и сухопутную войну одновременно Франции было бы чрезвычайно трудно. Это был наименее надёжный член будущей коалиции и потому, что для Франции было важнее вести войну на море против Англии, и потому, что Франция боялась усиления Австрии, да и России. Безоговорочно хотела войны Австрия, но и та не решилась бы начинать её одна.

На это и рассчитывал Фридрих II. Он полагал, что пока французы окончательно решатся на континентальную войну, пока Россия проведёт мобилизацию — если она вообще станет её проводить, — за это время он быстрым ударом захватит Саксонию и Богемию, разобьёт австрийцев, а потом французов и тогда встретится с русской армией, если она посмеет выступить.

¹ АДА, дела австрийские 1756 г., д. № 5, 7 и др. Переписка Эстергази, опубликованная Щепкиным в книге «Русско-австрийский союз во время Семилетней войны», стр. 410—418. СПб. 1902.

² У нас в исторической литературе очень распространено официальное мнение, которого усиленно придерживалась придворная камарилья, т. е., что Семилетняя война была выжата и велась исключительно из соображений альтруистических — помощи «милой сестре» (Марии-Терезии) отвоевать свои области. Дело обстояло не совсем так. Как известно, мысль об ограничении короля прусского и о необходимости обезопасить Прибалтику от возможного прусского вторжения была очень распространена во время войны за австрийское наследство. Особенно её поддерживали императрица и канцлер Бестужев. Кроме того необходимо было обезопасить себя со стороны Польши и присоединить к себе области с русско-украинским населением со стороны Украины. Бестужев понимал, что в обмен за это надо предоставить Польше Восточную Пруссию, вклинившуюся в польские владения. Курляндия и Семигалия, принадлежавшие Польше, должны были отойти к России, что дало бы возможность расширить русскую морскую торговлю (АДА, Архив коллегии иностранных дел. Материалы конференции 1749 г., № 7, лл. 11—12; Архив Воронцова. Тт. III, IV).

IV

Прусская армия, на которую были направлены внимание и энергия династии Гогенцоллернов уже два столетия, действительно была сильна для своего времени. Она состояла примерно из 126 тыс. человек перед вступлением в Саксонию и около 153 тыс. человек через несколько месяцев после начала войны³. Для такой небольшой страны, какой была Пруссия, армия в 150 тыс. человек должна быть признана опромной. Австрия имела меньшую армию — около 140 тыс. человек, а огромная по тому времени страна Франция — немногим больше 200 тыс. человек.

В Пруссии всё было подготовлено к войне. Фридрих II мог провести и провёл быстро мобилизацию, мог оплатить полностью несколько кампаний. Были закончены реформы в кавалерии и артиллерии. Система шпионажа в Пруссии имела большее развитие, чем в других государствах. У Фридриха II были даже своя теория и нечто вроде сжатого курса шпионажа⁴.

У прусского короля были старые, опытные генералы и фельдмаршалы — Левальд, Шверин и др. Наконец, огромным преимуществом прусской армии было единство власти. Фридрих II был королём и главнокомандующим. Он ни у кого не спрашивал разрешения и принимал самые неожиданные и смелые решения на поле боя. Но, как и большинство армий того времени, армия Фридриха II была наёмной. Содержание её стоило очень дорого, и если в случае удачи её можно было увеличивать, то в случае поражения и недостатка средств неизбежно приходилось сворачивать.

Чисто прусская дисциплина была основана на принципе: «Солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули врага». Позади наёмных войск стояли части, которые уничтожали их в случае отступления.

Ослабляло армию и то, что, по приказу короля, покорённые (например саксонцы после вторжения Фридриха II) насильно включались в состав армии Фридриха. Через несколько месяцев после начала войны это вызвало сильное дезертирство⁵.

³ См. Die Kriege Friedrichs des Grossen, von grossen Generalstabe. Berlin. 1911; Delbrück H. Der Ursprung des Siebenjährigen Kriegs. Preussische Jahrbücher, Bd. 78, 1895.

⁴ Всех шпионов он делил на четыре группы: знатные шпионы, важные, простые и просто обыватели. Так, знатным надлежало следить за настроениями при дворах, важным — узнавать военные планы противника и пр. Обыватели — это простые люди, которые должны были идти в услужение к какому-нибудь знатному лицу, едущему за границу, и жить там многие годы, информируя прусскую разведку. Иногда эти люди оставались в чужой стране до самой смерти на положении лакеев, извозчиков и пр.

⁵ Почти во всех записях короля, относящихся к военному делу, и приказах по прусской армии упоминается о дезертирах и мерах борьбы с ними. Так, во время

Тем не менее, вступая в войну, прусский король надеялся на быстроту и натиск своей армии и на разногласия в стане своих врагов и не допускал мысли о поражении. Широко известен ответ Фридриха английскому послу, когда тот его предупредил о возможном выступлении союзников в помощь Австрии: «Взгляните на меня, неужели у меня такой нос, о котором можно сказать, что он предназначен для шелчков? Нет, клянусь богом, нет! Я не позволю этого! Эта дама (Мария-Терезия. — Е. Ю.) хочет войны, её желание будет исполнено. Мои войска готовы!».

Французской армии он не боялся, ибо все лучшие силы Франции должны были быть направлены в Америку для войны с Англией, да и вообще французская армия в 1756 г. была уже не та, что в начале века. Несмотря на большую численность и наличие лёгкой конницы, австрийская армия тоже не была особенно опасной для Фридриха II и, главное, — он её уже бивал в прошлой войне. Гораздо более опасным противником была русская армия, но Фридрих II не думал о скором столкновении с нею.

Путём шпионажа прусскому королю удалось получить кое-какие сведения о численности русских войск и их составе. Но моральных качеств русского солдата Фридрих не знал. А в этом отношении русская армия представляла большую силу, чем прусская армия¹. Офицеры и унтер-офицеры были хорошо обучены. Отсутствие наёмников, однообразный состав армии, чувство товарищества и долга — всё это выгодно отличало русский рядовой состав и русское офицерство от прусской армии.

Моральное состояние русской армии было высоким. Крепкая крестьянская закалка и выдержка, привычка недосыпать, недоедать и переносить плохую погоду — всё это с положительной стороны отличало русские войска от войск почти всех европейских армий того времени. Внешне дисциплина у русских казалась слабее, чем в прусских войсках, шагистики и

переходов в лесах гусары должны были обязательно конвоировать пехоту. Ночные переходы вообще запрещались. Патрулей нельзя было высылать далее двух сотен шагов. Солдаты должны были караулить друг друга, а крестьянам надлежало под страхом смерти приводить дезертиров в части. В мирное время в Пруссии, в этой «стране границ», где не было города, отдалённого от границы более чем за два дня пути, ловить дезертиров было сравнительно легко, но на чужой территории это было почти невозможно. Об этом же пишет и Дельбрюк. См. указ. соч.

¹ Кстати сказать, даже в русской исторической литературе существует неправильное представление о русской армии в середине XVIII века. В частности её недоценивали историки, пишущие о Семилетней войне. Они обычно руководствуются записками Болотова, участника и почти единственного хрониста Семилетней войны («Жизнь и приключения Андрея

муштровки было меньше, но внутренняя дисциплина и выдержка, столь характерные для русского народа, были очень велики. Дезертирства в русской армии почти не было. Большим недостатком русской армии было то, что по приказу государыни каждый шаг на поле боя следовало согласовывать с военной коллегией, а иногда и с австрийским гофкригсратом (Суворов впоследствии изменил этот принцип и говаривал, что от него «у австрийцев неискоренимая привычка битыми быть»).

Численный состав русской армии был 331 122 человека и кроме того две эскадры Балтийского флота — Кронштадтская и Ревельская. Для наступления Россия могла выставить войско примерно в 220 тыс. человек. В русской пехоте перед Семилетней войной было 46 армейских и 3 гвардейских полка, 14 армейских и остальные гвардейские полки были оставлены для внутренней охраны государства. Вооружение пехотинца состояло из ружья со штыком и шпаги.

Обозы в русской армии, как и во французской, были слишком велики. На каждый полк приходилось по 219 лошадей, кроме того такой же почти обоз имел офицерский состав каждого полка. Запас довольствия пехоты был рассчитан на 21 день.

Численность конницы была значительно меньшей, чем полагалось по штату. Регулярная конница составляла всего около 6% (вместо 36%), иррегулярная — примерно столько же. Вооружение кавалериста состояло из шпаги, палаша, фузеи (ружьё) со штыком и двух пистолетов. Иррегулярные войска обладали большой силой натиска, но не могли долго удерживать позиции. Они состояли из гусар, донских, чугуевских и слободских казаков и «разнородных команд» (калмыков, казанских татар, башкир).

Русская артиллерия была не хуже, а значительно лучше, чем артиллерия других стран. Она делилась на полевую, осадную и гарнизонную. Граф П. Шувалов с 1757 г. стал вводить новое орудие, отличное от прежних. Это были так называемые «шуваловские единороги» — особый вид пушки, более подвижной и удобной². О таких малых шуваловских единорогах в донесениях писали, что «малый единорог пригодный к операциям, где отнюдь не только артиллерия, но никакая лошадь проведена быть не может».

Болотова, описанные им самим для своих потомков». СПб. 1871). А. Болотов был молодым офицером, да к тому же он не имел военного образования и принимал участие только в одном сражении. Значительно больше оснований верить полковнику генерального штаба Д. Масловскому. Он детально изучил документацию и совсем иначе представляет себе русскую армию в Семилетней войне (Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. М. 1886).

² Сборник Русского исторического общества. Т. IX, стр. 448, 452 и др. Письма к Шувалову Апраксина, Фермора и др.

Хороши были и русские инженерные войска, но из-за недостаточной связи с полевыми войсками они оказывали на полях сражений значительно меньше помощи, чем могли бы.

В случае начала военных действий большим затруднением была бы начинавшаяся реорганизация русской армии, её пришлось бы продолжать находку (например графу Румянцеву пришлось переформировывать кирасирский корпус уже во время следования его за границу). Реорганизацию должны были произвести и в других родах войск. Неподготовленность русской армии из-за реорганизации к немедленному вступлению в войну была одной из причин, почему для генералитета нежелательно было начинать войну в 1756 году.

V

29 августа 1756 г. три главных корпуса Фридриха II без сопротивления и неожиданно для союзников проникли в Саксонию. 9 сентября Фридрих въехал в Дрезден, столицу Саксонии, из которой король Август III даже не успел вывезти свою семью и своё личное имущество. Единственное, что удалось польско-саксонскому королю, — это отвести 18-тысячное войско в лагерь у Пирны и объявить Саксонию нейтральной.

Вся страна лишена была защиты. Фридрих II распустил саксонское министерство, учредил в Дрездене прусское управление, конфисковал все крупные суммы денег в банках. Австрийцы пошли на выручку Саксонии, но выручить саксонцев им не удалось; лагерь под Пирной, который был осаждён Фридрихом II, голодал и вынужден был сдать.

Вторжение Фридриха II в Саксонию и угроза Чехии ускорили присоединение России к австро-французскому союзу. Более 100 тыс. французов, две армии — рейнская и лейпцигская — были предоставлены в распоряжение Австрии. В России, несмотря на противодействие «молодого двора», начали готовиться к выступлению. Возник вопрос о назначении главнокомандующего русской армии в начавшейся войне. Остановились на кандидатуре графа Степана Апраксина, довольно образованного, но ленивого и малоподвижного человека. Он был достаточно умен и понимал, что русская армия во время реорганизации выступать не может¹. Однако по настойчивому предложению императрицы главнокомандующий Апраксин 10 ноября 1756 г. выехал в Ригу.

Фридрих II сразу же через английского посланника Уильямса попытался предложить России мир². Но Бестужев отклонил это предложение, ибо понимал, что оно не найдёт поддержки у императрицы и обострит отношения с союзниками. Великий князь писал Апраксину в Ригу и

¹ Исторические материалы, извлечённые из сенатского архива. Журнал министерства юстиции за март 1915 г. №№ 436, 599, 1553.

² АДА, дела австрийские, 1756 г. № 9, лл. 17—18 и др.

рекомендовал подождать с выступлением, но французские и австрийские дипломаты оказывали сильный нажим. Апраксин, вначале растерявшийся от противоположных советов и воздействий, учёл все обстоятельства и принял решение о продвижении некоторых военных частей, не дожидаясь весны. Продвинуть армию осенью к границам было нелегко. Намеченный район театра военных действий был неравномерно отдалён от расположения военных частей. Из предложенных планов продвижения русских войск было совершенно ясно, что главные силы русской армии должны выступить к Кёнигсбергу. Самый удобный путь был через Ковно и Гродно. Необходимо было занять прусские города Мемель и Тильзит. Главный удар, по соображениям Апраксина, следовало нанести под Кёнигсбергом и захватить этот город. Таким путём русской армии легко было захватить всю Восточную Пруссию и отрезать все коммуникации неприятеля.

Со всех концов России стали передвигаться к западным границам различные роды войск. Часть пехоты шла осенью, потом стояла на зимних квартирах, а в апреле — мае 1757 г. по направлению к Восточной Пруссии двинулись все основные силы русской армии.

Лето 1757 г. было ненастным. Части русской армии шли различными путями — через Польшу и Литву. В войсках распространились желудочные заболевания, кое-где даже начиналась цынга. Край был болотистый и топкий. Шли лесами, часто приходилось брести по колени или по пояс в воде.

VI

Пока двигалась русская армия, пока французы и шведы занимались подготовкой к войне, прусская армия встретилась с австрийской. 6 мая 1757 г. под Прагой произошло кровопролитное сражение, в котором было истреблено до 15 тыс. пруссаков и немногим меньше австрийцев. Судьба Праги должна была решиться 18 июня 1757 г. под Колпином, где Фридрих рассчитывал разбить корпус командующего австрийской армией генерала Дауна. Но сражение под Колпином Фридрих II проиграл. Осаду Праги пришлось снять. Фридрих II впервые почувствовал, что бороться против коалиции — это не то, что иметь дело с одной страной. Имея союзников, те же австрийские войска сражались иначе.

К маю—июню 1757 г. русская армия четырьмя колоннами вторглась в Восточную Пруссию. Фридрих II оставил там 25-тысячное войско под командованием опытного генерала Левальда. 4 июня русские войска были в Ровёо, а уже 19 июня они подошли к Мемелю, который и взяли через пять дней. 27 июня в Мемеле состоялись парад и принятие присяги на подданство русской государыне. Генерал Фермор, взявший со своими частями Мемель, и главнокомандующий Апраксин почти беспрепятственно продвигались вперёд; 14 июля было взято Вержболово, 19 июля сдался Тильзит.

Дальнейшее продвижение русской армии в Восточной Пруссии имело направление на Кёнигсберг, важнейший стратегический пункт пруссаков, где у них было много магазинов.

Генерал Левальд неизменно действовал по указаниям Фридриха II. Уже к концу августа он обнаружил, что русские войска перешли реку Прегель.

Задача прусской армии состояла в том, чтобы отбить и не допустить продвижения русской армии, а задача русской армии — уничтожить армию Левальда. В рескрипте, полученном Апраксиным в Людвине, сказано: «Более всего наша честь с тем сопряжена, чтобы Левальд от вас не ушёл. Приобретение не только Пруссии, но хотя бы чего и большего почтём мы за ничто, ежели б Левальд, оставляя сие королевство, соединился с королём прусским»¹. Апраксин, да и весь генералитет отлично понимали, что главные силы, направленные против русской армии, — это армия под командованием Левальда и что план Левальда заключается в том, чтобы вернуться от сражения, отойти и прикрыть Кёнигсберг. Всё же русским удалось вызвать главные силы Левальда на бой. Это был бой при Гроссегерсдорфе.

Считая, что при построении русских войск будут соблюдены миниховские методы, Левальд построил свои части по принципу косою порядка и собирался загнать русскую армию между флангами².

В ночь на 29 августа в русском лагере никто не спал. Предполагалось, что Левальд попытается приостановить движение русской армии и даст бой. Стоял такой туман, что ничего не было видно. Казачьи разъезды не дали сведений о количестве прусских войск и о точном их расположении. Рано утром 30 августа был дан «генеральный марш», и русские войска начали готовиться к продвижению на Алленбург. В это же время с форпостов сообщили, что «неприятель паки из форпостов показывается». Русские войска были стиснуты между болотом, горой и рекой Прегель, над которой ещё стоял туман, и развернуться было очень трудно, «узкая прогалина была так забита, что ни про-

¹ Военно-учёный архив № 224, реляция от 24 июня 1757 года.

² Об особенностях построения русских войск Фридриху II, а следовательно, и Левальду сообщил Кейт, не знавший о том, что искажённый немецкий строй, взведённый Минихом и употреблявшийся во время войны с Турцией, был сильно изменён при Елизавете. Больше применялись правила «Устава воинского» соответственно петровским правилам. Во всяком случае, несомненно, что порядок сражения применялся удачно и вовсе не был отсталым, как иногда у нас считают, поверхностно и неверно оценивая постановку военного дела при Елизавете Петровне. Спустя много лет, когда Суворов отдавал приказ крымским и кубанским корпусам, он писал, что «против регулярных войск порядка сражения, линейные, как в прошлой прусской войне».

езда, ни прохода не было»³, — вспоминал впоследствии Болотов.

В 6 часов утра начался бой. В начале боя был смертельно ранен начальник дивизии Лопухин, убиты генерал Зыбин, полковник Паткуль и др. За первые 2—3 часа полегло около 50% офицерского состава. Центр и правое крыло русских войск дрогнули: натиск врага, особенно конницы, был очень велик. Сам главнокомандующий почти потерял управление боем. Тем не менее правильно расположенные резервы спасли положение. Казаки (иррегулярные войска) внимательно следили за действиями своей конницы и в решительный момент «с обычными для иррегулярных войск гиканием и страстью» атаковали прусскую конницу и, не дожидаясь контратаки, скрылись с поля сражения. Таким образом, казаки заманили прусскую конницу, которая «следовала за нашими казаками по пятам и рубила их немилосердно... в часть 15 совершенно готовых к бою батальонов авангарда, при 40 полковых орудиях и батарее полевой артиллерии большого калибра»⁴. Полки, обернувшие тут же свои пушки на прусскую конницу, после каждого залпа имели успех «наивожделеннейший». Остатки прусской конницы «опрометью назад обернулись, а вскакавшие за полифрунт попали, как мышь в западню». Наша пехота опять сомкнулась, и всю прусскую конницу перерубили. Так блестяще закончилось сражение под Гроссегерсдорфом, изумившее всю Европу.

Но успех сражения не был закреплён. Левальд отступал так стремительно, а Апраксин преследовал так вяло, что связь между двумя армиями вновь нарушилась. Дорогу на Кёнигсберг Левальд захватил вновь, пополнил свои магазины и отошёл в порядке.

Апраксин побоялся действовать самостоятельно и после успеха при Гроссегерсдорфе. Он получил лишь поздравление. Приказа о быстром преследовании противника не было, а предпринять самостоятельно смелый стратегический шаг он не смог⁵. По постановлению военного совета от 13 сентября 1757 г. началась отступательная переправа русских, пруссаки заняли Тильзит, а русские части отступили к Ковно, Вильно и в Великие Луки⁶.

³ Болотов А. Записки о Семилетней войне. Воспоминаниями Болотова можно руководствоваться только при описании места, времени и пр. Военно-стратегические его соображения и военная оценка событий не могут быть критерием, так как А. Болотов, как уже отмечалось, не имел ни серьёзного военного образования, ни военного опыта.

⁴ Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. Т. I, стр. 290.

⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. IX, стр. 444, 449 и сл. Письмо Апраксина и др.

⁶ Существует мнение, что Апраксин был изменником, но ни Масловский, исследовавший военную сторону дела, ни Соловьёв, исследовавший дипломатическую

Когда прибыл указ № 134¹, который предписывал «ниррингеля атаковать», то это было уже невозможно: на пороге стояла зима, конница была распущена, позиции оставлены, провианта не было. Поэтому 28 сентября военный совет фронта категорически заявил: «Как против натуры ничего сделать не можно, а невозможное возможным учинить нельзя, так и армии, которая такою гибелью от того угрожаемая, в здешней земле зимовать не место... буде же невзирая на все резонны соизволение её величества будет, то каждый подпизавшийся положением живота и жизнь свою с радостью посвятить желает»².

Полного единства и договорённости у союзников не было. Русские войска отошли на зимние квартиры в Польшу. Австрийцы, претводительствуемые Дауном, не спешили наступать, и от их медлительности прусский король только выигрывал.

5 декабря 1757 г. Фридрих опять захватил Бреславль, и австрийские войска принуждены были оставить Силезию. Потерпев поражение и французы: они были разбиты Фридрихом II на Заале у Росбаха ещё 5 ноября 1757 года.

Увлечённый поражением Франции на континенте Европы, Вильям Питт увеличил субсидии Пруссии до 670 тыс. фунтов стерлингов ежегодно. Английские кофобли блокировали Эмден, где хотели высадить войско.

24 марта 1758 г. министр иностранных дел Берни писал французскому посланнику в России маркизу Лопиталю: «События в России могут спасти отечество».

Несмотря на зиму, в январе 1758 г. было решено двинуть русскую армию в поход. Румянцев, командовавший конницей, занял Тильзит. В конце января русские войска почти без сопротивления заняли Кёнигсберг. Посольство из кёнигсбергского магистрата добровольно сдало город, а население охотно принимало русское подданство и присягу. Принятие присяги жителями Кёнигсберга 24 января совпало с днём рождения Фридриха II. Присягали в полном составе все профессора и доценты университета, в том числе, между прочим, и философ Эммануил Кант. (Впоследствии Фридрих II никогда не останавливался ни в Кёнигсберге, ни в других городах Восточной Пруссии, на всю жизнь затаив обиду на жителей за симпатии к России.) Королевские гербы были заменены русскими. Всюду происходили торжества. Город был иллюминирован несколько дней. На монетном дворе в Кёнигсберге были выпущены монеты с изображением Елизаветы Петровны. Местные жители русские деньги брали охотнее, чем прусские, хотя прусские не были аннулированы: в русских монетах было гораздо больше чистого металла.

сторону, не считают Апраксина изменником.

¹ Соловьёв С. Уст. расп. Т. 24, стр. 136.

² «Военный сборник» № 5 за 1862 г., стр. 51.

3. «Исторический журнал» № 12

Управление Восточной Пруссией было либеральным. Никакими повинностями население не облагалось, войска не причиняли обид населению, не было рекрутской повинности. Русская оккупация как бы освобождала Восточную Пруссию от тяжестей войны.

VII

Летом 1758 г., в то время как Фридрих II отбивал атаки австрийцев и французов³, русская армия вошла в Неймарк и Померанию. 4 августа Фермор осадил крепость Кюстрин, где были запасные магазины прусских войск. Как пишет он в реляции конференции, «такой успех возымел, что от четвёртой бомбы в городе пожар учинился». Король решил не сдавать город: наполовину сгоревший город представлял собой важный стратегический пункт⁴.

25 августа 1758 г., не надеясь на своих генералов, Фридрих сам начал сражение с русскими войсками возле Кюстрина, у деревни Цорндорф. Русские имели около 42 тыс. человек, прусская же армия, по мнению Фермора, — около 60 тысяч. Битва началась в 9 час. утра артиллерийской перестрелкой. Кроме Фридриха в битве принимал участие лучший прусский генерал Зейдлиц. Дрались неустово и отчаянно. Когда у русских не хватило патронов, они стали драться холодным оружием. Неудобные позиции русских затрудняли действия. «Испуганные лошади, закусив удила, с возами прорывались сквозь линию и приводили в расстройство пехоту. Обрывая построения, иные лошади перебесились и неслись прямо на фронт и в ряды». Русская пехота попала в болото, но кавалерия действовала успешно. Зейдлиц приказал своей коннице атаковать русских.

Свалка, сумятица, бешеная атака, в гущу которой попал король, длились до вечера. Русские стояли стеной. Создавалось впечатление, что стоят и мёртвые. «Русского солдата можно убить, но положить его невозможно», — говорил впоследствии прусский король, вспоминая эту битву. «Это железные люди, их можно перебить, но разбить невозможно», — говорил Фридрих о русских солдатах после Цорндорфа.

Пруссаки жестоко расправлялись с ранеными русскими солдатами. Капитан прусской армии немец Архенгольц писал: «Тяжело раненых солдат кидали в яму и зарывали вместе с мёртвыми. Напрасно бились злосчастные между мёртвыми, стараясь разметать их и подняться»⁵. Число убитых и раненых с обеих сторон было велико.

Несмотря на то что Елизавета Петровна и Фридрих II говорили о победе своей армии в Цорндорфской битве, для них

³ 25 июля 1758 г. французы были разбиты под Крефельдом, австрийский фельдмаршал Даун с трудом удерживал Ольмюц и ждал помощи от русской армии.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. IX, стр. 484—489.

⁵ Архенгольц. Воспоминания о Семилетней войне, стр. 71. СПб. 1899.

было ясно, что вопрос о победе не решён. Елизавета Петровнаместила Фермора и главнокомандующим армией назначила Салтыкова, а Фридрих II говорил, что не может никого назначить на новую должность, так как не знает, сохранили ли свою собственную. Русская армия удержалась на своих позициях, а затем отступила вдоль прусского фронта. Атаковать её Фридрих II не решался.

С завоеванием Восточной Пруссии Россия получила возможность не только помочь союзникам, но и сократить силы «скорострельного короля» и занять «неоплошную позицию» на Западе, что уже было в значительной мере осуществлено. Эту цель ставил Бестужев, когда начиналась Семилетняя война.

Но в расчёты союзников не входило возвращать Польше Восточную Пруссию и предоставить России такую «неоплошную позицию», какой была Курляндия. Более того: австрийское командование, теоретически соглашаясь с русскими планами, на деле не хотело оставлять Восточную Пруссию в руках России. Кауниц и австрийский гофкригерат добивались того, чтобы русская армия была лишь вспомогательной для австрийцев, чтобы она была разделена на несколько частей, усиливали австрийские войска, но сама не могла производить крупные операции.

При тех отношениях, которые складывались с Австрией из-за Восточной Пруссии и с Францией из-за Польши, понятно, что чем большие успехи одерживала Россия, чем более самостоятельную линию войны она вела, тем насторожённее становились союзники. Об этих разногласиях знал и Фридрих II. Они-то, повидимому, и дали ему возможность вытеснить австрийцев из Саксонии. Россия могла продолжать борьбу с прусской армией и победить её, но она хотела, чтобы ей гарантировали хотя бы Восточную Пруссию, уже фактически полностью занятую ею.

Летом 1759 г. во Франции стали лучше понимать значение русской помощи. Новый министр, способный дипломат герцог Шуазель, энергично взялся за продолжение войны против Фридриха II. В инструкциях и письмах к посланнику Лопиталю в Петербург Шуазель пишет о предоставлении России помощи и гарантий¹.

Но на море Франция проигрывала. Летом 1759 г. англичане бомбардировали Гавр, уничтожили и захватили много французских кораблей и средиземноморскую эскадру при выходе её из Гибралтара. Зная отношения Англии и России, Шуазель задумал начать мирные переговоры, выбрав посредником Россию².

VIII

Наступила осень 1759 г. Фридрих II видел, что разбить поочередно, но быстро союзные армии он уже не сможет. Следо-

вало использовать имеющиеся преимущества, т. е. дать большое сражение в открытом месте, пустив в ход прусскую кавалерию. Но выманить медлительного Дауна из хорошо укреплённых позиций было невозможно, атаковать же укреплённый австрийский лагерь тоже не имело смысла. Тогда прусский король решил нанести удар по России.

В 1759 г. главнокомандующим русской армией был Салтыков; Фермор командовал отдельными частями. Салтыкова в армии мало знали (он раньше служил во флоте). Он не обладал представительной внешностью, но был прекрасный генерал. «Простенький, седенький старичок... Как такому простенькому и незначащему старичку можно быть главным командиром толь великой армии», — писал Болотов. Австрийцы тоже решили перейти в наступление, и конференция по согласованию с гофкригератом приказала Салтыкову соединиться с Дауном. Салтыков повёл армию в Восточную Пруссию к Дауну, по дороге разбил пруссаков между Пальцигом и Цоллихау, вступил во Франкфурт на Одере и там соединился с генералом Лаудоном.

Салтыков вместе с австрийцами мог двинуться на Берлин, но генерал Даун не хотел наступать. Главнокомандующий русскими войсками понял, что его армии придётся один на один столкнуться с армией Фридриха, и решил принять бой около Франкфурта, у деревни Кунерсдорф³. Место было не очень удобное, но долго выбирать было нельзя. Численность русской армии достигала 60 тыс., армии Фридриха — около 48 тыс. человек⁴.

14 августа 1759 г. началась жестокая битва. Румянцев со своей кавалерией начал атаку. Салтыков приказал открыть огонь из 80 орудий, но расположение войск Фридриха было гораздо выгоднее, чем русских, и в первый момент победа была на его стороне. Но решающий успех Фридриха зависел от овладения горой Шлицберг, которая была занята русскими войсками. Пруссаки несколько раз пробовали забраться на гору, но под огнём русской картечи летели во рвы и там находили себе могилу.

Фридрих пошёл на последнее средство: он бросил против русских лучшую часть своей армии — кавалерию Зейдлица. Она попала прямо под обстрел русских. Около 5 часов вечера на помощь русским подошла австрийская кавалерия Лаудона. Объединёнными силами прусская армия была окончательно разбита и в беспорядке отступала к Одере. Её преследовали по пятам русские части, захватывая прусских солдат в плен или загоняя их в болото. Под королём была убита лошадь, мундир его был прострелен. Пуля ударила его в левый бок, но не ранила: попала в золо-

³ Наиболее полна в военном отношении работа Лауберта в «Brandenburg-Preussische Forschungen». Bd. XXV. 1913.

⁴ Данные о численности армий очень разноречивы, и их можно установить только приблизительно.

¹ R a m b a u d. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. T. VIII.

² АДА, т. № 175, № 4, 6.

тую готовальню. Лишь поздно вечером группа офицеров во главе с королём почувствовала себя в безопасности, попав в какую-то глухую деревушку на берегу Одера. В полном отчаянии Фридрих II сел писать своим родным и министрам. Он писал Финкенштейну: «Я несчастлив, что ещё жив, из 48 тысяч человек у меня остаётся едва 3 тысячи. Когда я говорю это, всё бежит, и у меня уже нет власти над этими людьми. Подумайте о безопасности Берлина, последствия битвы хуже, чем самая битва. Средства мои истощены. Признаюсь откровенно — всё пропало»¹.

Армию король завещал Финку, а престол — племяннику. Фридрих собирался покончить самоубийством. В Берлине царил паника. Голландский посланник из Берлина писал о том, что весь двор выехал в Магдебург, а берлинский магистрат имеет приказ сдать город. И это произойдёт не больше чем через 24 часа². С остатками своего войска Фридрих отступил за Одер. Союзникам была открыта прямая дорога на Берлин.

Салтыков, успешно действовавший под Кунерсдорфом, смело мог продолжать поход на Берлин, если бы австрийская армия ему в этом помогала. Ведь всё ещё оставалась значительная часть прусской армии, армия принца Генриха, которая могла оказаться в тылу у русских, в Музани. Русскому командованию представлялось бессмысленным рисковать для взятия Берлина только что выдержавшей кунерсдорфское сражение армией. А медлительный и осторожный Даун прямо заявил, что завершить войну несколькими ударами он не считает возможным, а Берлин и его окрестности настолько истощены, что там невыгодно располагаться на квартиры.

В начале сентября русская и австрийская армии всё же двинулись на Берлин. Даун, узнав, что есть угроза встретиться с не участвовавшей в сражении под Кунерсдорфом частью прусской армии, немедленно повернул обратно, и русские войска вновь разошлись с австрийскими. Австрийский гофкригсрат требовал перебросить русские войска в Силезию, но это означало бы оставить Восточную Пруссию. Благодаря спорам союзников Фридриху II удалось в конце 1759 г. вновь сколотить остатки прусской армии. Но он всячески уклонялся от сражений с русскими, «даже тогда, когда к тому представлялся чрезвычайно благоприятный случай»³.

Исход сражения под Кунерсдорфом дал России полное право оставить в своих руках Восточную Пруссию. 26 октября, а затем 1 декабря 1759 г. австрийский и французский дворы получили ноту, в которой Россия сообщала о своём намерении оставить и после мира за собой Восточную Пруссию, предупреждая, что предполагает

отдать её Польше в обмен на украинские земли.

В Версале это вызвало переполох. Началась двойная игра, которая сильно поколебала и так непрочный союз Франции и России.

В то время как наиболее прогрессивная часть дипломатов во главе с Шуазелем шла на уступки России, Людовик XV 1 апреля 1760 г. писал в секретной инструкции секретарю французского посольства в Петербурге: «Надо опасаться слишком больших успехов России в этой войне, чем более она будет считать, что она необходима, или была необходима, тем больше будет придавать себе цены и ставить требования»⁴.

Таковы были стремления союзников, когда русским после успеха под Кунерсдорфом был открыт путь на Берлин, и достаточно было ещё одного сильного удара, чтобы положить конец силам «скоропостижного короля».

Престарелая, больная Елизавета Петровна не в силах была бороться с настроениями «молодого двора» и союзников. Бестужев был не у дел, а Воронцов слишком поддавался французскому влиянию. При переговорах о мире Россия хотела выговорить себе гарантию Восточной Пруссии, но отпор союзников был очень силен.

Главнокомандующий Салтыков отказывался подчиняться австрийскому командованию, за что и был смещён конференцией. В сентябре 1760 г. на его место был назначен Бутурлин, человек бесталанный, безвольный и в военном деле малообразованный.

Для того чтобы Фридрих не смог сосредоточить остатки своей армии и чтобы Россия не сделала новых приобретений, гофкригсрат настаивал на том, чтобы русские войска отвлекали армию Фридриха с занятой австрийцами территории. Возник план продвижения русских войск в Берлин.

IX

26 сентября 1760 г. отряды Тотлебена и Чернышёва двинулись к Берлину. 2 октября русские войска почти подошли к городу. Гарнизон Берлина был не велик: 3 батальона пехоты и 2 гусарских эскадрона. Комендант гарнизона фон Рохов хотел сразу же оставить столицу, но прусские генералы Зейдлиц, Левальд, лечившиеся там после ранений, организовали оборону.

Тотлебен мог быстро занять Берлин, но он действовал вяло и нерешительно. 2 октября он даже отошёл от города, не имея на это никаких оснований. В это время с другой стороны столицы подоспел отряд графа Захара Чернышёва. Тогда Тотлебен, опасаясь, что первым в город войдёт Чернышёв, в ночь на 9 октября 1760 г. договорился о сдаче города и дал возможность отойти берлинскому гарнизону.

Русские войска в полном порядке вошли

¹ Rambaud. Recueil... Т. XIII, p. 181.

² Масловский Д. Указ. соч., приложение 26 к 3-му выпуску.

³ Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. IV, стр. 322.

⁴ Инструкция помещена у Вандаля, Рамбо, Брольи «Le secret de roi». Paris. 1872.

в город. Вначале испугавшиеся, жители вскоре высыпали на улицы и с интересом рассматривали русские войска, которые вели себя безукоризненно.

По приказу конференции отряд Чернышёва остался под стенами Берлина, а Тотлебен вошёл в город. Были выработаны невиданно лёгкие условия капитуляции. Так, из сдавшегося в плен гарнизона только 700 человек было отправлено в тыл. Оружие сдано не было; по приказу русского командования были сданы только негодные ружья и поломанные пушки. Если бы не инициатива отдельных начальников русских частей, разоривших некоторые мельницы и ружейные заводы города, то вся берлинская промышленность осталась бы целой. Вначале была назначена контрибуция в 4 млн. талеров, но затем была уменьшена до полутора миллиона и не золотом, а серебром. За это русское командование получило адрес от берлинского магистрата¹.

Текст капитуляции Берлина состоял из 13 пунктов, из которых особенно поучительны следующие:

«Пункт 1. Чтобы сей столичный город и все обыватели при их привилегиях, вольностях и правах содержаны, а торговля, фабрики и наука на прежнем основании оставлены были...

Пункт 5. Все обыватели вообще какого бы звания и достоинства ни были, останутся в покойном владении их имениями и все беспорядки и грабительства в городе и их предместьях и в магистрате и деревнях допущены не будут...

Пункт 8. Торговля морем и сухим путём как внутри, так в чужих землях беспрепятственно продолжаться будет и впредь».

Взятие Берлина русскими войсками произвело огромное впечатление в Европе. Почти во всех европейских газетах писали об этом². Но на помощь русским в Берлин никто не шёл. Удерживать Берлин продолжительное время не входило в планы союзного командования. Главное задание было выполнено: 70-тысячная армия Фридриха, прекратив атаку австрийцев, поспешно двинулась к Берлину.

В ночь на 11 октября русские части, провожаемые благодарными жителями, начали в плановом порядке покидать Берлин. Выходили они из него не менее торжественно, чем входили, ибо оставление Берлина отнюдь не было вынужденным.

Игра Фридриха II была проиграна. Его карты были биты. На порядок дня ставился вопрос о заключении мира, в котором наиболее выгодное положение должна бы-

ла занять Россия. Но прихоть нового государя, пруссофила Петра III, спасла остатки прусского королевства³.

5 января 1762 г. умерла Елизавета Петровна. Несомненно с русскими интересами, против всех естественных принципов русского государства, Пётр III немедленно утвердил перемирие. Обе стороны освободили военнопленных, территориальные потери Фридрих считал неизбежными. Но новый русский император превзошёл все ожидания прусского короля: 5 мая 1762 г. Фридриху II была отдана территория, занятая русскими. Больше того: Пётр III собирался даже помочь Пруссии в войне против бывших союзников. Пётр III писал Фридриху II 15 марта 1762 г.: «Вы говорите, что за короткое время моего царствования вы мне многим обязаны. На это могу вас уверить, что не искал и не буду искать дружбы помимо вашей и ваших союзников... Вы хорошо знаете, что в течение многих лет я был вам предан, рискуя всем за ревностное служение вам в своей стране».

Относительно условий мира Пётр III писал: «Вы желаете, чтобы я обеспечил вам гарантию Силезии и Глаца, я заранее готов на всё... Вы никогда не сможете сказать, что я предпочёл свои интересы вашим»⁴.

На это письмо Фридрих II иронически заметил, что «Пётр III имеет такое благородное сердце и такие возвышенные чувства, которых обычно не бывало у государей».

После четырёхлетнего пребывания под властью России Восточная Пруссия вновь перешла к Фридриху. Заключение невыгодного для России мира с Пруссией, возвращение Восточной Пруссии, завоёванной в кровопролитных боях, восстановили против Петра III русское дворянство и всю армию. Этот мир был одной из главных причин столь быстрого свержения Петра III.

Вслед за Россией вышла из войны и Швеция. Положение Австрии было очень серьёзным. 24 ноября 1762 г. она подписала перемирие с Фридрихом. Через три дня подписала перемирие и Франция. 15 февраля 1763 г. был подписан Губертсбургский мирный договор, установивший такое же положение держав, какое существовало перед войной.

Формально границы остались те же, но эта война совершенно изменила порядок в Европе и соотношение сил. Хотя Россия в этой войне и не сделала территориальных приобретений, тем не менее она обессилила на долгие годы своего противника, — Пруссию.

¹ О взятии Берлина, кроме архивных материалов, находящихся в ЦВИА, см. «Русский архив» № 6, кн. 2 за 1889 г., стр. 305; Архив гр. Воронцова. Т. VI, изд. Бартенева.

² См. «Gazette de France», 1760; «Affiche de Paris», 1760; «Le nouveau magazin», 1760.

³ Впоследствии Фридрих писал, что несмотря на то, что Силезия была в его руках, война была для него неблагоприятна и Пруссия оказалась в очень тяжёлом положении. Сборник Русского исторического общества. Т. XX, стр. 156, 157 и сл.

⁴ «Русский архив» за 1893 год. Т. I. Письмо от 15 апреля 1762 года.

СУДЬБА НАСЕЛЕНИЯ ГАЛИЦКИХ КНЯЖЕСКИХ ВОТЧИН ПОД ВЛАСТЬЮ ПОЛЬШИ

Акад. Б. Греков

Совершенно понятен неключительный интерес к судьбам Галицко-Волынской земли, этой богатейшей и культурнейшей части Киевской Руси.

После распада Киевского государства, объединявшего всю Русь, в течение нескольких столетий и особенно после татарского нашествия отдельные части Руси переживали разную судьбу. Великий Новгород, меньше других русских княжеств пострадавший от нашествия татар, не только любовно следил за тем, чтобы светильник, зажжённый предками, не угасал, но старался приумножить киевское наследство. Успешно отбиваясь от немцев, рассчитывавших на лёгкость захвата русской земли, ослабленной татарским нашествием, Новгород в то же время создал много новых культурных ценностей. Молодая Москва накапливала силы для борьбы за грядущее освобождение.

Галицкая Русь под главенством Даниила Романовича достигла значительного могущества, но много сил тратила на внутреннюю борьбу. Сильное галицкое боярство, очень напоминавшее своими стремлениями магнатов соседней Польши, не мирилось с укреплением княжеской власти, при Данииле переименованной в королевскую.

Ослабляя княжескую власть, галицкое боярство в то же время способствовало вторжению соседних государств — Венгрии и Польши — в богатую Галицко-Русскую землю. В конце XV в. Польше удалось захватить Галицкое княжество.

Перед польской властью стояла трудная задача — освоить завоеванный край. Ей легко удалось достигнуть соглашения с галицким боярством, которое соблазнилось привилегиями, даруемыми польскими королями шляхте. Галицкая знать почти полностью перешла в лагерь польской шляхты, отказавшись от своего языка, веры, обычаев, т. е. оторвалась от своих исторических корней. Далекое не так обстояло дело с массами галицко-русского народа: они бережно хранили верность своей национальности несмотря на все мероприятия Польши.

В настоящей небольшой статье автор ставит себе задачу — показать только судьбу вотчинных владений галицко-русских князей, перешедших под непосредственную власть польских королей. Княжеские имения, населённые княжескими слугами и

крестьянами, после захвата их Польшей были превращены в королевские домены. Русское население, подчиняясь своему новому хозяину, продолжало дорожить своим русским правом. Оно оставалось на этих позициях до тех пор, пока в XVI в. новые, неотвратимые экономические условия не изменили его правового и экономического положения.

На этом небольшом примере истории древней Руси может видеть не только качественную сторону русских общественных отношений, частично отражённых и в «Русской Правде», но и наблюдать их дальнейшую эволюцию. И русские и польские историки проявляют большой интерес к изучению русского права в Галицкой земле.

Один из новейших исследователей этой проблемы, львовский учёный Гейнош, поставил своей задачей изучить пережитки русского права в Галицкой Руси в начальный период её нахождения в составе польского государства. Он совершенно правильно считает, что отношения и учреждения Галицкой Руси, не имеющие аналогий в землях польских, являются наследием старорусских времён, старого русского права. Это наследие польская власть не смогла в течение XV и даже начала XVI в. ни вытеснить, ни ассимилировать¹.

Когда Галицкая Русь перешла под власть Польши, огромная часть галицких земель была уже освоена галицким боярством и церковными учреждениями. Польская власть, как правило, не считала нужным отбирать землю ни у боярства, ни у церкви. Домены галицких и частью волынских князей, перейдя, повидимому, полностью под власть польских королей, продолжали жить в значительной степени старой своей жизнью, выполняя на польских королей те же самые повинности, что и на князей русских.

Население королевских земель обычно было связано с королевскими замками и находилось под начальством замковых королевских властей. Жило оно на основе русского права, иногда так и называлось «rutini regales». Несколько королевских сёл — львовские и перемышльские — выделялось со-

¹ Hejnosz W. Jus Ruthenicale. Przeżytki dawnego ustroju spotecznego na Rusi Halickiej w XV wieku, str. 4. Lwow. 1928.

хранностью своих старых порядков. Во главе этих сёл всегда стояли хорошо известные древней Руси тиуны, а жили здесь главным образом королевские сокольники, ловчие, рыболовы. Жили они в этом своём звании, по их собственным словам, извечно (*perpetuales, z dzada pradziada, ot starodawna*). Несомненно, эти их служебные обязанности переходили от дедов и отцов к их детям и внукам от времён галицких князей. Общее название всех этих слуг — *servitores, terrigenae* (земляне).

Однако применять латинскую терминологию к польским и русским общественным отношениям — дело небезопасное. Ясность и точность латинской терминологии подкупают с первого взгляда, но при более глубоком рассмотрении предмета оказывается, что под этой терминологией часто разумеется совсем не то, что мыслили римские юристы.

Древнерусские юристы не находили тождества между содержанием русских, греческих и римских понятий и словесным их выражением. Они переводили термины греческих и римских источников на русский язык по близкому им смыслу, руководствуясь русской действительностью.

Servitores — это королевские слуги, они же *terrigenae* — мелкие и средние землевладельцы. Как служба их могла быть весьма разнообразной, так и положение их могло быть неодинаковым. Положение их с течением времени менялось, но терминология сохранялась старая.

Латинская терминология в Ипатьевской летописи отсутствует; в «Русской Правде» её тоже нет. Нет её и в русских грамотах конца XIII в., несмотря на то что русским юристам прекрасно было знакомо римское право и что оно неоднократно служило им для практических надобностей, особенно в церковном обиходе. Латинская терминология, хорошо известная в Галицкой земле и до польского завоевания, после завоевания начала здесь особенно развиваться, но не сразу. Вислинский статут переводили на галицкий язык с широким использованием древних русских юридических терминов. При изучении общественных отношений XV в. нам очень важно расшифровывать латинские термины, узнать, что они обозначали конкретно.

Если в XIV в. доем галицкого князя перешёл к польскому королю, то нам важно знать, в каком именно состоянии польский король получил свои новые владения. Конечно, он застал там княжеских дворцовых слуг — военных и домовых, с одной стороны, и крестьян, находившихся в различном юридическом положении, — с другой. Вся эта масса населения стала обозначаться полтавскими *servitores*.

Перемены произошли не только в названии, но и по существу. Конечно, тут надо учитывать политическую, новую для Галицкой Руси обстановку, но нельзя решать вопрос так, как его иногда решают некоторые польские учёные. Последние считают, что здесь столкнулись три различных строя: немецкий (с введением немецкого права в Польшу и Галицкой Руси), поль-

ский и русский. Русский-де строй должен был уступить натиску более прогрессивных элементов. Но прежде чем делать такие выводы, надо доказать, что Галицкая Русь в своём общественном развитии отставала от Польши. А это не соответствует действительности. При решении этой задачи нельзя забывать и того, что и в Польше и в Галицкой Руси после их политического объединения развивались свои общественные отношения, что эти отношения изменялись в определённом направлении не потому, что они были польскими или русскими, а потому, что и Польша и Галицкая Русь подвергались воздействию в основном одних и тех же условий, с которыми вынуждены были считаться и поляки и галичане. Я имею в виду изменения в системе сельского хозяйства и в хозяйственном и правовом положении сельского населения.

Не могу согласиться поэтому с крупнейшим польским историком Ф. Буяком, который говорит, что успехи колонизации Червоной Руси, достигнутые к XVI в., сделали ненужным дальнейшее усиление польского влияния и позволили без вреда для польской политики позаимствовать старую русскую систему сельского хозяйства: «Развитие фольварочной системы хозяйства создало стремление к перенесению на польские сёла экономических условий старых русских сёл, к низведению их на уровень русских»¹. Проф. Ф. Буяк, очевидно, имеет в виду закрепощение крестьян и введение барщины, связанные с волочной реформой.

Иначе говоря, если бы ополячение старой русской земли не происходило столь успешно, то польская шляхта не рискнула бы перенять привлекательный для неё «русский образец», который проф. Ф. Буяк представляет себе всё же недостаточно точно. Он упускает из виду, что этот образец и на Руси имел свои этапы развития, свою историю и что организация русской вотчины XI—XII вв. совсем не похожа на её организацию XV в., а последняя отличалась от вотчины XVI—XVII веков. Забывает он также и то, что те же этапы развития переживало сельское хозяйство и в литовско-русском государстве, и в Москве, и в Прибалтике, и в Германии, и, наконец, в Польше. «Русский образец» оказался всеобщим в странах на восток от Эльбы, т. е. в тех странах, которые не успели изжить феодальных отношений в момент, когда хлеб стал важным товаром на мировом рынке и землевладельцев обуяла жажда увеличения доходности своих имений.

Вопрос колонизации захваченного края и вопрос реорганизации барского хозяйства в нём между собой не связаны, они имеют свою собственную логику и судьбу. Последний вопрос, во всяком случае, не зависит от каких-либо посторонних воздействий или заимствований. Наконец, если бы действительно «русский образец» состоял в крестьянской барщине и крепостничестве,

¹ Bujak Fr. *Studia historiczna i spo-feczna*, str. 69. 1924.

то едва ли крестьянство Галицкой Руси стало бы дорожить своим русским нравом. Нужно отметить, что не все польские историки так понимают перемены, проходившие в положении крестьян. Я. Рутковский¹ и А. Свентоховский², например, не считают барщину и крепостное право в Польше «русским образом».

В королевских имениях на территории Галичины, по общему признанию историков, много следов старой русской жизни. «Правда Ярославичей» знает огнищанина, подьедного, тиуна, конюшего, старосту, мечника, кормильца, кормилицу, рядовича, смерда, холопа. «Пространная Правда» прибавляет отрока, повара и ремесленника. Такой довольно разнообразный состав слуг русского княжеского домена XI—XII веков. Сюда необходимо добавить, хотя и с оговоркой, княжескую младшую дружину, о чём напоминают нам упомянутый в «Пространной Правде» отрок и в «Древнейшей Правде» — гридин. Сравнительно недавно дружина, жившая в княжеском домене, на княжеском иждивении, стала пользоваться княжеской землёй на правах бенефиция, а потом и лена. «Пространная Правда» отмечает эту перемену в статье 91 — «О заднице боярстей и о дружней»: «Аще в боярех либо в дружине, то за князя задница не идет; но оже не будет сынов, а дщери возьмут». Совершенно правильно замечает С. Юшков, что «дружинная общность (с княжеским доменом. — Б. Г.) не сразу прервалась. Боярство (старшая дружина по преимуществу. — Б. Г.) всё ещё близко держалось княжеского двorca»³.

Несомненно, в жизни княжеских слуг всех разновидностей и в дальнейшем происходили неизбежные перемены. Однако в документах XV в., говорящих о княжеских слугах, которые уже находились под властью польского короля, сохранилось многое от старого времени. Мы легко можем понять, почему население многих сёл, приписанных к королевским замкам, носило название «слуг». Они сами о себе говорили, что живут они в этом положении истари. Это всё русские люди — *rutini*.

Для наглядности приведу в небольшом сокращении таблицу Гейноша, характеризующую положение в королевских сёлах, приписанных к Саноцкому королевскому замку.

Название сёл	Количество слуг	Примечание
Беско	3 (?)	Вероятно, всё село служит бывший слуга
Дубровка Русская	4	
Доброе Д	4	
Гломча	2	Бывший слуга
Костаровцы	1	
Лозина ?	5	
Новосельцы	13	
Ольховцы	9	
Пловцы		
Саночек	1	
Тырава Сольная	1	
Улич	4	

Эти цифры добыты автором из актового материала и не дают полного представления о наличии слуг в этих сёлах. В перечисленных селениях попеременно со слугами жили и кметы — смерды. Слуги — мелкие или средние землевладельцы. Они имели право свою землю продавать, отдавать дочерям в приданое, т. е. распоряжаться ею; они находились под юрисдикцией королевского замка. Акты позволяют сделать вывод, что слуги и кметы не различались строго в правах и жили более или менее общей жизнью со всем селом. На это указывают имена поручителей слуг и кметей, стоящие рядом; и те и другие ссылаются на показания общины, выступают вместе в качестве свидетелей.

Гейнош считает, что село Лозина заслуживает особого внимания, поскольку оно как будто было заселено исключительно слугами, наряду с которыми встречалось несколько *terrigenae*, средних землевладельцев, обозначаемых иногда *pobilis*. Один из них, Ганч, «*terrigena de Lodzyna*», брат Сеньки Сметанки, именуемого *pobilis*, продал часть своей земли «*pars suae hereditatis, quam habuit in villa Lodzyna, videlicet septem kmethones et omnia alia pro quadraginta duabus marcis*»⁴, с условием, что покупатель испросит на эту сделку специальное разрешение либо старосты Саноцкого замка, либо короля, либо королевы. В успехе этого дела трудно было сомневаться, поскольку покупателем являлся саноцкий воевода.

Ганч — королевский слуга довольно высокого ранга. Это видно из того, что только часть его земли составляла участок, который обрабатывали семь крестьянских семей. В Лозине жили и слуги, которые занимали более скромное положение. Некоторые из них были обязаны снабжать замок рыбой, очевидно, своего улова. Это королевские *piscatores*. В 1446 г. возникло дело по обвинению их в неисполнении своих обязанностей⁵. Село Лозина представлено в источниках полнее других, но едва ли есть основание считать, что оно сильно отличается от других сёл, принадлежавших Саноцкому замку. Но Гейнош имеет достаточные основания говорить о лозинских слугах, как более зажиточных и даже знатных.

Положение слуг с течением времени менялось. Население села Домбровки, напри-

¹ Rutkowski Jan. *Zarys gospodarczyczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych*. Poznań. 1923.

² Swientochowski A. *Historja chłopów polskich w zarysie*, str. 178—195. 1925.

³ Юшков С. *Очерки по истории феодализма в Киевской Руси*, стр. 150. М.—Л. 1939.

⁴ Hejnosz W. *Op. cit.*, str. 40—41. *Acta gr.* XI, Nr. 3248.

⁵ Грушевський М. *История Украины-Руси*. Т. V, стр. 93.

мер. в источниках называется слугами — *slużebny, serviles*, несколько позднее — *kmethones serviles, veri et legitimi kmethones*. Эти слуги выполняли повинности на своего пана, наравне с кметями они попадали в заклад (*bywaja zastawiani*). Эту явную деградацию Гейнош объясняет прекращением служебных отношений с замком и переходом слуг под власть частных владельцев.

В одном из актов имеется очень интересное дело о попытке слуги Фили (Phyl) из Костарович продать свою служебную землю, «*agrum servilem*», другому лицу на «праве немецком», т. е. с освобождением этой земли от замковых повинностей. Сам Фил предполагал уйти в город Санок и уже стал называть себя *concivis sanocensis*. Но королевский суд не разрешил эту сделку и заставил Филю взять служебную землю и попрежнему с нею служить *more Ruthenico* или же посадить на неё кого-нибудь другого, но тоже на основе русского права, кто мог бы королевские повинности и службы (*labores et servicia*) выполнять нормально. Король заботился о точном выполнении замковых повинностей, считая в то же время своих замковых слуг людьми свободными. Это «вольные слуги» короля. Возможно, что они могли владеть не только служебными землями, но и благоприобретенными и что с владельцев их не требовалось замковых повинностей.

Самое основное здесь — то, что служба отправлялась с земли, что замок был заинтересован не в том, кто именно сидит на этой земле, а как выполняются повинности¹. В сёлах Перемышльского замка в XV в. сидели по преимуществу королевские конюхи. Они твёрдо верили — и не без основания, конечно, — в то, что их предки были конюхами галицких князей. Когда в середине XVI в. перемышльский староста, повинувшись духу времени, сделал попытку перевести конюхов села Витошинцы на барщину, они запротестовали и, повидимому, сочинили выгодную для себя грамоту. Все исследователи относят её к середине XVI в., но составители датируют её 1297 годом.

¹ Именно в этом смысле я и понимаю акт, обративший на себя внимание нескольких исследователей (Виняж, Грушевский, Дикер, Гейнош). В этом акте говорится о слуге Никите из Тыравы, который передал своему племяннику четвертую часть *sui patrimonii vectigalis, alias voszby szolney*. Мне кажется, что Гейнош неточно интерпретирует Виняжа, который говорит об уступке не повинности, а земли, обремененной службой, которую Никита называл *patrimonium vectigale*. Это и есть служебная земля, или *ager servilis*. Тут же говорится, что «его племянник должен будет выполнять эту повинность... *pro agro ibidem sito*». Никита часть повинностей оставил за собой, а часть перенёс на своего племянника, уступив ему за это четвертую часть своей земли. *Vectigal* состояла в возке соли, *patrimonium* — в земле (Hejnosz W. Op. cit., str. 48. Acta gr. XVI, Nr. 1518).

Я не собираюсь защищать подлинность этой грамоты, но считаю вполне возможным использовать её как творчество заинтересованных лиц XVI века. Витошинские конюхи, сочиняя свою грамоту, хотели защитить себя от превращения в крепостных крестьян и от перевода на барщину. Составляя грамоту, они стремились к тому, чтобы она как можно больше походила на подлинную. Вот текст этой грамоты, напечатанной у Гейноша, в моём переводе на русский язык: «Мы, князь Лев, великого короля Даниила сын, договорившись со своим княжеским замком (*z swoim dworem hospodarskiem*), причислили к нашему замку вольное наше село Витошинцы для нашей военной службы и для ухаживания за нашими княжескими конями при нашем Перемышльском замке. Подданные наши этого села просили нас, в качестве наших осажённых слуг (*iako to studzy naszy siedelni*), чтобы мы дали им грамоту с обозначением границ этого села за нашей княжеской печатью на вечные времена. Мы в исполнении их просьбы дали им за их заслуги землю с лесами, лугами, полями... (идёт описание границ. — Б. Г.). Всё это дали мы на вечные времена и их потомкам. А кто захотел бы нарушить нашу волю, суд мне с ним перед господом Богом. Писано в Перемышле лета 6805»². Составители грамоты подгоняли её к обстановке XIII в., и едва ли тут они сделали какую-либо ошибку: княжеские конюхи и конюшисы, тиуны конюшисы, дворец конюшенный, стада коней хорошо известны «Русской Правде», летописям, в частности Галицко-Волынской, и другим документам. Конечно, многочисленные конюхи служили князю и за это получали обеспечение. Они же были и людьми военными. Под 1150 г. в Галицкой летописи описывается битва между Владимиром Галицким и Изяславом Мстиславичем. Войско Владимира «ударилша на конюхы его (Изяслава. — Б. Г.) и несколько от них мужей яша».

И в среде княжеских слуг можно наблюдать тот же процесс, в результате которого одни из конюших слуг поднялись в ряды шляхты, другие опустились до положения простых кметей — крестьян. Спорные дела по восстановлению или выяснению прав, встречающиеся в актах градских, свидетельствуют о частых попытках конюших слуг уклониться от своих служебных обязанностей и перейти в ряды привилегированного сословия. Для возбуждения подобных дел было достаточно оснований. Вот пример: в люстрации 1497 г. в селении Негребка каждое из 10 служебных дворниц представляло самостоятельное хозяйство; в люстрации 1565 г. трое из слуг уже получили более высокое звание — «земяне», — имели своих кметей, которые платили за них подати, а сами земяне выполняли только замковую службу³.

То же мы видим в львовских сёлах Яс-

² Ипатьевская летопись под 1871 г., стр. 279, 437 и др.

³ Грушевский М. Жерела. Т. II, стр. 33; Hejnosz W. Op. cit., str. 57, прим. 4.

нице и Лозина. Во второй половине XVI в. королевские слуги, жившие в этих сёлах, расширили свои земельные владения, обзавелись кметями и стали переходить в ряды шляхты, тогда как королевские слуги других сёл влились в ряды тяглої крестьянской массы¹.

Среди актов, собранных М. Грушевским, есть один замечательный по своей яркости. В люстрации 1565 г. есть отдел, который я привожу в своём переводе: «О сёлах, которые прежде, ничего не давая и не делая, жили около королевского стада в селе Медиках. Недалеко от села Медики, в котором помещалось королевское стадо, есть 7 селений над рекой Саном: Бугов, Торки, Витошинцы, Батицы, Мальковицы, Даровицы, Мачковины, которые владеют большим количеством земли луговой и пашенной. Люди этих селений, живя около королевского стада, привыкли не выполнять никаких повинностей и не давать никаких податей, только для корма стада на лугах косили траву и убирали сено, на что уходило 3 или максимум 4 дня; никаких иных повинностей они не признавали. Нынешний перемышльский староста, видя, что фольварки в Медиках и в Бакунчицах имеют хорошую землю, но в них мало людей и что фольварки приносят мало дохода, неоднократно напоминал населению перечисленных сёл, чтобы они работали на вышеуказанных фольварках несколько дней в году, но они всеми способами от этого уклонялись. Тогда староста... создал комиссию, которая, убедившись, что со всей работой около стада могут справиться два или три селения, постановила, чтобы во всех сёлах пашенную землю вымерить в ланы... и чтобы вышеназванных сёл люди с каждого лана давали чиншу ежегодного по одной гривне, по колосе овса в перемышльскую меру, по 2 кур, по 2 гусей, по 15 яиц, и чтобы работали 2 дня в неделю... Король это постановление во всех пунктах и клаузулах в Красностае изволил утвердить... На этом основании в двух сёлах, Бугове и Торках, пашенная земля положена в ланы, установлены чинши и работы в фольварке Медицком, а в пяти сёлах ещё земля не вымерена, временно население оставлено при прежних обязанностях при королевском стаде».

При переводе мною выпущено одно место, в котором между прочим высказано убеждение, что при новых порядках, когда все работы будут выполняться под наблюдением и уход за лошадьми будет лучше, не будет гнить сено.

Документ очень интересный. Он признаёт непригодными старые порядки и говорит о необходимости замены их новыми, более выгодными для королевского замка, в связи с этим, конечно, находится и образование фольварков.

В данном случае король шёл по тому же пути, по которому пошли некоторые королевские слуги и шляхта и часть зажиточного крестьянства. Этот процесс одинаково

затрагивал всех землевладельцев, независимо от их национальности. Это знамение времени стало отчётливо обнаруживаться уже в конце X и особенно в середине XVI века.

Совершенно закономерно, что при этих обстоятельствах в королевских сёлах старина, «*jus ruthenicum*», стала нарушаться и заменяться новыми отношениями. Большинство королевских слуг опустилось до положения зависимого и крепостного крестьянина. Немногим только удалось, опираясь на свой материальный достаток, проникнуть в ряды шляхетства. В градских и земских актах бросается в глаза терминология, свидетельствующая о расслоении внутри королевских сёл. Большинство недавних королевских слуг перешло в категорию крестьян, стало *laboriosi, kmethones*, тогда как недавний сын тиуна уже назывался *providus*, т. е. пошёл быстрыми шагами вверх.

К разряду королевских слуг, живших на основе русского права, относились также сотные (*homo sotny, kmetho sotny*, они же *homines regales*, или *stuzebny*), коланные и ордынцы. Коланных и ордынцев Гейнош считает одной группой, различающейся лишь по наименованию². Все эти *homines regales*, обслуживающие королевские замки,— в прошлом люди, входившие в состав дворов-замков галицких князей. И в XV—XVI вв. они продолжали находиться в зависимости от королевских замков, жить в их подсудности, выполнять определённые, но очень тяжёлые обязанности³. Они дорожили своим положением и протестовали, когда им грозила опасность перейти из-под королевской доменальной власти под власть частных владельцев и превратиться в крепостных крестьян. Возглавляли их тиуны, или атаманы; в случае надобности они присягали по русскому обряду, в церкви, носили русские имена, отчества и прозвища (Фёдор, Нefёд, Савка, Игнат Семенович, Петрусь Дубкович, Иван Кромкий, Андрей Нелебкович, Иван Малошович, Фёдор, Василь Филиппович, Фёдор Денисович и т. п.—*servitores* из села Солонки). Их свобода была ограничена только в отношении выхода из-под королевской доменальной

² Автор приводит вполне убедительные доказательства: переход «*ad ordam w kalanstwo sub dominum regim*» (*Acta gr. XIX, Nr. 2712* и др.). М. Грушевский говорит то же: «*Se dedit ad ordam, in ordam*» (*Acta gr. XIV, Nr. 1203, 1214, 2702, 3180*. «История Украины-Руси». Т. V, стр. 146—147, прим. 4).

³ Гейнош на основании наблюдений изображает обязанности королевских сёл Солонки и Журавки в следующем виде: «1) давать подводы под короля в строго определённые пункты, 2) развозить королевские письма, 3) давать четырёх людей в войско, 4) пасти королевские стада. Больше ничего (полное освобождение от всяких других повинностей). Подчёркнуто их право продавать своё имущество умерших без сыновей родственникам» (*Hejnosz W. Op. cit., str. 96*).

¹ Грушевський М. Жерела. Т. VII, стр. 28; *Hejnosz W. Op. cit., str. 61*, прим. 6.

власти. Переходить из одного села в другое в пределах королевского домена они имели право. Сотные, коланные-ордынцы при этих условиях жили в королевских имениях из поколения в поколение («ab avis et prothavis»¹, «ex radice»², «ex eviternis temporibus»³). Доступ в состав коланных-ордынцев людям вольным не был закрыт. Сотные Саноцкого замка — это то же, что коланные-ордынцы Галицкого и Львовского замков. Сотные тоже являлись принадлежностью королевских доменов. Они были обязаны королю службой, имели право покидать её только в том случае, если находили себе равноценную замену. Сотные находились под королевской юрисдикцией, жили в сёлах, приписанных к королевским замкам, владели землёй, имели право переходить из одного королевского села в другое. В распоряжении своим имуществом (землёй) они были несколько ограничены. Все они жили на основе русского права и дорожили им. В этих королевских сёлах сохранялись общинные отношения.

Никто не сомневается в том, что это осколок старой русской жизни. Разногласия возникают лишь тогда, когда учёные пытаются точнее определить, пережитком чего именно он является.

М. Грушевский отказался от своего первоначального и совершенно, на мой взгляд, правильного мнения о наличии в Киевской Руси смердов двух категорий — зависимых и независимых. Он признал наличие только последних. Грушевскому не остаётся ничего другого, как признать зависимое сельское население в княжеских доменах Галицкой Руси потомками старых русских рабов и закупов, посаженных на землю⁴. М. Грушевский делает логически неизбежный вывод из своей предпосылки, однако достаточных доказательств, подтверждающих этот вывод, он не приводит.

Если согласиться с мнением М. Грушевского, то придётся допустить, что в княжеском домене времён «Русской Правды», кроме холопов и закупов, никого больше не было — ни смердов, ни отроков с их разнообразными функциями (хозяйственными, административными, военными), не было и военных слуг князя. Для такого рода выводов у нас нет оснований. Мы должны считаться с фактом сложного состава княжеского двора эпохи «Русской Правды». Дальнейшую эволюцию княжеского двора мне и хотелось бы проследить.

Осаживания рабов на землю и превращения их в крепостных, конечно, отрицать нельзя. Это подтверждают факты. Здесь М. Грушевский совершенно прав. Но только этим объяснять наличие княжеских, а позднее королевских слуг невозможно. Иначе пришлось бы допустить слишком большой скачок от рабства и крепостничества к положению королевских слуг, ча-

сто очень близких к состоянию шляхетства. В частновладельческих вотчинах мы не видим следов такой перемены, а это было бы неизбежно, если бы столь резкий переход происходил в действительности. Поэтому возражения В. Гейноша М. Грушевскому я считаю совершенно справедливыми⁵.

Гейнош подчёркивает, что единственным выражением зависимости королевских слуг от короля являлась невозможность свободного одностороннего разрыва служебной связи с королевским замком и что кроме этого королевский слуга не имел никаких ограничений в правах, которые бы носили следы рабства или даже напоминали его. Это даёт основание автору отрицать в положении королевских слуг наличие пережитков рабства. Далее Гейнош обращает внимание на то, что общественно-правовое и хозяйственное положение королевских слуг, живших на основе русского права, значительно выше положения крестьян. Он указывает на относительную их зажиточность, факты добровольного вступления в ряды слуг, протесты против попыток изменить их положение, переходы отдельных королевских слуг в высшие общественные группы, что в совокупности, по мнению автора, не позволяет выводить эту категорию населения из самого низкого, рабского состояния⁶.

В. Гейнош согласен с тем, что это русская старина, которую он представляет себе по Ключевскому, называя её княжеско-городской, что направляет его на ложный путь. Если бы Гейнош признал, что никакой «городской» Руси не было, что Русь развивалась так же, как и другие страны Европы, что деревня и здесь, как и в других феодальных средневековых государствах, играла гораздо более серьёзную роль, чем отводил ей Ключевский, стоявший на точке зрения особого, своеобразного пути развития Руси, — его позиция была бы значительно крепче. Но, повторяю, нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что в положении королевских замковых слуг мы видим пережиток старых служебных отношений, имеющих аналогию и у других славянских народов, в частности в Польше, где тоже можно найти в соответствующее время служебные поселения, связанные с замками. «С рабством в собственном смысле слова эта зависимость ничего общего не имеет не только в период, здесь рассмотренный, но и в своих истоках»⁷, — заключает свои доказательства Гейнош.

Для нас важна история этого населения доменов как в её начальной стадии (времена «Русской Правды»), так и в её течении (XIII—XIV вв.) и в конце (XV—XVI вв.), важна как средство познать эволюцию норм «Русской Правды», касающихся сельского населения. К сожалению, имеющиеся источники не позволяют раскрыть сколько-нибудь конкретно эту эво-

¹ Acta gr. XIV, Nr. 2014.

² Ibidem, Nr. 3797.

³ Acta gr. XII, Nr. 1786.

⁴ Грушевский М. История Украины-Руси. Т. V, стр. 144—145.

⁵ Hejnosz W. Op. cit., str. 104—106.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, str. 105.

люцию. Тем более мы не имеем права пренебрегать тем, что осталось от далёкого прошлого.

Конец этого осколка старины нам хорошо известен. Судьба населения королевских доменов определилась в связи с тем, что часть королевских слуг, дороживших своим русским правом, была пожалована королём частным владельцам, а часть, оставшаяся за королём, подверглась общей так называемой волочной реформе, вызванной требованиями жизни.

И в том и в другом случае положение населения радикально менялось: частные вотчинники не без успеха пытались превратить население своих вотчин в крепостное состояние, реформа домениального хозяйства в конечном счёте приводила к тому же. Только сравнительно небольшая горсть бывших княжеских, а затем королевских слуг сумела подняться до высшей общественной ступени и вступить в ряды шляхты.

Новая организация сельских хозяйств в связи с изменениями в экономической жизни Европы внесла перемены в хозяйственное и правовое положение сельского населения Червоной Руси.

Итак, о населении королевских доменов мы можем сказать следующее: 1) домены

польских королей в Галицкой земле — это бывшие домены князей-королей Галицкого государства; 2) в этих доменах сохранилось очень многое от времени самостоятельности Галицкой Руси; 3) население доменов — это либо русские дворцовые слуги, либо крестьяне; 4) перемены в правовом и хозяйственном положении доменов происходили под влиянием причин общего характера, одинаково действовавших на население как польских, так и русско-украинских земель; 5) слуги — *servitores* — овладели землёй (отсюда второе их название — *terrigenes*), находились в сеньориальной зависимости от короля, несли военную службу и выполняли специальные хозяйственные обязанности (конюшие, рыболовы, бортники и др.); они не имели права покидать свою службу; 6) общие условия, приводившие к переменам в организации сельского хозяйства, коснулись и королевских доменов: одна часть слуг попала в ряды шляхты, другая опустилась до положения обыкновенных крестьян; 7) в самом тяжёлом положении оказались слуги, сидевшие на домениальной земле, жалуемой королями частным лицам. В таких случаях слуги теряли своё русское право и либо превращались в крепостных, либо, в случае образования фольварков, сгонялись со своей земли и становились безземельными.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И РУССКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Б. Горянов

14 февраля 1871 г. на торжественном заседании Петербургского славянского комитета были объявлены результаты конкурса на премию за лучшее сочинение на тему «О трёх первых попытках государственного объединения западных славян». Лучшее сочинение на эту тему, получившее блестящие отзывы К. Бестужева-Рюмина и В. Ламанского, принадлежало перу студента IV курса историко-филологического факультета Петербургского университета — Фёдора Ивановича Успенского. Оно было напечатано в 1872 г. под названием «Первые славянские монархии на северозападе». Так состоялось первое выступление на арене научной деятельности Ф. И. Успенского, которому суждено было стать главою русского византиноведения.

Научная деятельность Ф. И. Успенского охватывает период в 60 лет. Его литературное наследство необычайно велико. Список его научных трудов превышает 250 названий, причём многие из них представляют собой капитальные произведения. Его исследования охватывают буквально все стороны политической, социально-экономической и культурной истории Византийской империи и затрагивают взаимоотношения Византии с южными славянами. Труды Ф. И. Успенского, заложившие прочные основы русского научного византиноведения, получили широкое признание в мировом византиноведении. Работы Ф. И. Успенского по исследованию аграрных отношений в Византии и других сторон внутренней истории Византии придали русскому византиноведению особую окраску. Они явятся ценным вкладом в советское марксистское византиноведение и послужат прочной основой для дальнейших исследований в этой области.

I

Ф. И. Успенский родился 7 февраля 1845 г. в погосте Горки, Галичского уезда, Костромской губернии. По окончании духовного училища он поступил в костромскую духовную семинарию, которую окончил в числе первых учеников в 1866 году. Но Ф. И. Успенского не привлекала духовная карьера. Со школьной скамьи он стремился к научной работе и мечтал о поступлении в Московский университет. Осуществлению этой мечты мешало от-

сутствие средств, и он поступил преподавателем русского языка в галичское уездное училище. Отказывая себе во всём, Успенский за год работы собрал 30 рублей. Узнав, что в Петербурге открывается институт истории и филологии, где студенты будут содержаться за счёт государства, Ф. И. Успенский решил отправиться в Петербург. Однако старая мечта об университете взяла верх, и он зачислился на историко-филологический факультет Петербургского университета. В университете Успенский был окружён выдающимися студентами, из которых многие впоследствии прославились в различных областях русской науки и культуры. Наиболее близкими его друзьями были И. Жданов, Д. Беляев, П. Анненков и П. Аландский, а из старших студентов — В. Срезневский, А. Будилович, И. Помяловский и Ф. Фортинский.

Из числа преподавателей Ф. И. Успенский всегда особенно тепло вспоминал о читавшем курс греческого языка К. Любимиле, слависте В. Ламенском и К. Бестужева-Рюмине. О последнем Успенский писал впоследствии, что никто из его профессоров не имел более высокой идеи о значении византийских исследований для русской исторической науки, как Бестужев-Рюмин¹.

Как мы уже видели, начало научной деятельности Ф. И. Успенского относится ещё к его студенческим годам. Работа, за которую он получил первую премию, представляла собой книгу в 266 страниц. Это было глубокое исследование, основанное на изучении большого количества первоисточников — летописей, хроник, грамот.

В 1874 г. Успенский успешно сдал магистерские экзамены и в том же году издал свою работу «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон». 2 сентября 1874 г. за эту работу он получил учёную степень магистра всеобщей истории. Осенью он был назначен доцентом в Новороссийский университет в Одессе, где проработал 20 лет. Его товарищами по научной работе были Н. Кондаков, Н. Красносельцев, А. Кирпичников, Ф. Брун и др. Команди-

¹ Успенский Ф. Воспоминания. «Дела и дни». Т. I, стр. 168. 1920.

ровка на Запад и работа в библиотеках и архивах Западной Европы дали возможность Ф. И. Успенскому собрать материал для работы «Образование второго болгарского царства». 23 апреля 1879 г. Успенский защищал эту работу в качестве диссертации и получил учёную степень доктора всеобщей истории. Одесский период деятельности его сопровождался большой организационной работой и участием во многих археологических съездах — в Одессе (1884), в Москве (1890), в Вильне (1893), в Риге (1896). В 1886 г. Успенский был в заграничной командировке, собрал много неизданных материалов, на основе которых написал ряд блестящих очерков по истории византийской культуры.

В 1894 г. был основан Русский археологический институт в Константинополе, и Ф. И. Успенский был назначен на пост директора этого Института. Основывая этот Институт, царское правительство видело в нём орудие своей политики на Ближнем Востоке, что отмечалось в речи «почётного председателя» Института, русского посла в Константинополе Нелидова. Однако в своей речи при открытии Института Ф. И. Успенский сказал, что он видит свою задачу в том, чтобы освободить византиноведение от его служебного положения и в руководстве Институте следовать только чисто научным интересам. За выполнение этой задачи Успенский боролся на протяжении 20 лет, в течение которых он находился на посту директора Института. Под его руководством Институт превратился в первоклассное научное учреждение, успешно соперничавшее с аналогичными органами других стран и внесшее большой вклад в мировое византиноведение. Богатым наследием Института будут ещё долго пользоваться учёные-византинисты всех стран, изучая 16 томов «Известий Русского археологического института в Константинополе», в которых печатались результаты исследований Ф. И. Успенского и виднейших специалистов. С 1893 г. Успенский состоял членом-корреспондентом Академии наук, а в 1900 г. был избран действительным членом Академии наук.

Разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией в октябре 1914 г. положил конец существованию Русского археологического института в Константинополе. Но война не прервала научной деятельности Успенского. Воспользовавшись оккупацией Трапезунта русскими войсками, Ф. И. Успенский выезжал туда во главе археологических экспедиций (в 1916 и 1917 гг.). Собранные при этом материалы легли в основу его работы по истории Трапезунтской империи. Работа эта стала лебединой песней великого русского византиниста.

Ф. И. Успенский при жизни получил признание в мировой науке. Он был членом 6 иностранных академий и 40 научных обществ. Он создал школу выдающихся представителей русского византиноведения. Его труды ещё долго будут изу-

чать все византинисты, и в первую очередь советские византинисты, его ученики и продолжатели его научной деятельности.

Основные итоги научного творчества Ф. И. Успенского можно свести к трём большим разделам: исследования в области социально-экономической истории Византии; работы по вопросу о взаимоотношениях Византии и славян; труды по истории общественно-политической идеологии в Византии. Вне этих разделов остаются работы Ф. И. Успенского, относящиеся к археологии Византии и славянских стран Балканского полуострова, к византийскому искусству, палеографии, и публикации впервые им обнаруженных первоисточников, а также ряд ценных исследований о взаимоотношениях Византии и Киевской Руси, Византии и монголов. Само собой разумеется, в небольшой статье нельзя осветить всё научное творчество Ф. И. Успенского. Мы остановимся лишь на основных итогах его исследований, относящихся к указанным главным направлениям его научной работы.

II

Исследования в области социально-экономической истории Византии занимают первое место в научном творчестве Ф. И. Успенского. Своими исследованиями он охватил всё многообразие форм византийского общественного строя. Он сам говорил: «Наше внимание, нас, русских византинистов, было особенно направлено на выяснение проблем экономических, административных, социальных и других, относящихся к внутренней истории Византии. Крестьянский класс и земельная собственность с париками, подчинёнными владельцу и сидящими на его земле, и в то же время следы общинной собственности, — вот вопросы, которые у нас никогда не переставали и не перестанут быть в порядке дня»¹. Ф. И. Успенский доказывал необходимость параллельного, сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада в противовес тем, кто отстаивал теорию особого, самобытного развития Византии, не имеющего буд-то бы аналогии во всемирной истории.

Своими работами о взаимоотношениях Византии и славян, о влиянии общественного строя славян на развитие процесса феодализации Византии Ф. И. Успенский положил прочное начало исследованию вопросов о генезисе и о дальнейшем развитии византийского феодализма. Важным этапом на этом пути является его работа «К истории крестьянского землевладения в Византии»², в которой он придавал особое значение анализу сведений, сообщае-

¹ Uspensky F. Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie. «Byzantion». T. II, p. 20. 1925.

² «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП») за январь 1883 г., стр. 30—87; за февраль 1883 г., стр. 301—360.

мых Михаилом Акоминатом. Центр тяжести этого раздела исследования Ф. И. Успенского — в толковании термина «друнга». Анализируя письма и другие материалы Михаила Акомината, он пришёл к выводу, что около Афин жили славянские друнги. Опираясь этими материалами, Ф. И. Успенский установил, что социальное движение конца XII в. было славянским движением¹. Важным результатом исследования Ф. И. Успенского нужно считать установленное им положение, что славянская община и свободное крестьянское землевладение не только продолжали существовать в XII, XIII и XIV вв.², но и пережили Византийскую империю. Этот вывод менял установившиеся взгляды на историю Византии, а вместе с тем и на историю южных славян.

В этой работе дан глубокий анализ термина «эпики». Это название, как установил впервые Ф. И. Успенский, было дано славянам с самого начала их поселения на землях империи и сделалось впоследствии синонимом свободного крестьянина в противоположность зависимому³. В подтверждение своего взгляда Ф. И. Успенский подверг глубокому анализу ряд документов, как опубликованных в известном собрании греческих средневековых актов Миклошича и Миллера, так и впервые им привлечённых к исследованию. На основе этого анализа он ярко показал движущие силы, на которых держалась община на всём протяжении истории Византии. Вместе с тем он не отрицал того факта, что чем ближе история Византии подходила к XV в., тем более сильные удары испытывала община со стороны крупного феодального землевладения. Как установил Ф. И. Успенский, латинское господство (1204—1261) для восстановленной империи Палеологов послужило наглядным уроком того, что свободное крестьянство является единственной надёжной опорой империи. Династия Палеологов снова была вынуждена вернуться к политике поддержки крестьянской общины, получившей новые гарантии и обеспечения.

С XII в. община начала испытывать сильное ущемление в результате установившейся системы проний. Ф. И. Успенский считал необходимым вести изучение проний параллельно с изучением судеб общины в XII и следующих веках и посвятил ей другую свою важную работу — «Значение византийской и южнославянской пронии»⁴. В этой работе он проследил постепенное развитие форм византийской пронии, установив, что время правления Мануила I Комнина (1143—1180) должно считаться вполне законченным периодом построения земельных отношений в Ви-

зантии, основывавшихся на пронии и зависимости земледельческого класса. Как и в других работах, Ф. И. Успенский применил здесь свой основной метод исследования, изучая процесс развития пронии сравнительно с развитием бенефиция ища аналогий между западноевропейским и византийским феодализмом.

Ф. И. Успенский установил, что термин «прония» получает специальное значение тогда, когда он соединяется со словами «дар» или «пожалование». Наделение в качестве пронии землями может быть установлено, как показал Ф. И. Успенский, в документах уже начиная с конца XI века. В период династии Комнинов (конец XI и XII вв.) наделение служилых людей землями в виде пронии было уже обычным явлением. Ко времени четвёртого крестового похода процесс образования проний зашёл так далеко, что появились тяготение отдельных провинций к местным центрам, выделение крупных землевладельцев-архонтов, что ослабляло центральное правительство Византии. В XIV в. Ф. И. Успенский обнаружил и исследовал оформление нового этапа в развитии пронии, когда уже появлялась склонность отождествлять пронию с леном. Он установил также, что позднее эти понятия совсем сливаются. Наконец, в XIV—XV вв. процесс развития пронии зашёл ещё дальше, он выразился в стремлении обратить условное, личное и временное пожалование в наследственную собственность (вотчину). Как показал Ф. И. Успенский, население земель, поступающих в пронию, попадало в прямую зависимость от прониаров.

В тесной связи с работами по вопросам византийского землевладения находится работа Ф. И. Успенского «Военное устройство Византийской империи»⁵. Анализ феодального устройства здесь тесно связан с изучением мер византийского правительства в области земельного устройства крестьян. В результате своего исследования Ф. И. Успенский пришёл к выводу, что военно-податная система в Византии основывалась на организации военно-податных земельных участков. Это исследование показало, что феода представляла собой такую организацию сельского населения, которая втягивала его в военное устройство империи и заставляла его успешнее отбывать воинскую повинность. Ф. И. Успенский убедительно показал, что византийское правительство поставило военную службу в зависимость от землевладения, чем и объясняется живучесть феодального устройства.

Всемерно изучая вопросы внутренней истории Византии, Ф. И. Успенский не мог пройти мимо монастырского землевладения, без анализа которого нельзя понять всю сложность процесса развития византийского феодализма. В этом отношении особое значение имеет монография Ф. И. Успенского о Вазелонских актах, изданных

¹ «ЖМНП» за январь 1883 г., стр. 86.

² «ЖМНП» за февраль 1883 г., стр. 334.

³ Там же, стр. 309.

⁴ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. Ламанского к 25-летию его учёной деятельности, стр. 1—32. СПб. 1883.

⁵ «Известия Русского археологического института в Константинополе». Т. VI за 1900 г., стр. 154—204.

им совместно с В. Бенешевичем¹. Хотя содержащиеся в этой работе материалы относятся к Трапезунтской империи, тем не менее они имеют первостепенное значение для изучения истории монастырского землевладения в Византии в XIII—XV веках. Монастырское землевладение неоднократно привлекало внимание иностранных и русских исследователей. Работа Ф. И. Успенского над Вазелонскими актами ценна тем, что она дала науке новые материалы, характеризующие положение крестьян, прикрепленных к монастырской земле. В труде Ф. И. Успенского показано тяжёлое положение этих крестьян, изнывавших под тяжёлым бременем двойных податей и повинностей — монастырю и государству. Многие парики бежали с монастырских земель и уходили в поместья крупных светских землевладельцев. Ф. И. Успенский проследил многообразные формы использования византийскими монастырями своего земельного фонда. Церкви и монастыри могли сдавать крестьянам земли в аренду на различных условиях. Одной из самых распространённых форм была сдача земли в долгосрочную аренду. Другой формой была аренда по найму; кроме того сдача в аренду могла производиться на основе господствовавшего в Византии парического, или присельнического, права. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни на отчуждение, ни на передачу своих участков, ни на самовольный уход с тех участков, на которых они были поселены. Как установил Ф. И. Успенский, те явления, которые характеризовали борьбу крупного землевладения с мелким крестьянским, имели место и на землях церквей и монастырей. Церкви и монастыри являлись самыми крупными феодалами-землевладельцами, они поглощали мелкую земельную собственность, обращали целые деревни в свои усадьбы, разоряли крестьянские общины².

Помимо общих работ, давших возможность Ф. И. Успенскому установить основные этапы в процессе развития византийского землевладения, его перу принадлежат большое количество исследований, в которых он осветил конкретные вопросы, относящиеся к повседневной жизни византийской деревни. Они показывают нам технику измерения земли в Византии, содержание и приёмы составления византийских писцовых книг, практику византийских землемеров и т. д. Из этих работ особое значение имеют «Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии»³ и «Следы писцовых книг в Визан-

тии»⁴. В первой работе Ф. И. Успенский отметил, что наука крайне заинтересована в установлении сходства в хозяйственной системе на востоке и западе Европы. Как и в других работах, Ф. И. Успенский приближался здесь к материалистическому пониманию истории, говоря, что причины различия в общественном и политическом устройстве Запада и Востока следует искать в различиях форм землевладения. Для изучения византийской податной системы чрезвычайно важной является установленная Ф. И. Успенским зависимость её от количества модиев. Ф. И. Успенский привёл в ясную систему также и зависимость величины наделов от качества земли и порядок учёта качества земельных участков при их обложении. Результаты исследования Ф. И. Успенского отражены в составленных им таблицах, показывающих, какое количество модиев земли разного качества приходилось при обложении на одну денежную единицу.

Большую ценность имеет извлечённый впервые Ф. И. Успенским из Палатинского кодекса и изученный им хозяйственный расчёт, составленный византийским помещиком⁵, или, вернее, инструкция о переписи небольших подчинённых помещику владений, населённых зависимыми крестьянами с различной хозяйственной мощностью. Как показал Ф. И. Успенский, с усилением системы проний ухудшается положение крестьянского землевладения. Если прежде, владея подзорными участками, крестьяне, кроме того, имели право распоряжаться общинной землёй и общинными выгонами, то на помещичьей земле они теряли право распоряжаться общинными землями, которые оказывались захваченными помещиком⁶.

Наконец, в этой работе приводятся интересные данные по исчислению казённых податей с земли, а также арендной платы за землю. Много ценного материала, показывающего подробно систему податного обложения, собрал Ф. И. Успенский на основе изучения византийских писцовых книг. Эта работа представляет особый интерес потому, что в ней содержатся данные по вопросу об обложении городского населения на основе анализа окладного листа города Ламжак. Среди огромного литературного наследия Ф. И. Успенского много и других работ по отдельным вопросам византийского землевладения. Однако и приведённых основных его трудов достаточно, чтобы показать, что он глубоко проник в природу земельных отношений в Византии, показал их в повседневных формах. Его работы в этом направлении явятся ценным вкладом в мировое византиноведение.

Не остались вне поля зрения Ф. И. Успенского и другие стороны социально-

¹ «Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв.», Л. 1926.

² Там же, стр. XIX.

³ «ЖМНП» за октябрь 1888 г., стр. 229—259.

⁴ «ЖМНП» за январь 1884 г., стр. 1—43; за февраль 1884 г., стр. 289—335; за июль 1893 г., стр. 1—52.

⁵ «ЖМНП» за октябрь 1888 г., стр. 235—256.

⁶ Там же, стр. 257.

экономической жизни Византийской империи. Широко известны такие его работы, как «Партии цирка и димы в Константинополе»¹, «Константинопольский эпарх»², где он коснулся тем, которые в то время не были ещё исследованы, и направил научную мысль на дальнейшие изыскания в этой области.

Особняком стоит работа Ф. И. Успенского по истории Трапезунтской империи, вышедшая в свет через год после его смерти. Этой работе он придавал большое значение. «Эта империя,— говорил он,— в своём происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало ещё выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения легко приводят нас к заключению, что история Трапезунтской империи входит некоторой частью в задачи, принадлежащие истории России»³. Разработка материалов археологических экспедиций, выезжавших в Трапезунт в 1916—1917 гг. под руководством Ф. И. Успенского, послужила основой для ряда предварительных отчётов и очерков и привела к созданию монографии, однако увидеть её выход в свет Ф. И. Успенскому не было суждено. Давая изложение истории Трапезунтской империи, а также материалы по топографии Трапезунта, его археологическим памятникам, архитектуре и живописи, эта монография представляет особый интерес тем, что излагает внутреннюю историю империи, историю её учреждений и армии.

Труды Ф. И. Успенского по социально-экономической истории Византии поставили русское византиноведение на большую высоту, обеспечили ему почётное место в мировом византиноведении. Неумолимый исследователь социально-экономического быта Византии, Ф. И. Успенский открыл для науки многие явления, оставшиеся до него в тени. Ф. И. Успенский не был марксистом. Но научная добросовестность и широта кругозора позволили ему близко подойти к материалистическому пониманию истории. Труды Ф. И. Успенского в области социально-экономической истории Византии ещё долго будут служить источником, которым пользуются и будут пользоваться советские учёные, работающие над развитием советского марксистского византиноведения.

III

Большой заслугой Ф. И. Успенского является то, что он в своих трудах впервые поставил на почву научного исследования и обосновал положение о влиянии славян на все стороны жизни византийского государства. Эта идея проходила красной нитью через всю его многолетнюю работу

исследователя. Уже в 1875 г., пачиная свой курс по всеобщей истории в Новороссийском университете в Одессе, Ф. И. Успенский указывал, что западная, и особенно немецкая, историческая наука «предвосхищает первичную культурную роль в средней и новой истории почти исключительно в пользу немецкого племени... Между тем соседний с ним (германо-романский мир.— Б. Г.) восточнославянский или греко-славянский мир не только в силу давности на европейском материке, но и по своеобразной культуре, историческому назначению, важной роли во всех европейских событиях заслуживает по меньшей мере столь же усердного изучения, как и романо-германский мир, без тщательного изучения этого мира событиям средневековой истории по необходимости придаётся ложный свет и извращённое толкование»⁴. Много подобных высказываний о роли славян в истории Византии в произведениях Ф. И. Успенского. Укажем ещё на одно из них. В большом синтетическом труде «История Византийской империи» Ф. И. Успенский, как бы подводя итоги своей научной деятельности по этому вопросу, писал: «И по своему безотносительному значению и по продолжительности воздействия на все стороны жизни Византийского государства и, наконец, по взаимодействию государственных, правовых и культурных начал славяне занимали большое место в истории Византии»⁵.

Уже в первом своём научном труде — «Первые славянские монархии на северо-западе»,— вышедшем в 1872 г., Ф. И. Успенский наметил в общих чертах решение вопроса о расселении славян на Балканском полуострове и их иммиграции в пределы Византийской империи. Высоко оценил Ф. И. Успенский сообщения Приска Панийского, участвовавшего в посольстве императора Феодосия II в лагерь Аттилы, которое ставило своей целью собрать необходимые сведения о передвижениях варварских племён. «В описании Приска,— говорил Успенский,— некоторые черты заслуживают особенного внимания. Прежде всего следует вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византийское посольство, вскоре затем становится славянским достоянием. Но весьма может быть, что гунны нашли уже здесь славян и покорили их своей властью»⁶. Большое значение придавал Ф. И. Успенский восстанию Виталиана; он расценивал его как факт, свидетельствующий о возникновении в начале VI в. некоторой организации среди федератов в придунайских областях. Как показывают источники, Виталиан поддерживал связи с

⁴ Успенский Ф. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории (заступительная лекция по всеобщей истории). «Записки Новороссийского университета». Т. XVI за 1875 г., стр. 2—3. Одесса

⁵ Успенский Ф. История Византийской империи. Т. I, стр. 386. СПб. 1913.

⁶ Там же, стр. 180.

¹ «Византийский временник». Т. I за 1894 год.

² «Известия Русского археологического института в Константинополе». Т. IV за 1899 год. Вып. 2-й, стр. 79—104.

³ Успенский Ф. Очерки из истории Трапезунтской империи, стр. 2. Л. 1929.

различными варварскими народами, в том числе и со славянами, которые, учитывая успехи восстания на отдельных его этапах, изменили своё прежнее представление об империи, поняли, что она вовсе не является несокрушимым по своей военной силе государством.

Совершенно справедливо опровергал Ф. И. Успенский имевшую место в науке точку зрения, будто славяне мирным путём захватили Балканский полуостров и будто византийское правительство по собственной воле, без военного давления со стороны славян, уступило им свои слабо населённые провинции для колонизации. Исследования Ф. И. Успенского привели его к выводу, что с первого момента вторжения славян Византия прекрасно поняла военную силу славян и почувствовала себя бессильной перед этим новым врагом, появившимся на северных границах империи. Таким начальным периодом истории южных славян Ф. И. Успенский считал правление Юстина (518—527), когда произошло первое организованное нападение на Византию славян под их собственным именем¹. Ф. И. Успенский шаг за шагом прослеживал постепенное укрепление политической и военной организации славян. Для изучения хода славянской иммиграции он привлёк большое количество новых источников, в частности деяния св. Димитрия, произведения Иоанна Эфесского, летописи Иоанна Никлусского, хронику Михаила Сирийца и др. В результате изучения этих источников Ф. И. Успенский пришёл к выводу, что целью похода славян было завладеть Балканским полуостровом и завоевать господство на Эгейском море и что в конце VI в. эта цель была достигнута. В этот период, как показал Успенский, славяне уже имели свой флот, делали многочисленные набеги на острова и приморские города, мешали торговым связям столицы на Мраморном море, прочно осели в Фессалии и Греции и неоднократно пытались овладеть Фессалоникой. В половине VII в. на Балканском полуострове было почти однородное население с преобладанием славянских элементов. Только в этот период, как показал Ф. И. Успенский, Византия пошла на предоставление славянам роли колонистов, назначая их для несения пограничной военной службы².

Ф. И. Успенский считает иконоборческое движение этапом, имеющим большое значение в развитии взаимоотношений Византии и славян. В этом направлении он анализирует деятельность иконоборческих императоров. Реформы иконоборческого периода были внешним выражением того факта, что византийское правительство вынуждено было в своей законодательной деятельности считаться с обычным правом славян. Именно в результате трудов Ф. И. Успенского наукой прочно был усвоен

вывод о влиянии славянской иммиграции, общественного устройства и общинного землевладения славян на социально-экономическое развитие Византийской империи:

В другой своей работе — «Древнейший памятник славянского права» — Ф. И. Успенский пошёл ещё дальше: он считал, что в земледельческом законе византийских императоров следует видеть не памятник византийского права в славянской оболочке, а памятник славянского права на греческом языке³. Он утверждал, далее, что и земледельческий закон и эклога составляют древнейшую редакцию обычного права тех славян, которые жили в пределах империи⁴. По его мнению, греческий текст отражает эпоху, когда славянская община в Византии имела автономию и когда правительство не нарушало ещё её прав назначением пронаиаров, что началось в XII веке.

Ф. И. Успенский показал, что складывавшееся на славянской основе болгарское государство уже в начале IX в. было значительной величиной. На основе материалов больших раскопок, которыми он в своё время руководил, Ф. И. Успенский убедительно показал, что военные сооружения в первой болгарской столице Абобе, а также дворцовые постройки, обнаруженные в этом месте, относятся ко времени Крума (802—815) или его сына Омортага (819—829). Законодательная деятельность Крума должна была положить прочные основания болгарского государства, населённого в основном славянскими элементами. При хане Омортаге, как показал Ф. И. Успенский, произошло завершение слияния болгар со славянскими племенами.

Подробно изучая внешние отношения Византии и славянских государств Балканского полуострова, Ф. И. Успенский особо остановился на исследовании характера пропаганды христианства, которую проводила Византия в славянских странах. Целью христианизации славян Ф. И. Успенский считал стремление Византийской империи остановить продвижение на восток Каролингской империи и латинской церкви. Рассматривая взаимоотношения славянских государств, он придавал особое значение деятельности моравского князя Ростислава, который вступил в союзные отношения с соседними славянскими странами — Болгарией и Чехией, — создав этим преграду для немецкого движения на восток. Деятельность Кирилла и Мефодия в тех районах Европы, где было сильно влияние латинской церкви, была большой победой Византии.

Для изучения истории дальнейших взаимоотношений Византии и славян большое значение имеет более ранняя работа Ф. И. Успенского — его докторская диссертация «Образование второго болгарского царства». Это исследование состоит из двух

¹ Успенский Ф. История Византийской империи. Т. I, стр. 464.

² Там же, стр. 620 и сл.

4. «Исторический журнал» № 12.

³ Успенский Ф. Древнейший памятник славянского права. «Юридический вестник» № 4 за 1886 г., стр. 703—704.

⁴ Там же, стр. 705.

частей: состояние Болгарии в период византийского господства и борьба Болгарии за независимость. В основу исследования Ф. И. Успенского положены материалы, никем до него не привлекавшиеся, в том числе письма Феофилакта Болгарского. Изучая новые источники, Ф. И. Успенский отмечал беспощадную критику византийской системы управления подвластными народами, особенно у Феофилакта Болгарского и Михаила Акомината. Тщательно изучая источники, он пришёл к выводу, что состав населения Болгарии значительно изменился в период византийского господства. Византия уже в XI в. начала проводить решительную политику вытеснения славянского элемента из областей, имевших однородное славянское население, и в XII в. достигла значительных результатов.

Во втором разделе своего труда Успенский излагает этапы борьбы болгар за свою независимость. В результате своего исследования он сделал важный вывод, что в борьбе болгар против Византии принимали участие русские, населявшие Трансильванию. Ф. И. Успенский приводит убедительные данные, которые позволяют уже в те отдалённые времена искать корни исторической дружбы болгарского и русского народов. Эти данные свидетельствуют о распространении в древности русских поселений на Нижний Дунай и за Карпаты. Это же подтверждает найденное Ф. И. Успенским в слове Михаила Акомината известие об участии русских в борьбе болгар за свою независимость. Следует отметить, что с точки зрения Ф. И. Успенского на роль богомилов в борьбе болгар за свою независимость нельзя согласиться: именно нельзя согласиться с отрицанием им национально-освободительного характера богомильского движения в Болгарии.

В результате большой исследовательской работы Ф. И. Успенский ввёл в научный оборот теорию о большом значении славянского элемента на протяжении всей истории Византии. Ослабление империи он ставил в связь с постепенным падением крестьянской общины, которая начиная с XII в. хирела под воздействием системы проний. «Славянская община,— говорил Успенский,— пала тогда, когда правительство окончательно лишило её обычных гарантий, коренящихся в отношениях VII—VIII веков. Но ослабление общины идёт параллельно с ослаблением самой Римской империи»¹.

IV

Ф. И. Успенский внёс много нового также и в литературу по истории общественно-политической идеологии и философско-религиозной борьбы в Византии. Первый труд, в котором он приступил к исследованиям по византийской истории, был посвящён истории византийской образованности, анализу творчества византийского писателя Никиты Акомината. Эту работу Ф. И. Успенский представил к защите в

качестве магистерской диссертации. Как отмечал Ф. И. Успенский, Никита Акоминат заслуживает особого внимания, потому что он «в своей истории занимается важнейшей эпохой средних веков, когда враждебные отношения Запада к Востоку достигли самой высокой степени напряжения, разразившись крестовым походом и основанием Латинской империи»². Ф. И. Успенский рисует нам Никиту Акомината как автора, отличающегося глубокой правдой и большим искусством исторического анализа. Как говорил Ф. И. Успенский, Никита Акоминат понимает, что не в религиозных спорах заключалась противоположность византизма и латинизма, а во всём строе исторической жизни в общественно-политических воззрениях той и другой стороны. «Такого глубокого взгляда,— отмечал Успенский,— напрасно стали бы мы искать во всей тогдашней литературе»³. Никита глубоко понимал причины ослабления империи. Он видел их в усилении процесса феодализации империи, в том, что знатные роды крупных землевладельцев стремились к независимости в провинциях, для подкрепления своих позиций заключая иногда даже союзы с соседями — врагами империи.

В течение долгого времени Ф. И. Успенский вёл подготовительную работу, собирая материалы для большого исследования, посвящённого истории развития византийской общественной мысли, анализу философско-религиозной и общественно-политической борьбы в византийском обществе. В 1891 г. в «Журнале министерства народного просвещения» появился ряд очерков Ф. И. Успенского, в том числе «Константинопольский собор 842 г. и утверждение православия»⁴, а также «Синодик в неделю православия»⁵. В этой работе дан глубокий анализ состава синодика, происхождения его частей, исследованы синодик греческой редакции, русский переводный синодик и оригинальный русский синодик. Далее была опубликована статья «Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков»⁶, а вслед за ней — «Философское и богословское движение в XIV веке»⁷. В 1892 г. все эти очерки были объединены и изданы в виде большого исследования «Очерки по истории византийской образованности».

За основу исследования здесь взяты синодики, оглашавшиеся в неделю православия и по мере надобности пополнявшиеся новыми статьями, в которых провозглашалась «анафема» противникам православия. Этот сухой материал вышел из-

² Успенский Ф. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, стр. 3. СПб. 1874.

³ Там же, стр. 63.

⁴ «ЖМНП» за январь 1891 г., стр. 73—158.

⁵ «ЖМНП» за апрель 1891 г., стр. 267—323.

⁶ «ЖМНП» за сентябрь 1891 г., стр. 102—159; за октябрь 1891 г., стр. 283—427.

⁷ «ЖМНП» за январь 1892 г., стр. 1—64; за февраль 1892 г., стр. 313—427.

¹ «ЖМНП» за февраль 1883 г., стр. 359—360.

под пера Ф. И. Успенского в виде яркой картины не только богословской, но и общественно-политической и философской борьбы в Византии. Ф. И. Успенский показал, что материал синодиков распространяется на широкую область философского мышления, общественной морали, политических идеалов, т. е. захватывает вопросы, «которыми занималось всё общество, о которых велись беседы на площадях и в частных собраниях»¹. Как отмечал Ф. И. Успенский, периоды пополнения синодика новыми статьями совпадали с периодами особенно острой идеологической борьбы в Византии. В своём исследовании Ф. И. Успенский подкрепил один из своих основных выводов о том, что «византийская история имела свои стадии развития, представляющие параллелизм с западноевропейским развитием», что в византийском обществе наблюдалось поступательное движение в развитии общественно-политической и философской мысли, что выводы об эволюции византийского общества можно «поставить в связь и по ним проверить параллельное развитие западноевропейских народов»². В своём исследовании Ф. И. Успенский анализировал творчество Иоанна Итала как представителя философской мысли в конце XI века. Борьбу номинализма и реализма в конце XII в., по мнению Ф. И. Успенского, представляют Сотирих и его приверженцы, с одной стороны, Николай Мефонский и его сторонники, защитники официального церковного учения, — с другой.

В своём исследовании Ф. И. Успенский рассматривал другой важный этап религиозно-философской борьбы в Византии, которая развернулась в первой половине XIV века. Центральное место в этой борьбе занимала дискуссия Варлаама и Григория Паламы, а также их сторонников по вопросу об их отношении к движению исихастов. Ф. И. Успенский впервые подошёл к исследованию корней идеологической борьбы варлаамитов и паламитов, посвятив ей значительное место в своей работе. Как показал он, борьба между Варлаамом и Паламой всколыхнула всё византийское общество. Изучая это движение, Ф. И. Успенский значительно расширил рамки своего исследования, предпослав анализу статей синодика, осуждающих Варлаама, историко-литературный очерк, посвящённый общей характеристике Варлаама как философа и политического деятеля. Выступления Варлаама и его последователей против мистического учения исихастов означали переход в наступление передовых слоёв византийского общества, которые стояли за свободу критики, даже если она была направлена против устоявшихся официальной церковью традиционных взглядов.

В своём исследовании Ф. И. Успенский установил преемственность между идеоло-

гическими учениями византийского Востока и Западной Европы. Он показал, что Западная Европа знакомилась с философией классической Греции посредством византийских философских сочинений. Ф. И. Успенский присоединился к точке зрения тех историков философии, которые отмечали значительное влияние Варлаама на представителей итальянского Возрождения. Ф. И. Успенский выдвинул основное положение, что варлаамиты смыкались с рационалистами, в противовес церковной схоластике утверждавшими, что человеческому разуму свойственно постигать истинную природу вещей, что представления, которые добываются в результате работы разума, правильно отражают соотношение и природу реальных вещей. Ф. И. Успенский тщательно изучил также и литературное наследие вождя исихастов — Григория Паламы. Значение творчества Паламы, как отмечал Ф. И. Успенский, состоит в том, что Палама придал мистическому учению исихастов теоретические формы, облёк их в ярко очерченную, стройную систему взглядов византийской мистической реакционной схоластики. Ф. И. Успенский показал, что в синодике последовательно проходит одна черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себе аристотелевское направление и с конца XI до конца XIV в. поражала анафемой тех, кто осмеливался стоять за Платона³. Наконец, в своём исследовании Ф. И. Успенский пришёл к очень интересному выводу о влиянии византийской идеологической борьбы на южных и северо-восточных славян; так, в ереси стригольников он видел «богомильскую секту, перенесённую в Россию при посредстве южных славян»⁴.

Необходимо отметить, что если до Ф. И. Успенского развитие научной мысли в Византии привыкли видеть лишь в скучных, бесконечных, топтавшихся на одном месте богословских спорах, то со страниц его исследования встала живая византийская действительность, полная ожесточённой борьбы вокруг крупнейших явлений византийской идеологии. Ф. И. Успенский убедил последующих исследователей в том, что за борьбой богословских групп стояли политические группировки. Вскрыть классовое содержание идеологической борьбы, потрясавшей византийское общество и достигшей особенной остроты в первой половине XIV в., является задачей советского марксистского византиноведения, хотя основные линии решения этой задачи были правильно намечены уже Ф. И. Успенским.

Работа в Константинополе дала возможность Ф. И. Успенскому как руководителю Русского археологического института широко развернуть поиски памятников византийской археологии и византийского искусства. И неслучайно после смерти Ф. И. Успенского французский историк Милле

¹ Успенский Ф. «Очерки по истории византийской образованности», стр. 4. СПб. 1892.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 888.

говорил о нём, как о крупнейшем учёном, который «изучил с такою проникновенностью и эрудицией то, что византийская цивилизация нам оставила наиболее привлекательного, — доктрины и памятники искусства».

Под руководством Ф. И. Успенского были проведены многочисленные археологические экспедиции в Сирии, на Афоне, в Македонии, Болгарии, Палестине, Греции, Малой Азии. Результаты этих экспедиций поистине колоссальны. За время пребывания в Константинополе Ф. И. Успенский обнаружил ряд неизданных первоисточников. Он издал их, снабдив переводом и комментариями, и тем самым ввёл их в научный оборот. Из его исследований этого периода отметим «Константинопольский сиральский кодекс Восьмикнижия»¹, «О вновь открытых мозаиках в церкви Димитрия в Солуни»², «Материалы для изучения болгарских древностей»³ и многие другие. В немногих словах трудно осветить всю работу, которую провёл Институт под руководством Ф. И. Успенского. В изданиях Института содержится громадное количество публикаций новых памятников, большое число исследований по различным вопросам византийской археологии, истории и литературы, причём большая часть этих материалов обработана самим Ф. И. Успенским либо под его непосредственным руководством.

В связи с событиями 1914 г. Ф. И.

¹ «Известия Русского археологического института в Константинополе». Т. XII за 1907 г., стр. 1—255.

² Там же. Т. XIV за 1909 г., стр. 1—61.

³ Там же. Т. X за 1905 год.

Успенский переехал в Петроград, где продолжал многостороннюю научную и преподавательскую деятельность. После Октябрьской социалистической революции он 10 апреля 1918 г. обратился в отделение истории и философии Академии наук с рядом предложений по дальнейшему развитию советского византиноведения. Под председательством Ф. И. Успенского была создана комиссия для изучения трудов Константина Порфирородного, преобразованная в 1923 г. в русско-византийскую историко-словарную комиссию для переработки и дополнения словаря Дюканжа. Ф. И. Успенский восстановил и редактировал «Византийский временник», написал свыше 40 новых исследований, читал лекции в университете, руководил работой кружка друзей греческого языка, работал в Академии истории материальной культуры и в Русском палестинском обществе, председателем которого он был.

Ф. И. Успенский скончался в Ленинграде 10 сентября 1928 года. Его заслуги перед русской наукой неопределимы. Своими трудами он поставил русское византиноведение на такую высоту, на какой вряд ли стояла какая-нибудь другая отрасль русской исторической науки. Лучшим памятником Ф. И. Успенскому было бы полное издание его трёхтомной «Истории Византийской империи», а также и других его трудов, особенно по социально-экономической истории Византии, имеющих первостепенное значение, но разбросанных по страницам старых журналов и поэтому мало доступных для исследователей.

Традиции русского византиноведения живы в советской исторической науке, получившей богатейшее и прекрасное наследство в трудах Ф. И. Успенского.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В. Яценский

I

Исторические исследования появляются в Соединённых Штатах Америки на самой заре их истории. Одновременно с основанием первых английских поселений в Северной Америке возникают сочинения, рассказывающие о первых шагах колонистов.

Наиболее значительными из подобного рода произведений первых колонистов обычно считаются «История колонии Плимут» Брэдфорда и «История новой Англии с 1630 по 1649 год» Уинтропа.

В современной американской историографии Брэдфорда часто называют «отцом американской истории»¹, а его произведе-

ние — «краеугольным камнем американской исторической литературы»². Такая высокая оценка произведения Брэдфорда объясняется не только добросовестностью его рассказа и литературными достоинствами изложения, но и тем, какое место занимает история «отцов пилигримов», одним из которых был Брэдфорд, в исторической традиции американского народа.

В конце XVII и в XVIII вв. в английских колониях в Северной Америке создаются уже исторические произведения, основан-

¹ См. Kraus. «A History of American History», p. 33.

² Encyclopaedia of Social Science. «History and Historiography, United States by Allan Nevins».

ные не на личных воспоминаниях и наблюдениях, а на собирании и обработке письменных исторических источников. Из историков этого времени особенно выделяется Cotton Mather из Бостона, ставшего, как известно, центром американского просвещения. Церковная история Новой Англии (*Magnalia Christi Americana*) написана Cotton Mather в самом конце XVII в. и опубликована в 1702 году. Она посвящена событиям как церковной, так и светской истории Новой Англии и жизнеописаниям её светских и церковных деятелей.

Современный американский историк культуры Preserved Smith в своей книге «A History of Modern Culture» (т. II, стр. 200) находит сходство между работой бостонского историка и знаменитыми трудами Мабильона и Муратори¹, отмечая, однако, что по качеству сочинение американца стоит ниже.

Из исторических работ первой половины XVIII в. репутацию выдающегося труда по обилию привлечённых печатных и рукописных источников и детальности и тщательности работы приобрела написанная в строго летописной форме «Хронологическая история Новой Англии» Принса (Prince), первая часть которой вышла в свет в 1736 году. Известный английский историк Гуч в своём очерке американской историографии XIX в.² за эти стороны работы называет Принса первым настоящим историком Соединённых Штатов.

Характерной чертой всей американской историографии колониальной эпохи является резкое преобладание произведений, посвящённых истории отдельных колоний, главным образом Новой Англии. Работ, охватывающих историю всей страны в целом, почти нет. Это объясняется условиями общественной жизни английских колоний Северной Америки в то время: каждая из них в значительной мере жила своей обособленной жизнью, системы управления были различны, взаимные хозяйственные и культурные связи между колониями были слабы, национальное самосознание ещё не выработалось.

¹ Речь идёт о работе Мабильона «Acta sanctorum ordinis sancti Benedicti» и труде Муратори «Annali d'Italia del principio dell'era volgare sino all'anno 1749».

² Goosch «History and Historians in the XIX Century», cap. XXI. United States. Книга Гуча получила широкую известность среди наших историков. То немногое, что говорит о каждом из разбираемых им американских историков Гуч, не вызывает особых возражений, но благодаря тому, что многих историков конца XIX в., в том числе таких характерных для американской историографии, как Мак Мастер и Тёрнер, Гуч оставляет в стороне, общая картина американской историографии даже в пределах XIX в. получается у Гуча не вполне правильной. В XX же столетии американская наука далеко ушла вперёд, в *историографии*.

Другой характерной чертой американской историографии колониальной эпохи является её провиденциализм — вера историков в непосредственное руководство ходом исторических событий со стороны бога. Весьма многие историки были духовными лицами. Молодость колоний, недостаток в них культурных сил явились естественной причиной такого положения.

II

Новый период в развитии американской историографии наступает в эпоху американской революции и формирования нового самостоятельного государства — Соединённых Штатов Америки.

Завоевание независимости вызвало появление исторических сочинений, посвящённых обзору только что закончившейся борьбы. Более известной из таких работ является двухтомная «История американской революции» Давида Рамзея, опубликованная в 1789 году. Борьба за независимость создала огромный интерес к личности её героев и прежде всего — к личности Вашингтона. Появляются биографии Вашингтона, а также и других деятелей революции. Рост национального самосознания и образование государства Соединённых Штатов вызвали появление исторических произведений, посвящённых истории страны в целом. Отчасти таковым можно считать уже биографию Вашингтона, написанную Маршаллом.

Первым значительным историческим трудом, в котором сделана попытка дать историю Соединённых Штатов в целом, считается в американской историографии «Американские анналы», или «Хронологическая история Америки от открытия в 1492 г. до 1805 года» Холмса. Первое издание вышло в двух томах в 1806 году. Работа написана в летописной форме в стиле «Хронологической истории новой Англии» Принса. Выдающиеся американские историки XIX в., Спарк и Банкрофт, в первой половине столетия, а Уинсор (Winsor) в конце его дали высокую оценку книге Холмса.

В данном периоде влияние широкого развития местной общественной жизни на историографию сказалось в том, что появление исторических работ, посвящённых американской революции и истории США в целом, не ослабило внимания историков к исторической жизни отдельных штатов. Напротив произведения этого рода увеличились в числе и улучшились по качеству.

Наиболее выдающимся произведением американской исторической литературы предреволюционной и революционной эпохи считается «История колонии Массачусеттской бухты» роялиста Гетчинсона (Hutchinson); первые два тома труда которого опубликованы в 1764—1767 гг., третий окончен в 1778 г. и издан внуком автора в 1828 году. Современные исследователи подчёркивают объективизм Гетчинсона, широту его взгляда, умение освещать историю учреждений и правовые вопросы.

Один из крупных деятелей американской исторической науки конца XIX и начала XX в., Дж. Ф. Джемсон, в своей «Истории историографии в Америке»¹ считает пуританина Гетчинсона «сознательным или бессознательным последователем исторической школы Вольтера»².

В годы революции возникли местные исторические общества, поставившие своей задачей собирание материалов и изучение местной истории. Первым из таких обществ было историческое общество штата Массачусетс, возникшее в 1791 г., вторым было Ньюйоркское, основанное в 1804 году. После этого возникли: историческое общество штата Род-Айленд в 1822 г., штата Мэн — в 1823 г., штата Нью-Гемпшир — в 1823 г., штата Пенсильвания — в 1824 г., штата Коннектикут — в 1825 году³. Ведущим было Массачусетское общество.

В эпоху революции началась также публикация исторических документов, однако размеры опубликованного были сравнительно очень невелики.

Революция усилила интерес к истории и, сплотив разрозненные колонии в национальное государство, поставила перед историками задачу написания национальной истории. Она определила круг вопросов и период, которым должны заниматься историки. Основной проблемой, которой стали заниматься последующие историки, стала проблема генезиса и формирования Соединённых Штатов. Основным, если не единственным периодом для изучения вплоть до 80-х годов XIX в. стал период колониальной истории и революции. С. Adams в своём «Manual of Historical Literature», изданном в 1882 г., где он дал перечень изданных к тому времени исторических произведений, насчитал всего лишь 11 книг, имеющих хотя бы некоторое значение, посвящённых истории середины XIX века⁴.

Революция создала ряд легенд, окутала романтическим ореолом своих героев и тем как бы определила на последующее время для будущих историков понимание прошлого. Впоследствии историкам конца XIX и XX в. пришлось много поработать над разрушением ряда легенд, над восстановлением реальной исторической действительности.

От Европы американская историография, как и прежде, ещё очень сильно отставала, что чётко выразил Тикнор, историк испан-

ской литературы⁵, представитель второго поколения после революции, того поколения, которому удалось создать первую определённую школу в американской историографии. Тикнор писал в 1815 г.: «Каждый день я снова чувствую, какое обидное (mortifying) расстояние существует между европейским и американским учёным»⁶.

Эта школа сложилась в Новой Англии, наиболее развитом тогда в культурном отношении районе Соединённых Штатов, — с его знаменитыми в истории американского просвещения Гарвардским и Йельским университетами, — в районе, который в предыдущую эпоху дал наибольшее количество исторических произведений.

III

Начало деятельности этой исторической школы падает на вторую четверть XIX столетия. С нею начинается третий период в развитии американской историографии. Основной предпосылкой для образования этой школы был прежде всего тот уровень социально-экономического, политического и культурного развития, которого достигли к этому времени Соединённые Штаты и в особенности их передовой район — Новая Англия. К этому времени в США уже сложился сравнительно многочисленный класс образованной, зажиточной буржуазии и интеллигенции, обладающей литературным вкусом. Революция и последующее политическое развитие США определили идеологию этого класса и его отношение к государственным учреждениям и прошлому своей страны. Этой идеологией был либерализм умеренно демократического характера. Государственный строй США считался наилучшим в мире. Панегирическая оценка американской революции и её героев была общепринятой.

Внутренние предпосылки имели определяющее значение. Но не надо упускать из виду и влияния Европы. С экономической и культурной точек зрения США были ещё, если можно так выразиться, обращены лицом к Европе и были весьма восприимчивы к тем проявлениям её культурного влияния, которые совпадали с их внутренними потребностями.

Характерными чертами американской историографии этого периода являются прежде всего либерально-демократическая точка зрения, сочетающаяся с религиозно-протестантским мировоззрением историков, и затем романтический подход к историческому прошлому.

Кроме того характерной чертой американской историографии рассматриваемого периода является то внимание, которое историкам уделяли литературной стороне своих произведений. Эта черта тоже была продуктом влияния Европы.

С источниковедческой точки зрения аме-

⁵ Его «История испанской литературы» переведена на русский язык.

⁶ Life, Letters and Journals of George Ticknor. Vol. I, p. 73. Цитирую по Kraus «A History of American History», p. 310.

¹ Книга Джемсона, вышедшая в свет в 1891 г., является первым обзором истории развития американской историографии.

² Джемсон «История историографии в Америке», стр. 79.

³ Boyd J. P. «State and Local Historical Societies in the United States». «American Historical Review». Vol. 40, Nr. 1, October, 1934.

⁴ Smith Th. «The Writing of American History in America from 1884 to 1934». «American Historical Review». Vol. XL, Nr. 3, April, 1935.

риканская историография сделала в это время довольно значительные успехи. Они выразились главным образом в собирании и публикации источников. Научная критика источников, равно как научные методы их издания, в значительной мере оставалась ещё задачей будущего.

Первым историком рассматриваемой школы был Спарк (1789—1866). Он осуществил огромную работу по собиранию и изданию исторических документов, которые он собирал не только в архивах США, но и в архивах Лондона и Парижа. До него никто из американских историков не предпринимал розысков в иностранных архивах. Наиболее выдающимся из его трудов были: «Дипломатическая переписка американской революции» (12 томов, 1829—1830 гг.), «Жизнь и бумаги Вашингтона» в 12 томах, из которых первый представлял собой биографию Вашингтона, написанную Спарком (1834—1837), «Труды Вениамина Франклина с примечаниями и жизнеописанием автора» (10 томов, 1836—1840).

Его труды обратили на себя внимание в Европе.

Наиболее видной фигурой среди американских историков этого времени, посвятивших себя изучению прошлого своей страны, был Банкрофт (1800—1891). Свою долгую жизнь Банкрофт посвятил главным образом написанию своей десятитомной «Истории Соединённых Штатов» и отчасти другим историческим трудам; I том его труда вышел в свет в 1834 г., II — в 1837 г., III — в 1840 г., IV—VII были опубликованы в 50-х годах, VIII — в 1860 г. и IX и X томы — в 1874 году. «История Соединённых Штатов» представляет собой как бы национальную эпопею, написанную в патетико-риторическом стиле. Всё сочинение проникнуто демократическим настроением в духе демократии времён президента Джексона. Американцы изображены исконными носителями начал свободы, Колонизация представлена как стремление свободолюбивых людей уйти в Новый Свет от европейского деспотизма. Американская революция обрисована как бескорыстный подвиг свободолюбивых патриотов. Американская конституция изображена как гениальное творение исключительно одарённых людей, равных которым не было в истории. На светлом храме американской свободы нет ни пятнышка рабства как будто не существует.

Труд Банкрофта произвёл огромное впечатление в стране и вызвал благоприятные отзывы в Европе. Несмотря на громоздкий объём сочинения оно выдержало больше двадцати изданий. Но Банкрофт прожил очень долго и пережил свою славу. Его сверстники считали его величайшим историком. Последующее поколение перестало читать его труд. А последующие историки затратили очень много работы, чтобы на место грандиозной эпопеи поставить более сложную и противоречивую, менее безоблачную историческую действительность.

США выдвинули в это время также крупных историков, разрабатывавших европей-

скую тематику. В истории Европы американцы заинтересовались прежде всего историей Испании, той страны, которая открыла Америку и освоила весьма значительную часть американского континента. История Испании представлялась американским историкам контрастом их собственной истории, и это приятно возбуждало их патриотическое чувство. «Здесь идущая вперёд свободная Америка, там — приговорённая к упадку страна деспотизма и инквизиции»¹.

Крупным историком США, посвятившим свои силы истории Испании, был У. Прескотт (1796—1859). Первой работой его была «История царствования Фердинанда и Изабеллы католических» (1837). Потом он опубликовал «Историю завоевания Мексики» (1843) и «Историю завоевания Перу»² (1847). Его последним, неоконченным произведением была «История царствования Филиппа II» (1855—1858). Работы У. Прескотта основаны на богатом фактическом материале и отличаются занимательной, живостью рассказа и красочностью описания. Его можно назвать историком-художником.

Дж. Л. Мотли (1814—1877) посвятил ряд работ, опубликованных в 1855—1874 гг., Нидерландской революции XVI века³. Если Прескотта история Испании привлекала, так сказать, по контрасту с историей США, то Мотли занялся борьбой голландцев за независимость по аналогии с соответствующими событиями из истории своей родины. Он даже сравнивает Вильгельма Оранского с Вашингтоном. По мастерству изложения Фуэтер ставит Мотли наравне с Маколеем, который, как известно, являлся исключительным мастером исторического рассказа.

По своему содержанию труды Банкрофта, Прескотта, Мотли и других историков рассматриваемой школы посвящены почти исключительно событиям политической истории, и в них незначительное внимание уделяется социально-экономическим процессам. Много в этих трудах говорится о военных походах, битвах, правителях и полководцах и совсем нет истории народ-

¹ Fueter «Geschichte der neueren Historiographie», S. 519.

² Названные здесь произведения Прескотта изданы в русском переводе. В предисловии к переводу «Истории царствования Филиппа II» книга названа сочинением «одного из знаменитейших историков нашего времени» (перевод издан в 1858 г.).

³ Одна из них, «The Rise of Dutch Republic», имеется в русском переводе под заглавием «История Нидерландской революции». Произведения Прескотта и Мотли сохранили некоторое значение и до нашего времени: они включены вместе с более поздними книгами американских историков: Уинсора о Колумбе, Фиске об открытии Америки и Ли о средневековой инквизиции — в указателе литературы, приложенные к стабильному учебнику для высших учебных заведений по истории средних веков, изданному Институтом истории Академии наук СССР.

ных масс. Это было свойственно тогда не только американцам, но и огромному большинству историков Европы. Но если в то время в Америке в общен исторических сочинениях социально-экономическая история отсутствует, то начали появляться хотя и в небольшом числе специальные историко-экономические произведения. Их авторы не являются историками.

Неурядицы в вопросах денежного обращения и в банковом деле в первой половине XIX в. вызвали появление уже в 1833 г. «Краткой истории бумажных денег и банкового дела в Соединённых Штатах» Gouge'a, в 60-х годах появляются «История американской обрабатывающей промышленности с 1608 до 1860 гг.» Бишопа и сборник статей различных авторов, выпущенный Стеббинсом под заглавием «Восемьдесят лет прогресса Соединённых Штатов». В нём были объединены статьи о развитии сельского хозяйства, культуры хлопка, о росте применения паровых машин, об истории торговли, транспорта и обрабатывающей промышленности.

IV

Новый период в развитии американской исторической науки начинается в 80-х годах XIX века. К концу XIX в. Соединённые Штаты Америки, обогнав Англию по размерам промышленной продукции, вышли на первое место в мировом хозяйстве. Быстрый хозяйственный рост сопровождался весьма значительными географическими сдвигами в размещении населения и хозяйства. Движение на Запад имело место в США и раньше, оно не окончилось и в наши дни. Но именно после гражданской войны это движение привело к перемещению центра населения и хозяйства за пределы атлантических штатов. Если раньше Америка была, так сказать, обращена лицом к Европе, то теперь взоры американского общества были обращены внутрь страны.

Однако на рубеже двух столетий картина начинает меняться. Легко осваиваемые свободные земли на западе страны оказываются розданными. Американский капитал, интересы которого ранее всецело были поглощены внутренним рынком, начинает интересоваться внешним рынком. Наступает эра американского империализма.

В области нематериальной культуры характерными явлениями этого времени были рост числа университетов и улучшение постановки университетского образования, а также усвоение американским обществом новых философских и научных идей Европы.

В 1909 г. в статье¹, посвящённой 25-летнему юбилею Американской исторической ассоциации (научное объединение историков США), один из её основателей и крупнейших её работников, Дж. Ф. Джемсон, вспоминая состояние американской историографии в начале 80-х годов XIX века, подчёркивал малочисленность научных кад-

ров историков, неразвитость научной исторической периодической печати и низкий уровень исторического преподавания. Перелом в американской историографии в начале 80-х годов выразился в появлении исторических трудов, отличающихся от работ предыдущего периода по своей тематике и трактовке материала. Два момента организационного порядка: основание Американской исторической ассоциации и широкое распространение в американских университетах семинарского метода при преподавании истории—содействовали этому перелому, а также дальнейшему прогрессу американской исторической науки.

Американская историческая ассоциация основана 9 сентября 1884 г. на съезде историков в г. Саратоге (штат Нью-Йорк). В нынешнем, 1944 г., следовательно, исполняется 60 лет её научной деятельности.

Ассоциация организовала в 1895 г. издание «Американского исторического обозрения» («American Historical Review»), руководящего периодического органа американских историков.

Интересно сопоставить дату его возникновения с датами создания руководящих исторических журналов в странах Европы: «Archivio storico Italiano» стал выходить в 1842 г., «Historische Zeitschrift» — в 1859 г., «Revue historique» — в 1876 г., «Rivista storica Italiana» — в 1884 г., «English Historical Review» — в 1886 году.

Время с 80-х годов прошлого столетия до наших дней американские историки обычно рассматривают как единый период в развитии своей науки и обычно не делят его на части. Имеется ряд признаков, свойственных этому шестидесятилетию и отличающих его от предшествующего периода.

Американская историография всего шестидесятилетия является в основном позитивистской по своим философским предпосылкам.

Второй чертой, свойственной американской историографии на протяжении всего шестидесятилетия, являются тщательная критика источников, привлечение максимального их числа и стремление этим путём установить объективные исторические факты. Этот критицизм обычно особенно подчёркивается американскими историками как отличительная черта нового направления, именно за эту черту американцы его часто называют «научной школой», противопоставляя её прежней, «литературной школе».

Первым крупным произведением, где критицизм ярко проявился, был коллективный труд в восьми томах под редакцией Дж. Уинсора (Justin Winsor) — «Повествовательная и критическая история Америки», первый том которой вышел в 1884 г., а последний — в 1889 году. Произведение снабжено критическим обзором источников и литературы. Примечаниям уделено очень много места.

Третьей характерной чертой американской историографии всего этого периода является расширение исторической тематики. Ранее авторы «литературной школы» почти не выходили за пределы повествования о событиях политической истории и ха-

¹ «American Historical Review». Vol. XV. Nr. I. October, 1909.

рактических исторических деятелей. В рассматриваемый период имеет место огромный рост числа произведений из области истории хозяйства, техники, науки права, литературы, искусства, быта населения и т. д. При этом исторические произведения на темы из этих областей начинают писать не только представители соответствующих специальных дисциплин (т. е. экономисты, юристы и т. п.), но и историки. Кроме того — и это имеет особенно большое значение — история культуры начинает во всё возрастающей пропорции внедряться в общен исторические произведения.

Первым крупным историческим произведением этого периода была «История народа Соединённых Штатов от революции до гражданской войны» Мак Мастера. Первый том её вышел в 1883 г., восьмой — в 1913 году. Автор подчёркивает, что его основной темой является история народа, «хотя многое надо будет написать и по политической и военной истории». Мак Мастер был также автором учебников истории США, в которые он включил гораздо больше данных по социальной истории, чем это практиковалось до него. Его учебники разошлись в количестве 2,5 миллиона экземпляров.

Получают распространение монографическая форма исследования и коллективные труды. Одной из первых коллективных работ была «Повествовательная и критическая история Америки» под редакцией Уинсора. В начале XX столетия большой известностью пользовалась «История американской нации» в 28 томах под редакцией А. Б. Харта (A. B. Hart). В настоящее время число коллективных работ весьма значительно¹.

Необходимо подчеркнуть количественный и качественный рост исторической науки за это шестидесятилетие, а в особенности за вторую его половину.

На съезде историков в г. Саратогге, когда была основана Американская историческая ассоциация, присутствовал 41 человек. Через год, в 1885 г., число членов Ассоциации достигло 287; ещё через пять лет, в 1890 г., Ассоциация насчитывала 620 членов. Далее, до середины 90-х годов, число членов росло очень медленно, но с 1895 г. оно стало быстро увеличиваться: в 1900 г. было уже 1618 членов, а накануне первой мировой войны, к концу 1913 г., Ассоциация объединяла в своих рядах 2623 человека и 220 учреждений².

Первая мировая война и последовавший за нею экономический кризис задержали рост числа членов Ассоциации. В годы так называемого процветания он возобновился,

¹ Важнейшими из коллективных работ, посвящённых общей истории США и вышедших после первой мировой войны, являются «Хроники Америки», под редакцией Джонсона в 50 небольших книжках (1918—1920) и «История американской жизни», под редакцией Д. Фокса и А. Шлезингера, посвящённые истории культуры и быта американского народа.

и в 1929 г. Ассоциация имела наибольшее в её истории число членов — 3435 человек и 311 учреждений³. В годы кризиса (1929—1933) число членов стало падать, достигнув своего минимума в 1934 г. (2133 человека и 313 учреждений). Затем оно стало возрастать, увеличившись до 3188 человек и 385 учреждений на 1 декабря 1940 года⁴.

Во второй половине рассматриваемого шестидесятилетия создаётся ряд специальных отраслевых исторических ассоциаций, как например Ассоциация экономической истории, Общество истории науки и т. п.⁵.

V

Первая половина рассматриваемого шестидесятилетия — время усиленного усвоения и популяризации американскими историками европейской исторической техники и европейских руководящих идей.

Молодые американские историки после усвоения методов работы над источниками в американских университетах часто ездили совершенствоваться в Европу.

Идеи Конта, Бокля, Дарвина и Спенсера получили в конце XIX и начале XX в. широкое распространение в США. Под их влиянием религиозно-протестантское мировоззрение историков сменяется в эти годы мировоззрением позитивистского характера.

Более ранним плодом этой перемены являются сочинения Дж. У. Дрепера «История умственного развития Европы», вышедшая в свет ещё в 1863 г.⁶, и «История конфликта между религией и наукой», опубликованная в 1872 году.

В рассматриваемый период (1896) историк и дипломат А. Д. Уайт⁷, первый президент Американской исторической ассоциации, напечатал двухтомный труд на родственную тему: «История борьбы науки и богословия в христианских странах». Не надо, однако, думать, что позитивистское мировоззрение американских историков было атеистическим. Уайт, например, в предисловии к своей книге писал о своей уве-

² «American Historical Association. Annual Report for the Year 1913». Судя по списку членов за 1933 г., опубликованному Ассоциацией, учреждения, состоящие членами ассоциации, — это преимущественно научные библиотеки.

³ Все цифры о числе членов — по годовым отчётам Ассоциации.

⁴ На декабрь 1942 г. было 3583 члена, включая учреждения, т. е. на 10 членов больше, чем в 1940 г. («American Historical Review». Vol. 48, Nr. 3).

⁵ Подробнее об отраслевых ассоциациях будет сказано ниже.

⁶ Есть русский перевод.

⁷ А. Уайт был посланником США в России в 1892—1894 годах. Названная его работа частично написана в Петербурге. Петербургом помечено предисловие. Он был также послом США в Германии, в которой в молодости закончил образование и получил степень доктора философии от Иенского университета. В США он много работал также по организации высшей школы.

ренности, что наука «пойдёт рука об руку с религией».

Внимание к Европе ослабело. Силы историков почти всецело поглощены проблемами прошлого родной страны. Продолжателем Прескотта является лишь один крупный историк — Г. Ч. Ли (1825—1909), изучавший главным образом историю средневековой католической церкви и историю Испании. Его труды, основанные на использовании большого количества источников и хорошо написанные с литературной точки зрения, получили широкую известность в Европе, где они были использованы прогрессивными кругами в борьбе с клерикализмом. Главнейшие из них: «История инквизиции в средние века»¹ (3 тома. 1889—1898), «История тайной исповеди и индульгенций» (1896), «История инквизиции в Испании» (1906—1907). Одновременно в исторической науке Европы был в эти годы велик интерес к истории учреждений и к истории права. Этот интерес был перенесён и в Америку. Американские историки заинтересовались историей Англии, так как многие из них были склонны искать в Англии корни американских учреждений. Однако научные достижения по истории Европы в американской исторической литературе тогда ещё были скромными. Дело в основном ограничивалось составлением учебников и университетским преподаванием.

Из историков США этого периода, занимавшихся историей Европы, наиболее крупной в научном отношении фигурой является Ч. Гросс (1857—1909), автор классической работы о купеческих гильдиях — «Gild Merchant» (1890) и работ источниковедческого и библиографического характера по истории средневековой Англии.

Особое положение занимает военно-морской историк А. Маһан (1840—1914), капитан военного флота США, вышедший в отставку в чине адмирала. А. Маһан в своих основных работах сделал предметом изучения роль флота в период 1660—1783 гг. (The Influence of Sea Power upon History 1660—1783, 1890) и его влияние на судьбы французской революции и империи Наполеона (The Influence of Sea Power on the French Revolution and Empire 1793—1812. 2 тома. 1892). Работы Маһан'а, в которых он высоко оценивал роль флота в военной истории, явились откликом на усиливавшиеся в 90-х годах в США империалистические тенденции, и оказали влияние на рост морских вооружений.

В истории родной страны интерес американских историков в 80-х и 90-х годах переместился с колониальной эпохи и революции на период между революцией и гражданской войной и самую гражданскую войну. В «Повествовательной и критической истории Америки» под редакцией Уинсора этого перемещения внимания ещё не за-

метно: напротив, революционному периоду уделено очень мало места.

Первым по времени произведением американской историографии, которое всецело посвящено истории США в XIX в., была «История Соединённых Штатов в период действия конституции» («Under the Constitution») Дж. Скаулера (Schouler, 1839—1920), первый том которой вышел в 1880 году². Труд Скаулера написан в хронологической форме, почти как сочинение Принса в XVIII веке. Содержание его сводится почти исключительно к рассказу о событиях политической истории. Гораздо больше значения имели труды Генри Адамса (1838—1918) и Дж. Ф. Родса (Rhodes, 1848—1927), изучавших события того же периода, что и Скаулер.

Генри Адамс, внук президента Джона Куинси Адамса, опубликовал в 1889—1891 гг. девятитомную «Историю Соединённых Штатов», в которой подробно изучил политическую историю своей родины за годы президентской деятельности Джефферсона и Мадиссона (за 1801—1817 годы). Благодаря тщательности исследования, основанного на многочисленных документах, в особенности дипломатических, извлечённых как из отечественных, так и иностранных архивов, благодаря вдумчивому анализу событий труд Генри Адамса пользуется у американских историков репутацией классического, хотя социально-экономической истории Адамс уделяет немного внимания.

«История Соединённых Штатов с компромисса 1850 г.» Родса (7 томов) посвящена годам, непосредственно предшествовавшим гражданской войне, самой гражданской войне и реконструкции. Она выходила в свет в 1892—1906 годах. Это фундаментальный труд, в котором хорошо изучен ход политических и военных событий, но Родс воздерживается от обобщений. Родс не обнаружил интереса к экономической истории. Он убеждённый противник рабства, но противоречия интересов северных капиталистов и южных рабовладельцев он не показал.

В первом десятилетии XX в. американская историография, не оставляя интереса к XIX в., как бы вновь возвращается к изучению колониальной эпохи. Крупные историки, более молодые по времени рождения, чем те, о которых только что говорилось, занялись пересмотром старой традиции. Г. Л. Осгуд (1855—1918) в 1904—1907 гг.

² Ещё до Скаулера, в 1873 г., начал публиковать свою «Конституционную и политическую историю Соединённых Штатов» фон Хольст, немецко-американский учёный, бывший сначала профессором в Германии, а потом в Америке. Его сочинение было издано сначала на немецком языке, а потом — в английском переводе. Труд фон Хольста тоже посвящён истории США в XIX в., но он является плодом больше германской, чем американской, историографии.

¹ Имеется русский перевод его основного труда «История инквизиции в средние века».

опубликован трёхтомный труд «Американские колонии в XVII столетии»¹. Дж. Л. Бир (1872—1940), ученик Осгуда и Берджеса, напечатал в 1907—1912 гг. ряд работ о британской колониальной политике. Эд. Чаннинг (1856—1931), научные интересы которого главным образом были сосредоточены на колониальной эпохе и первых десятилетиях республики, в 1905 г. начал свою шеститомную «Историю Соединённых Штатов»². В этом создававшемся в течение многих лет большом труде, последний том которого вышел только в 1925 г., Чаннинг дал историю США от самого её начала, кончая гражданской войной. Критики упрекали его за «прибрежно-атлантическую» точку зрения и недостаток внимания к Западу, за недостаточное внимание к социально-экономическим отношениям и неумение оценить их роль. Но в основном его труд получил высокую оценку.

Большинство историков этого времени обнаруживает также значительный интерес к истории правовых учреждений. На почве этого интереса и под влиянием одного из течений в тогдашней германской и английской исторической науке конца XIX в. в американской историографии возникла особая школа, получившая название националистической.

Английский либеральный историк германист Фримен³, взгляды которого оказали особенно значительное влияние на американскую националистическую школу, считал, что англо-саксы привнесли с собой в Британию зародыши тех учреждений, которыми гордилась Англия его времени: парламента, местного самоуправления, суда присяжных. Из ряда историков, примыкавших к этому направлению, особенно ярко выразил эти идеи Дж. Фиске, автор ряда популярных трудов, получивших широкую известность⁴.

История хозяйства изучается в этот период как по стране в целом, так и по отраслям и по районам. В качестве примеров можно указать на «Экономическую и социальную историю новой Англии» Уидена (2 тома, 1890), «Индустриальную историю Соединённых Штатов» (1910) Екатерины Комен и др. В 1883 г. в Гарвардском университете был введён курс экономической истории Европы и Америки. В 1892 г. в этом

¹ Его работа об американских колониях в XVIII в., являющаяся продолжением первой, была напечатана после смерти автора в четырёх томах в 1924 году.

² В русском переводе имеется популярная книга Чаннинга «История США 1765—1865 гг.» СПб, 1897. Большой труд его не переведён на русский язык.

³ Мимходом стоит отметить известный девиз Фримена: «History is past politics and politics are present history». Таким образом, выражение М. Н. Покровского, что история есть политика, опрокинутая в прошлое, если не по смыслу, то по форме есть перевод с английского.

⁴ Его работа об открытии Америки переведена на русский язык.

университете была учреждена первая в мире специальная кафедра экономической истории, на которую был приглашён из Англии Эшли, крупный историк-экономист.

Заканчивая беглый обзор развития американской историографии в конце XIX и в первом десятилетии XX в., надо остановиться на факте, получившем впоследствии очень большое значение для последующего её роста, — «капитальном факте американской историографии», как его называет У. А. Деннинг⁵. Этим фактом является начало изучения движения на Запад и его роли в американской истории.

Первой крупной работой в этом направлении был четырёхтомный труд Теодора Рузвельта (1858—1919), будущего президента США⁶, — «Завоевание Запада». Первый том этого труда вышел в 1889 г., четвёртый — в 1896 году. Рузвельт описывает первые шаги по заселению и включению в союз территории Ближнего Запада.

Гораздо большее значение имели труды Ф. Дж. Тернера (1861—1932), выступившего со стройной теорией о значении колонизации Запада в истории США. Первый раз Тернер развил свои взгляды в 1893 году. Его последняя работа на эту тему вышла в свет в 1935 г., уже после смерти автора. Тернер создал целую школу, научная деятельность которой развернулась в основном уже во второй половине рассматриваемого шестидесятилетия.

VI

В начале второго десятилетия XX в. появляются крупные работы, чрезвычайно характерные, как яркое проявление новых тенденций. Такими работами можно считать труды Ч. О. Бирда «Экономическое объяснение конституции Соединённых Штатов» (1913) и Дж. Г. Робинсона «Новое построение истории» (1912). Примерно в это же время получает широкое признание и школа Тернера. Это видно из таких фактов, как приглашение самого Тернера в Гарвардский университет⁷ в 1910 г. и избрание его на тот же год председателем Американской исторической ассоциации, как основание в 1914 г. последователем Тернера — Алвордом — журнала «Историческое обозрение долины Миссисипи», ставшего одним из важнейших исторических журналов США районного типа.

⁵ «A Generation of American Historiography». «Annual Report of American Historical Association», 1917.

⁶ Рузвельт впоследствии (в 1912 г.) был избран президентом Американской исторической ассоциации. Вудро Вильсон, основной научной специальностью которого было, как известно, государственное право, написал пятитомную «Историю американского народа». Незадолго до смерти, в 1924 г., он был выбран президентом Американской исторической ассоциации. Таким образом, два выдающихся президента США писали исторические труды.

⁷ Тернер был профессором Уисконсинского университета¹ в г. Мадксоне.

Первая мировая война и её последствия, вкорме изменившие внутреннюю и международную обстановку, оказали громадное влияние на историческую науку.

Состояние американской исторической науки в течение трёх последних десятилетий,— это, в сущности, её современное состояние.

Американская историческая наука, так долго отстававшая от Европы, у Европы учившаяся как в области принципиальных методологических проблем, так и в области исторической исследовательской техники, безусловно, стала теперь вполне самостоятельной. Американская историография последних десятилетий не в меньшей мере, чем это имеет место в ведущих в научном отношении странах Европы, сочетает отечественную тематику с зарубежной. Количественные размеры научной работы весьма значительны. Многочисленные кадры историков распределены по всей стране. Конечно, такие богатые высшими учебными заведениями и научными учреждениями штаты, как Нью-Йорк (533 члена), Массачузетс (307 членов), Пенсильвания (255 членов), Иллинойс (250 членов), Калифорния (209 членов) или столица Вашингтон (210 членов), имеют особенно большое количество историков.

Американская историческая ассоциация— это ведущая и самая большая, но далеко не единственная научная организация американских историков. Выше уже говорилось о развитии местных исторических обществ. Нет точной статистики их численности, тем более что слабая активность некоторой их части затрудняет подсчёт. В 1934 г. насчитывалось 700—800 организаций¹.

Масштаб деятельности обществ очень разнообразен: например историческое общество штата Айова в 1934 г. имело 26 научных сотрудников и издало к этому времени 720 публикаций общим объёмом в 75 тыс. страниц. Очень много выпустило изданий старейшее из обществ — общество штата Массачузетс.

Самую большую библиотеку собрало общество штата Уисконсин. На 30 сентября 1942 г. она насчитывала 669 198 названий². В недавнее время стали возникать исторические ассоциации, имеющие полем деятельности большие районы, включающие по нескольку штатов, как например «Историческая ассоциация долины Миссисипи», «Южная историческая ассоциация». На тихоокеанском побережье имеется особое Тихоокеанское отделение Американской исторической ассоциации (с 1903 г.), изучающее историю не только тихоокеанского побережья США, но и всех тихоокеанских стран вообще.

Кроме научных организаций районного

¹ Boyd Y. «States and Local Historical Societies in the United States». «American Historical Review». Vol. 40, N. 1.

² «American Historical Review». Vol. 48, Nr. 2, January 1943; «Historical News», p. 450.

типа в недавнее сравнительно время возникли отраслевые организации: Ассоциация экономической истории, Общество сельскохозяйственной истории (основано в 1919 г.), Общество истории науки (основано в 1924 г.), Ассоциация для изучения жизни и истории негров (основана в 1915 г.), Американская академия средних веков (основана в 1925 г.). Для изучения новой истории Европы создана секция в составе Американской исторической ассоциации.

Научной работой в области истории занимаются также Carnegie Institution of Washington, библиотека конгресса и некоторые другие научные организации, в том числе, конечно, университеты. Организованы американские научные учреждения за границей, как например Американская академия в Риме.

В США выходит более ста исторических периодических изданий³. Ведущим журналом является «Американское историческое обозрение» (с 1895 г.) — орган Американской исторической ассоциации. Журнал печатает статьи как по истории США, так и по истории других стран. Тщательно и подробно ведётся критико-библиографический отдел, занимающий в журнале много места. Исторические работы, выходящие в СССР, очень часто находят отклик на страницах этого отдела.

Чикагский университет совместно с секцией новой европейской истории Американской исторической ассоциации с 1929 г. издаёт «Журнал новой истории» («Journal of Modern History»)⁴. Американская академия средних веков издаёт с 1926 г. журнал «Speculum», специально посвящённый средним векам, и совместно с университетом штата Колорадо — бюллетени под названием «Успехи в изучении средних веков в Соединённых Штатах и Канаде». Американский институт в Афинах имеет свой орган — «Hesperia», печатающий работы по истории древней Греции.

Американская академия в Риме издаёт свои «Мемуары» (Memoirs of the American Academy in Rome). «Бюллетень американских школ по изучению Востока» публикует результаты исследований этих организаций по истории древнего Востока.

«Американский археологический журнал», один из сравнительно старых научных журналов Америки, печатающийся на роскошной бумаге с большим числом великолепно исполненных фотоснимков с объектов раскопок, является основным журналом американских археологов. В журнале имеется обширный критико-библиографический отдел, где находят отражение и работы советских археологов.

Научные организации историков отрас-

³ По подсчётам, сделанным мною на основании: 1) «World List of Historical Periodicals and Bibliographies», 1939; 2) «Writings on American History 1936 by G. G. Griffin and D. M. Luraine». 1941; 3) «International Index to Periodicals». September 1943.

⁴ Журнал является органом секции.

левого типа обычно имеют свои органы. С 1928 по 1932 г. выходил «Журнал экономической и деловой истории»¹. Недавно его сменил «Журнал экономической истории»². Журнал печатает статьи по истории народного хозяйства и экономической мысли как США, так и других стран. С 1927 г. выходит «Сельскохозяйственная история».

Под редакцией крупнейшего специалиста по истории науки Дж. Сартона вышло уже около 100 номеров журнала «Isis»³ — органа общества истории науки. Журнал является «Международным обзорением, посвященным истории науки и цивилизации»⁴. Допускаются статьи не только на английском языке. С 1937 г. стал выходить специальный журнал по военной истории — «Journal of the American Military History Foundation»⁵. Более четверти века (с 1916 г.) издаётся «Журнал негритянской истории». Редакция имеет в своём составе как историков-негров, так и белых. За 20 лет, с 1916 по 1936 г., из 350 статей и документов, напечатанных в журнале, две трети было посвящено истории негров в США и треть их — истории в других странах⁶. Тихоокеанское отделение Американской исторической ассоциации издаёт «Тихоокеанское историческое обозрение» (с 1932 г.), посвящённое истории тихоокеанских стран, в том числе и Дальнего Запада США. Интерес к Латинской Америке вызвало в 1918 г. появление «Hispanic American Historical Review»⁷. В годы второй мировой войны стало выходить «Славянское и Восточно-европейское обозрение»⁸ и «Журнал истории идей» («The Journal of History of Ideas»).

Большинство исторических журналов, выходящих в США, — это журналы, посвящённые местной истории. В 35 штатах⁹ имеются журналы по истории этих штатов.

¹ «Journal of Economic and Business History» издавался Ассоциацией с тем же названием.

² «Journal of Economic History» издаётся «Economic history association».

³ «Isis» — Исида, по имени египетской богини.

⁴ Официальный ползаголовок журнала.

⁵ К сожалению, отсутствие этого журнала в московских библиотеках лишает меня возможности дать его характеристику.

⁶ «The Journal of Negro History». Vol. XX, Nr. 4, Logan. An Evaluation of the First Twenty Volumes.

⁷ В 1936 г. членом редакции был крупный испанский историк, труды которого по истории испанской культуры получили широкую известность. — Рафаэль Альтамира.

⁸ «Slavonic and East European Review». Cambridge Mass. В Москве журнал ещё не получен.

⁹ По моему подсчёту, по «World List of Historical Periodicals and Bibliographies», edited by P. Caron and M. Jaryc «International committee of historical sciences». Oxford. 1939.

Издают свои органы и некоторые из местных исторических обществ.

Особенностями организации американской исторической науки являются хорошая постановка библиографии и наличие значительного количества справочных изданий, облегчающих работу историка¹⁰.

Как известно, США занимают первое место в мире по уровню организации и техники библиотечного дела. Это помогло и исторической библиографии.

Американская историческая ассоциация в качестве приложения к своим годовым отчётам издаёт указатель книг и статей по истории Соединённых Штатов, вышедших за год¹¹. Сравнительно недавно издан указатель библиографии по американской истории (Beer «Bibliographies in American Histories». N. Y. 1938). Несколько раньше вышел справочник, ориентирующий в мировой библиографической литературе по истории (Coulter «Historical Bibliographies») ¹².

Ещё в 1893 г. Дж. Ф. Джемсон выпустил «Словарь по истории Соединённых Штатов», который с тех пор неоднократно переиздавался в переработанном и дополненном виде. Последнее издание вышло в 1931 г. под редакцией Мак Кинли¹³. В 1940 г. вышел в пяти больших томах коллективный «Словарь американской истории» под редакцией Дж. Т. Адамса.

По истории мировой исторической науки в 1938—1942 гг. опубликованы три большие работы: Барнеса¹⁴, Шотуэла¹⁵ и Томсона¹⁶.

Некоторое представление о размерах научной работы американских историков даёт число книг и статей, публикуемых за год по истории Соединённых Штатов: за один только 1936 г. их было опубликовано 3647¹⁷. Лишь небольшая часть из этого числа падает на работы зарубежных историков по истории Соединённых Штатов.

Для тематики американских исторических работ последних трёх десятилетий харак-

¹⁰ Джемсон говорил об этой особенности американской историографии: «Ни одна нация в мире не занимается с таким рвением составлением библиографии» («Historical Writing in America», p. 151).

¹¹ «Writings on American History. A bibliography of books and articles on United States history, published during the year...»

¹² Golder P. «Guide to Materials for American History in Russian Archives». 1917.

¹³ «Dictionary of United States History».

¹⁴ Barnes H. C. «A History of Historical Writing». 1938.

¹⁵ Shotwell «History of History». N. Y. 1939. Вышел только первый том, охватывающий древность.

¹⁶ «A History of Historical Writing by J. W. Thompson with the collaboration of B. J. Holm». New York. 1942. Два тома. От древности до XIX в. включительно.

¹⁷ «Writings on American History. 1936. A bibliography of books and articles on United States history, published during the year 1936 by G. G. Griffin and D. M. Louraine». Washington. 1941.

терно при сохранении внимания к проблемам политической истории значительное усиление интереса к вопросам материальной и нематериальной культуры.

Несколько капитальных трудов по истории хозяйства США издал Carnegie Institution of Washington. Из них особенного внимания заслуживает монументальная «История обрабатывающей промышленности в Соединённых Штатах» (1916) под редакцией В. С. Кларка. На большом фактическом материале основаны также «История внутренней и внешней торговли Соединённых Штатов» под редакцией Е. Р. Джонсона (1915), «История транспорта» под редакцией В. Г. Мейера (1918) и «История труда в Соединённых Штатах» (1926) под редакцией Дж. Р. Коммонса, изданные той же организацией.

По истории рабочего движения можно указать ещё книгу З. Перельмана «История тредюнионистского движения в Соединённых Штатах», переведённую в 1927 г. на русский язык.

Из ряда работ по истории сельского хозяйства можно отметить «Историю сельского хозяйства Севера» (подразумеваются США) Бидуэлла и Фолкнера (1925).

Американские статистики дали ряд интересных трудов историко-статистического характера, как например работы Уоррена и Пирсона «Оптовые цены за 213 лет — с 1720 по 1932 г.», «Народное имущество и народный доход Соединённых Штатов» У. Кинга, где сделано исчисление динамики народного дохода и народного имущества страны за 1850—1910 гг. и др. Издано большое число курсов по истории народного хозяйства США¹.

В области всеобщей истории американским историкам принадлежит немало ценных историко-экономических работ, например коллективных «Обзор экономической истории древнего Рима» под редакцией Франка, большой труд источниковедческого характера, в каждом томе которого центральное место принадлежит источникам с подробными комментариями к ним и кроме того даны очерки по отдельным проблемам, составленным авторами.

Работа Елены Лон «Промышленность и торговля города Рима (50 г. до н. э. — 250 г. н. э.)» (1938) представляет собой первый и притом хорошо документированный, систематический обзор промышленной и торговой жизни потребляющего центра древнего мира. Представляет значительный интерес тщательное исследование Гамильтона о революции цен в эпоху великих открытий. Специалисты по истории Англии высоко ставят работу Граса по истории английского хлебного рынка XII—XVIII веков.

По истории науки наиболее крупными работами являются труд Сартона «Введение в

историю науки» (2 тома. 1927—1931), Торндайка «История магических и экспериментальных наук» (2 тома. 1923), его же «Наука и мысль в XV столетии» (1929), Хаскинса «Этюды по истории средневековой науки» (1927). Наиболее известными в области истории техники являются труды Веблена и обстоятельная работа Мемфорда «Техника и цивилизация» (1934).

Из работ по истории общественной мысли чрезвычайно благоприятные отзывы встретил в США двухтомный труд В. Л. Паррингтона «Главные течения американской мысли» (1927). Материалов по истории быта очень много в коллективной «Истории американской жизни» под редакцией Фокса и Шлезингера.

Описанные изменения в тематике исторических произведений сказались на содержании трудов общенационального характера. В них по большей части нет уже того преобладания политической истории и жизнеописаний исторических деятелей, как это было раньше. Из работ синтетического порядка большую известность получил монументальный труд Чарльза Мэри Бирд «The Rise of American Civilization», опубликованный в 1927 году.

Как мы уже сказали, характерной чертой национальной американской историографии является весьма значительное развитие местной истории. С одной стороны, имеется очень много произведений по истории отдельных штатов, городов и графств, с другой стороны, — целый ряд работ, посвящённых большим районам страны.

Из произведений местной истории наиболее интересными являются произведения Тернера и его школы. Эти работы не только излагают историю так называемого среднего Запада, но и дают концепцию всей американской истории².

Из работ южных историков, ныне уже довольно многочисленных, наибольшее значение имеют работы У. В. Филиппса и У. Е. Додда. Труд первого из них «Жизнь и труд на старом Юге» (1929) пользуется особенной популярностью среди американских историков. Надо, однако, сказать, что автор, будучи уроженцем Юга и считая, что северные историки сгущали краски при изображении положения негров-рабов, допускает перегиб в обратную сторону. В то же время и негры выдвинули историков Юга. Самым крупным из них является Дю Бойс, который в своём труде «Black Reconstruction» показал роль реакционных сил на Юге после отмены рабства.

Во многих областях всеобщей истории Америка выдвинула выдающихся учёных. В качестве примера можно назвать Дж. Брестеда, имя которого хорошо известно в нашей стране по переводу его «Истории Египта» — книги, которую крупнейший русский египтолог, Б. А. Тураев, назвал «бесспорно лучшим трудом по истории Египта»³. Недостаток места не позволяет даже бегло оста-

¹ Два таких курса: Богарта «Экономическая история Соединённых Штатов» и Фолкнера «История народного хозяйства США» — изданы в русском переводе в 1927 и 1932 годах.

² О Тернере см. выше.

³ «Исторические известия» № 1 за 1916 г., стр. 150.

новиться на характеристике хотя бы даже основных трудов американцев по всеобщей истории.

Чтобы дать хотя бы некоторое представление о характере работы американцев в этой области, остановимся коротко на американских работах по истории средних веков. Шестидесят лет назад, когда основывалась Американская историческая ассоциация, кадров медиевистов в США, можно сказать, не было. Список работ по средним векам сводился к старым трудам Прескотта, Ирвинга, Мотли и единичным работам чрезвычайно немногочисленных авторов. В настоящее время Академия средних веков объединяет вокруг себя более тысячи медиевистов¹. Отдельные работы посвящены самым разнообразным отраслям. Некоторые из них являются выдающимися по своему научному значению, как например труды Ч. Х. Хаскинса «Норманские учреждения» и «Норманны в европейской истории».

Из работ по истории английских учреждений надо прежде всего назвать труды Дж. Б. Адамса по истории английской конституции «Происхождение английской конституции» (1912), «Беглый очерк английской конституционной истории» (1928), «Конституционная история Англии 1921 г.»², работы У. А. Морриса о средневековых английских шерифах и судебной организации графств³. Историю парламента изучали Мак-Ильуэйн (Mc Ilwain) и Грей.

Интересна вышедшая в 1940 г. книга Уилкокса о местном управлении Глостершира в 1590—1640 гг.⁴, где автор делает попытку рассмотреть местное управление и хозяйственную жизнь Англии того времени на примере одного графства.

Из работ по истории средневековой культуры надо указать труды Торндайка и Хаскинса, посвященные истории средневековой науки⁵.

На видном месте надо поставить книгу Хаскинса «Ренессанс XII века» (1927), ко-

¹ «Progress of Medieval Studies in the United States and Canada». Nr. 10.

² Перечень основных трудов Дж. Б. Адамса см. в библиографическом указателе в книге Пти-Дютайи «Феодалная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв.», стр. 344, 1938.

³ «The Medieval English Sheriff to 1300». 1937; «The Early English County Court». 1926.

⁴ «Gloucestershire, a Study in Local Government 1590—1640 by W. B. Willcox». 1940.

⁵ Их названия см. выше.

торая обратила внимание историков на очень интересные явления в культурной жизни внеитальянских стран Европы до начала Ренессанса в Италии. Шевиллу принадлежат работы по истории Флоренции и Сиены. Американская академия в Риме опубликовала до того оставшийся не изданным обширный труд итальянского гуманиста XV в. Сикко Поленторе⁶ о писателях, писавших на латинском языке, — первый историко-литературный труд итальянского гуманизма⁷.

Лау (Lowe), Кларк, Бернем — ученики крупнейшего в Европе знатока средневековой латыни и средневекового письма Л. Траубе — написали ряд трудов по средневековой палеографии.

Любовь американцев к библиографии⁸ сказалась и здесь: в США издан очень ценный «Путеводитель по изучению средневековой истории»⁹.

У историков США существует живой интерес к истории нашей страны. Это сказывается в библиографических отделах журналов. На одном из съездов Американской исторической ассоциации были поставлены доклады о В. О. Ключевском и М. Н. Покровском¹⁰. Имеется, правда, небольшое, количество книг и статей по истории СССР.

В данной историографической справке в силу обширности темы автор был вынужден в основном ограничиться внешней стороной развития американской исторической науки. Характеристика основных направлений современной историографии, критический анализ и оценка исторических концепций ведущих американских историков США должны составить предмет отдельной статьи, вернее, ряда отдельных статей.

⁶ «Papers and Monographs of the American Academy in Rome». Vol. VI. Sicconi Polentoni libri XVIII edited by B. Ullman. 1928.

⁷ Интересно отметить, что, повидимому, вследствие отсутствия печатного издания этого труда такой знаток историографии итальянского Ренессанса, как Фютер, считал «первой попыткой истории литературы» позднее написанный труд другого гуманиста, Кринигуса. Fueter «Geschichte der neueren Historiographie», S. 96.

⁸ Хаскинс говорит о «национальной страсти» американцев «к энциклопедиям и библиографиям».

⁹ Paetow «A Guide to the Study of Medieval History». Переработанное издание, 1931 год.

¹⁰ «American Historical Association. Annual Report for the year 1940».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ТАРЛЕ Е. В., *акад. Крымская война*. Т. II. Институт истории Академии наук СССР. Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР. М. 1943. 648 стр. 13 руб.

Второй том капитального исследования академика Е. В. Тарле о Крымской войне 1853—1856 гг. охватывает период с начала сентября 1854 г. до мартовских дней 1856 г., т. е. от битвы на реке Альме до заключительного заседания Парижского конгресса. Подобно первому тому, новая книга Е. В. Тарле опирается на огромный не только печатный, но и впервые используемый архивный материал. Автор — во всеоружии иностранной и русской литературы по изучаемой теме. Широкой и смелой кистью он набрасывает картины напряжённой борьбы под Севастополем, неудачных операций союзников на Балтийском море и Тихом океане, сражений на азиатском театре войны, наконец, дипломатических комбинаций, рассчитанных сначала на продолжение войны, а затем на заключение мира. Материал, собранный Е. В. Тарле, изобилует примерами героических подвигов русских моряков и пехотинцев; это придаёт книге ту патриотическую направленность, которая особенно ценна в наши дни, дни ожесточённой борьбы против фашистского варварства.

В соответствии с ходом развёртывающихся событий второй том переносит центр тяжести с истории дипломатии на историю войны. Однако и здесь немало внимания уделено дипломатическим маневрам союзников во время осады Севастополя и тонкой игре французской и русской дипломатии, подготовившей подписание Парижского трактата. Если в первом томе вскрывалось влияние дипломатии на развязывание и ход войны, то во втором томе мы видим обратное явление — глубокую зависимость дипломатической деятельности от направления и исхода боевых операций.

Как выясняет Е. В. Тарле, союзники с самого начала были заинтересованы в расширении антирусской коалиции, прежде всего в присоединении к ней Австрии, территориально соприкасавшейся с Россией и располагавшей значительной сухопутной армией. «Борьба за Австрию» стала важнейшей целью английской и французской дипломатии после начала Крымской войны. В свою очередь Австрия в лице её министра иностранных дел Буоля и императора Франца-Иосифа была склонна начать военные действия против

России. Соглашаясь на предложение Наполеона III, Габсбурги рассчитывали не только сохранить за собою итальянские владения и лишить Россию её преобладания на Балканах: они мечтали присоединить к австрийской территории Дунайские княжества — Молдавию и Валахию, — эту богатейшую европейскую житницу и прекрасную стратегическую позицию. Однако воинственная позиция Буоля и его сторонников встретила сопротивление со стороны части австрийской аристократии, боявшейся европейской революции и, следовательно, разрыва с реакционным правительством Николая I.

Е. В. Тарле устанавливает, что точка зрения Буоля не находила сочувствия и в рядах Германского союза: второстепенные немецкие государства не были заинтересованы в усилении Австрии и оставались равнодушными к балканскому кризису. Что касается Пруссии, то её король Фридрих-Вильгельм IV, по меткому выражению Бисмарка, метался из стороны в сторону, как «пудель, потерявший хозяина» («ein herrenloser Pudel»); с одной стороны, на него нажимали Австрия и союзники, с другой стороны, его страшила возможность разгрома при столкновении с могущественной Россией. Такой же страх пробуждался время от времени в душе австрийского императора Франца-Иосифа и его воинственного министра Буоля. Отсюда бесконечные колебания австрийской политики, её постоянные заигрывания с англо-французской коалицией и одновременные старания показать своё дружелюбие отступающему, но ещё сильному Николаю I.

Пока союзники отсиживались в Варне и только замыслили десант на Крымском полуострове, Николай I мог использовать противоречия австрийской политики. Союзники добивались открытия мирных переговоров на основе безоговорочного принятия Россией «четырёх пунктов», имевших целью лишить Россию её прежнего влияния на Чёрном море и на Балканах. Русский посланник при венском дворе талантливый и умный князь А. М. Горчаков понимал опасность создавшегося международного положения и высказывался за принятие предложенных условий. Однако Николай I отвергал всякую мысль о

дипломатической капитуляции и соглашался только начать переговоры по всем «четырёх пунктам». Перед лицом этого решительного отказа российского самодержца Австрия не решалась приступить к военным действиям против России.

Положение резко изменилось после высадки союзнического десанта у Евпатории, начала осады Севастополя и особенно после битвы под Инкерманом. Военные неудачи России окрылили не только союзников, но и Австрию. Демарши союзников в Вене возобновились с прежней силой. Позиция Франца-Иосифа и Буоля по отношению к России стала откровенно враждебной. Николай I вынужден был согласиться на принятие «четырёх пунктов», но было уже поздно. В действительности ни союзники, ни Австрия вовсе не хотели в это время заключать мир. Напрасно Горчаков шёл на уступки Австрии при редактировании условий мирных переговоров. 28 ноября 1854 г. разногласия между Россией и Австрией были улажены, и несмотря на это через четыре дня, 2 декабря, под сильным нажимом Наполеона III Австрия подписала формальный договор с Англией и Францией о совместной защите Дунайских княжеств и о солидарных действиях против России в случае неудачи мирных переговоров. Мало того: Буолю удалось одновременно добиться соглашения с Пруссией о солидарном отстаивании «четырёх пунктов» и о совместной вооружённой борьбе против России, если она попытается напасть на австрийские войска в Дунайских княжествах. Прежние соратники по Священному союзу сказывались открытыми врагами Николая I. «Император австрийский не перестает поворачивать нож в моём сердце». — с горечью сказал царь, узнав об этих новых дипломатических комбинациях.

28 декабря 1854 г. открылась мирная конференция послов в Вене. Для Николая I она была последней, но безуспешной попыткой предотвратить неминуемое военное поражение; для союзников она служила дипломатическим орудием дальнейшего втягивания Австрии в орбиту действий коалиции.

Несмотря на дипломатическое искусство Горчакова, австрийский посол граф Буоль всё больше сближался с союзниками и делал ставку на срыв мирных переговоров. Неудача Хрулёва под Евпаторией и смерть Николая I нанесли последние удары мертворождённой конференции. Союзники подтвердили этот печальный исход усиленной бомбардировкой Севастополя 9—18 апреля 1855 г., а новый царь, Александр II, — формальным отказом ограничить русские военноморские силы на Чёрном море.

Мирные переговоры возобновились через одиннадцать месяцев, уже в иной военной и международной обстановке: Севастополь пал после продолжительной героической обороны, борьба на азиатском театре развёртывалась не в пользу Турции, а между союзниками обнаружались коренные разногласия по вопросу о продолжении войны. Наполеон III считал поставленную задачу достигнутой и не хотел жертвовать воен-

ными и финансовыми силами Франции в интересах Британской империи. Чтобы сохранить своё возросшее влияние на европейском континенте и предупредить дальнейшее усиление Англии, он предпочёл перейти к политике сближения с Россией, достаточно могущественной несмотря на понесённые ею поражения. Отсюда, с одной стороны, закулисные демарши Наполеона III, с другой, — его давление на Австрию с целью заставить Франца-Иосифа предъявить России декабрьский ультиматум 1855 года.

Жизно и обстоятельно прослеживает Е. В. Тарле дипломатические перипетии предельных и парижских переговоров. Перед взором читателя, знакомого с имеющимися материалами, в частности с публикациями «Красного архива», ещё раз проходят все этапы петербургских совещаний, интимные беседы русских уполномоченных с графом Валевским и Наполеоном III, борьба графа Орлова и Бруннова с представителями Англии и Франции.

На основе усиливающегося сближения России с Францией и благодаря искусной дипломатии обоих государств (в частности умного и дальновидного А. Ф. Орлова) английские и австрийские требования оказались нейтрализованными. Хотя к прежним «четырёх пунктам» прибавился новый, наиболее опасный для России, пятый пункт (о праве победителей возбуждать новые вопросы и предъявлять новые претензии), ни Англия, ни Австрия не сумели извлечь из него ожидаемой пользы. Наполеон не подержал их требования о новых территориальных аннексиях, и условия Парижского мирного договора оказались для России менее тягостными, чем ожидали в Западной Европе.

Русские уполномоченные покидали Париж с мыслью о возможности близкого франко-русского союза. Англия была недовольна содержанием подписанного трактата. Австрия, сыгравшая предательскую роль по отношению к России, не только не получила Молдавию и Валахию, но поняла, что ей грозит потеря итальянских владений.

Такой исход парижских мирных переговоров, как это ясно вскрывает в своей книге Е. В. Тарле, был в значительной степени предопределён ходом военных операций, в частности беспримерной, героической обороной Севастополя.

Главы, посвящённые военным событиям, составляют центральное место во втором томе.

Используя большой и разнообразный материал, Е. В. Тарле поставил две крупные исторические проблемы: о соотношении фронта и тыла в ходе войны и о значении внутреннего единства в рядах сражающейся армии. В период севастопольской обороны 1854—1855 гг. солдаты и офицеры проявили необычайную отвагу и выдержку, но падение крепости было предопределено хозяйственной, политической и культурной отсталостью России. Николаевская Россия была не в состоянии обеспечить обороняющийся Севастополь нужным количеством вооружения, боевых при-

пасов, пороха, обмундирования, медикаментов.

Е. В. Тарле приводит огромное количество ярких и убедительных фактов в подтверждение этого вывода. Читателю ясно, что основной причиной отсталости был разлагающийся крепостнический строй во главе с самодержавной царской властью. Однако автор не доводит до конца свой анализ, не даёт подробной характеристики состояния тыла, в частности тех общественных настроений, которые имели место в России в период Крымской кампании. Только изредка он цитирует суждения славянофилов и А. О. Смирновой, далеко не исчерпывающие этой интересной и важной темы. Между тем богатый материал писем и воспоминаний современников не оставляет сомнений, что правительство Николая I не пользовалось в этой войне народной поддержкой. В отличие от Отечественной войны 1812 г. Крымская война не преследовала национально-освободительных целей и не возбудила в обществе широкого действительного патриотизма. Сохранение и укрепление николаевского режима, неизбежные в результате победы царизма в войне, передовые круги расценивали как зло, более страшное для будущего развития страны, чем военное поражение царизма. Глубоко любя свою родину, революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов без колебаний высказались за военное поражение царского правительства. Такие выдающиеся деятели прогрессивного лагеря, как историки Т. Н. Грановский и С. М. Соловьёв, переживали тяжёлое, двойственное состояние. «С одной стороны,— вспоминал С. М. Соловьёв,— наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России; с другой, мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение».

Даже непосредственные участники войны, вроде Л. Н. Толстого или хирурга Н. И. Пирогова, негодовали и возмущались при столкновении с действовавшей системой. При таких условиях не могло быть прочного единения между фронтом и тылом. Армия, боровшаяся под Севастополем, была не только лишена припасов и материалов: она не имела в стране широкой и крепкой нравственной опоры.

Не менее трагично было другое противоречие, которое ослабляло русскую армию под Севастополем: в ней не хватало внутреннего единства, организующей и вдохновляющей воли. Беспредельное мужество и выносливость рядовой массы матросов и пехотинцев восхищали даже врага. Замечательные образцы распорядительности и энергии показали лучшие представители командного состава: блестящий организатор Корнилов, «душа обороны» Нахимов, изобретатель импровизированных укреплений Тотлебен и др. Но этим славным героям Севастополя, беззаветно боровшимся за осаждённую крепость, противостояли бездарные царские креатуры, не-

редко равнодушные и ограниченные, не имевшие значней и способностей, но наделённые всемогущей военной властью. Таковы были оба главнокомандующих—скептик и циник Меншиков, дряхлый и тупой Горчаков,—начальник гарнизона Богомольный и ничего не делавший Остен-Сакен, командиры отдельных частей, вроде пьяного Кирьякова или трусливого Жабокритского,—вся эта масса николаевских командиров, воспитанных в школе показной выправки и личного карьеризма.

Если бы Корнилов и Нахимов не проявили инициативы, в Севастополе не были бы построены сухопутные укрепления и он был бы захвачен немедленно после битвы на Альме. Нахимов и Тотлебен вынуждены были развить исключительную энергию, чтобы парализовать неумелые и вредные распоряжения штаба. Потеря важнейших крепостных позиций—сначала Килеябалочных высот, потом Малахова кургана—была результатом бездарного штабного руководства. Характер неподготовленности, неродуманности носили и операции под Инкерманом, Евпаторией и особенно у Чёрной речки. Русскую армию губила дореформенная военная система, которую возглавляли самодержец, дававший наставления из Петербурга, и военный министр Долгоруков, вздыхавший о беспечальной жизни мирного времени. Герои Севастополя не победили потому, что не было глубокого внутреннего единства армии, подчинённой опытному, пользующемуся доверием руководству.

И тем не менее страницы, посвящённые одиннадцатимесячной обороне Севастополя, захватывают и волнуют зрелищем борьбы, исключительной по напряжению и упорству. О Севастополе 1854—1855 гг. написано немало книг и статей, но соответствующие главы в разбираемом труде Е. В. Тарле превосходят прежние описания богатством эпизодов, живостью характеристик, яркостью красок. Особенно удались автору три момента севастопольской эпопеи: первая бомбардировка 5—6 (17—18) октября 1854 г., штурм 6 (18) июня 1855 г. и борьба за Малахов курган 27 августа (8 сентября) 1855 года. На фоне первой ураганной бомбардировки, когда от непрерывных артиллерийских залпов «воздух сгустился, сквозь дым солнце казалось бледным месяцем, и Севастополь был опоясан двумя огненными линиями» (стр. 68), трогательно описаны последние минуты жизни самоотверженного Корнилова. В героическом плане развёрнуто сражение 6 (18) июня, когда против 75 тыс. защитников Севастополя действовало 173 тыс. французов, англичан, сардинцев и турок. Противник имел бесспорное превосходство в количестве орудий и особенно снарядов. Союзное командование не сомневалось в близком падении Севастополя. Но исход операции оказался неожиданным для французского главнокомандующего и его штаба. Штурмующие союзнические колонны были встречены сокрушительным огнём крепостных орудий. На склонах Малахова кургана и у захваченной батареи Жерве разыгрались ожесточённые

рукопашные бои. находчивость и смелость русского солдата сказались здесь со всей силой. В критический момент, когда французы уже прорвались на Корабельную сторону, отважный генерал Хрулёв построил оказавшуюся поблизости кучку солдат и со словами: «Благодетели мои! в штыки! за мною! Дивизия идёт на помощь!» — ударил на превосходящие силы противника. К этому маленькому, но смелому отряду прикнули остатки других военных частей, и в результате стремительного контр наступления потерянные укрепления были отбиты у неприятеля. Штурм был отражён на всех участках, союзники потерпели сильнейшее поражение. Гарнизон охватило радостное сознание своего превосходства и военной удачи.

Такое же упорное сопротивление встретили французские и английские войска в трагический день последнего штурма Севастополя. По описанию французского летописца Базанкура, на парапетах Малахова кургана в одно мгновение смешались и осаждающие и осаждённые. В этой борьбе грудь с грудью штык уже не мог проложить себе дорогу: бились прикладами, камнями, заступами, деревянными обломками от блиндажей. Малахов курган был наводнён лавиной штурмующих французов, над его бастионами уже взвился неприятельский флаг, а у его склонов русская армия предпринимала всё новые и новые попытки отвоевать обратно эту командную высоту. Шесть атак предприняли в этот день французы и англичане, но все они были победоносно отражены с огромными потерями для атакующих. Однако Малахов курган вернуть не удалось, и это решило участь Севастополя.

Живыми красками изображены у Е. В. Тарле выдающиеся организаторы обороны — Корнилов и Нахимов. Оба были учениками адмирала Лазарева; оба горячо любили родину и родной для моряков Севастополь; оба не покладая рук работали, чтобы грудью отстоять осаждённую крепость. В качестве начальника штаба Корнилов ещё задолго до войны настаивал на необходимости заводить паровые суда и сооружать сухопутные укрепления. Когда крымская армия потерпела поражение на Альме и Меншиков бросил Севастополь на произвол судьбы, негодоважию Корнилова не было границ. Своей кипучей деятельностью Корнилов вдохнул необычайное воодушевление в горстку гарнизона, он отважно появлялся в самых опасных местах, проявил исключительную распорядительность: за две недели с помощью инженера Тотлебена Севастополь был опоясан импровизированными укреплениями. Когда же 5(17) октября вражеское ядро оборвало его жизнь, душой севастопольской обороны сделался Нахимов, всеобщий любимец, близкий матросской массе, не желавший пережить падение Севастополя и, подобно Корнилову, изумлявший необыкновенной отвагой. Прекрасный флотоводец, прославленный победитель при Синопе, Нахимов оказался выдающимся руководителем и на суше. Именно он создал знаменитый четвёртый бастион, он распреде-

лил моряков по севастопольским батареям, от него шли все организационные распоряжения, через него доставали всё необходимое для обороны. За дерзкую отвагу матросы прозвали его «Нахименко бесша-сашный». Презирая опасность, Нахимов появлялся всюду, где нужно было быстро принять решение, усилить оборону, воодушевить защитников.

Академик Е. В. Тарле широко использовал иностранные источники; это дало ему возможность внести ряд поправок в господствующие представления о Крымской кампании. Действия союзников на реке Альме, особенно на последнем этапе сражения, автор рисует далеко не такими блестящими, как они представлялись раньше. Настоящей катастрофой для английской кавалерии явилась удачная для русского оружия битва под Балаклавой. Сражение под Инкерманом не было такой решающей победой союзников, как это казалось многим их современникам и позднейшим историкам.

Затяжная и кровопролитная борьба под Севастополем вызывала у союзников чувства растерянности и тревоги. По сведениям французского дипломата Ротана, «в мае 1855 г. в Париже отчаявались взять Севастополь, уже готовились остановиться на крайнем решении снять осаду, когда правительство императора (Наполеона III) неожиданно, посредством тайственных откровений, узнало, что Россия уже истощила свои средства, что её армии изнемогают» (стр. 324). Эту капитулянтскую версию, родившуюся в петербургских аристократических салонах, услужливо сообщил в Берлин прусский военный атташе граф Мюнстер; с помощью выкраденных копий о ней узнал и французский посол в Берлине маркиз де Мустье. «Тогда счастье улыбнулось императору (Наполеону III): в тот час, когда он считал уже всё скомпрометированным, он узнал, что выиграл партию» (стр. 325). Результатом этого «откровения» были активизация осады Севастополя и захват союзниками Киленбалочных укреплений.

Подробно и обстоятельно излагает Е. В. Тарле неудачу балтийской и тихоокеанской кампаний союзников. И здесь, в описании героической обороны Петропавловска на Камчатке, автор находит яркие краски для характеристики инициативы и смелости русских при отражении превосходящих сил противника. Между прочим, окончательно устанавливается бесспорный факт самоубийства командовавшего неприятельской эскадрой адмирала Прайса, отчаявшегося взять Петропавловск и захватить русские суда. Описывая операции у турецкой крепости Карс, Е. В. Тарле отмечает правильную позицию казачьего генерала Я. П. Бакланова, предупреждавшего самоуверенного и властного Н. Н. Муравьёва о безнадёжности штурма турецких укреплений.

Однако в изложении военных операций, данным Е. В. Тарле, далеко не всё представляется исчерпывающим и бесспорным. Автор касается важного вопроса — о целесообразности затопления судов Черномор-

ского флота, но считает для себя «неуместным» углубляться в полемику между специалистами и выносить своё решение по данному вопросу. Это существенный и необоснованный пробел в таком крупном исследовании, как двухтомный труд о Крымской войне. Чтобы судить о характере русских и англо-французских операций 1854—1855 гг., необходимо дать мотивированную оценку действиям Черноморского флота. Какие бы абстрактные доводы ни приводили противники затопления судов — Мошняин, Лихачёв и др., — его результаты вполне оправдали это самопожертвование черноморцев. Сам Лихачёв признаёт, что из-за отсутствия достаточного количества береговых баз русские парусные суда были обречены на бездействие в гавани. А свидетельство прекрасно осведомлённого французского летописца войны Базанкура не оставляет сомнений в последствиях предпринятой меры: именно затопление флота и быстрое возведение укреплений заставили Сент-Арно отказаться от плана немедленного штурма Севастополя. Е. В. Тарле считает этот отказ «неожиданной, грубейшей, чреватой неисчислимыми последствиями ошибкой союзного командования» (стр. 42). Едва ли это так. При тогдашней постановке разведки союзники не имели подробных сведений о расположении и мощи возведённых сооружений. После битвы на Альме союзники имели все основания ждать от крымской армии и севастопольского гарнизона мужественного и упорного сопротивления; против союзников могли действовать артиллерийские орудия береговых батарей и военных судов. Точных сведений о положении крымской армии не было. При этих условиях пытаться овладеть Севастополем «с хода», без предварительного изучения позиций, без осадных работ, без артиллерийской подготовки, было крайне рискованным. Энергия, проявленная Корниловым, Нахимовым, Тотлебенем, солдатами, матросами, жителями города, — вот что заставило союзников изменить своё первоначальное намерение.

Автор недооценивает подземную мильную войну, которую блестяще провели русские военные инженеры, сорвав планы противника по подготовке штурма. «Оборона Севастополя» Тотлебена, которую по заслугам высоко ценит Е. В. Тарле как первоисточник, даёт богатейший материал по данному вопросу.

Недооценивает также автор и опыты с подводными минами. Какие бы недостатки ни имели погружённые мины Нобеля и как бы сурово ни осуждал их адмирал Литке, русские моряки впервые применили это новое оружие в Крымской войне и, выступив в роли пионеров, показали его эффек-

тивность. Следовало бы подробнее сказать о повреждениях, причинённых минами английскому флоту, и о военном значении этого нового средства борьбы на море.

Следует особо остановиться на выводе, сделанном Е. В. Тарле на последних страницах книги. Подводя итоги Крымской войне и Парижскому конгрессу, автор находит, «что о «поражении» России в этой войне можно говорить лишь в очень, очень условном и крайне ограниченном смысле... Великодержавие России не поколебалось... Великий колосс выдержал страшные удары в 1854—1855 гг. и не только не пал, но даже не покачнулся» (стр. 571, 572). В такой формулировке утверждения автора исторически неверны. Если под «великим колоссом» разумеется николаевскую империю, которая главенствовала в Европе, подавляла венгерское восстание и стояла на страже крепостничества, то она не выдержала ударов Крымской войны: она не только покачнулась, но потерпела крушение, о чём свидетельствуют и официальные акты и многочисленные мемуары современников.

Именно так расценивали результаты Крымской войны классики марксизма-ленинизма. «Царизм потерпел жалкое крушение, и притом в лице своего внешне наиболее импозантного представителя; он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление»¹, — писал Энгельс. Ленин, характеризуя реформу 1861 г., связывал её с поражением в Крымской войне как с ближайшей и непосредственной предпосылкой: «Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков... Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»².

Но мы должны помнить, что в 1853—1856 гг. существовала не только официальная, крепостническая Россия, понёсшая страшное поражение, но и другая, народная Россия, которая противостояла крепостническому строю и сохраняла в себе великие жизненные силы. Русский народ в лице трудящихся крестьянских масс и лучших представителей дворянского и разночинного общества извлёк необходимые выводы из пережитых событий и вынес суровый приговор существовавшему социально-политическому порядку.

Проф. Н. Дружинин

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 29.

² Ленин, Соч. Т. XV, стр. 108—109, 143.

ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. Изд. АН СССР. М. и Л. 1944. 348 стр. 25 руб.

Книга акад. Грекова «Киевская Русь» выходит уже 4-м изданием. И это не случайно. Несмотря на то, что отдельные её разделы по научным приёмам и аргументации, по источникам и изложению доступны лишь осведомлённому читателю, книга представляет огромный интерес для самых широких слоёв советских читателей, прежде всего в силу самого характера затрагиваемых ею вопросов.

Как возникла русская государственность, «откуда есть пошла Русская земля», как работали и жили, в какие отношения вступали друг с другом жители «градов» и «весей» земли Русской, страны, «яже ведома и слышима есть всеми концы земля», как воевали за Русь, «боронили» её рубежи, как думали на «снамах» и «уставляли» землю Русскую, — разве эти вопросы могут не интересовать самые широкие слои советских читателей?!

Книга акад. Грекова приобретает особую значимость сейчас, в дни Великой отечественной войны, когда, естественно, возрос интерес к прошлому русского народа, народа, принявшего на себя основную тяжесть борьбы с гитлеризмом.

Как указывает автор, 4-е издание его книги «Киевская Русь» является пересмотренным и дополненным. В частности в 4-м издании совершенно новой является глава «Организация военных сил восточных славян и Киевского государства». Значительно расширены разделы, посвящённые соотношению рабовладельческого и дофеодального миров, политической истории и культуре Киевской Руси.

Автор не оставил без внимания замечания своих оппонентов по поводу 3-го издания его книги и обстоятельно ответил на рецензии и возражения, хотя и «не нашёл возможным менять что-либо в основных своих положениях».

В «Предварительных замечаниях» к своей книге автор совершенно справедливо указывает, что не случайно в своём эпосе русский народ отводит самое видное место киевскому периоду. «Былины — это история, рассказанная самим народом», — отмечает автор. Киевский период, период богатейших и их славных дел, период «столеного града Киева», Владимира Красное Солнышко, в памяти народной остаётся героическим периодом отечественной истории.

Б. Греков своевременно обратил внимание советских историков на значение народного эпоса при изучении древней и древнейшей истории русского народа. Почин Б. Грекова, призвавшего к изучению этого периода, следует всячески приветствовать.

Нельзя обойти молчанием постановку автором вопроса о месте Киевского государства во всемирной истории. Этой проблеме в книге посвящена особая глава. В этой части своего труда Б. Греков совершенно правильно напоминает читателю о вредных и ни на чём не основанных попытках Щербатова и Шлецера изобразить наших

предков X в. «дикарями», жившими «подобно зверям и птицам» и бродившими по лесам и полям необъятной восточноевропейской равнины. Автор подчёркивает, что уже под собственным названием славяне, и в частности восточная их ветвь — анты, создали на территории государств с рабовладельческим строем и в сопредельных землях свои, варварские, дофеодальные политические образования и этим самым «дали возможность созреть феодальному строю, что по сравнению с рабовладельческим строем было большим шагом вперёд» (стр. 22).

Как и в предыдущих изданиях, Б. Греков уделяет большое внимание сельскому хозяйству древней Руси. Вряд ли кто-либо будет оспаривать теперь основной тезис автора — о господстве земледелия в хозяйственной жизни древних восточных славян.

Б. Греков в двух главах своей книги рассматривает процесс развития земледельческих орудий труда и земледельческой техники и показывает, как в связи с этим изменялись общественные отношения людей и формы социальной жизни.

Не имея оснований опровергать основные положения автора, выдвинутые им в разделах «Сельское хозяйство древней Руси» и «Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника древней Руси», мы всё же считаем необходимым сделать некоторые замечания.

Когда мы говорим о составных элементах славянства, и в частности восточного славянства, мы не должны забывать их разнообразность и разнообразие культур. Восточное славянство складывалось в результате слияния двух очагов славянского этногенеза в Восточной Европе, а именно древнейшего, южного, среднеднепровского, связанного с Вольно-Прикарпатским и Поднепровским, и более позднего, северного, лесного, верховьев Днепра, Оки, Волги и Западной Двины. Первый характеризуется древними земледельческими традициями, восходящими к Триполью и скифам-пахарям, во втором длительное время сохраняются остатки быта охотников и рыбаков, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики». Здесь, как это показано в работах П. Третьякова, земледелие заняло первое место позднее, лишь с середины I тысячелетия нашей эры¹. Поэтому в лесах, особенно на Севере, ещё в течение длительного времени охота и рыбная ловля сохранились в качестве существенного подспорья к земледелию древнего славянина.

Нам кажется недостаточно обоснованным умаление подсеки в земледелии лесостепной полосы. При изучении карты распространения лесов и расселения славян на территории Восточной Европы обращает на себя внимание тот факт, что они почти полностью совпадают. В степь славяне заходят

¹ См. Третьяков П. К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры, стр. 84.

мало и даже в степи придерживаются балок, выросших лесом. И это, конечно, не случайно.

Даже древний языческий календарь, связанный с циклом сельскохозяйственных работ, говорит о том, что земледелие славян возникло не в степях, а в лесах. Б. Греков прав, говоря о пашенном земледелии: «Это не значит, что оно сразу убило подсеку, но это значит, что появился более прогрессивный способ обработки земли, которому предстояло будущее» (стр. 43), и «что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно изжиты» (стр. 50).

Оригинальна трактовка «хором» древнейшей части «Правды Русской» как укрепленных усадеб, своего рода рыцарских замков, хотя, как нам представляется, вряд ли она опровергает мнение о «мужах» древнейшей «Правды Русской» как о дружинниках-горожанах и о самом источнике как о памятнике, отражающем жизнь дружины не в селе, а в городе (стр. 43—46). Для того чтобы подтвердить своё положение, автор апеллирует к «Правде» Ярославичей с её крупной и развитой, сложной вотчиной и указывает, что процесс её создания очень длителен: «Десятилетиями такие процессы не измеряются, тут необходимы столетия» (стр. 46).

Конечно, корни вотчины XI в. лежат в IX—X вв. и даже в более раннем периоде. Ещё у варварской знати антских времён были рабы, и нелепо было бы думать, что они не использовались для обработки земли господина. Но в отличие от этих времён вотчина «Правды» Ярославичей включает в себе нечто принципиально новое, отражающее этап общественного развития, который может быть назван временем складывания и консолидации феодальных отношений. Не случайно по мере утверждения вотчины «Правды» Ярославичей распалась «империя Рюриковичей». Это означало окончание дофеодального периода, когда крестьянство ещё не было закрепощено, и переход к феодальной раздробленности. Новое в слове производства вызвало новое в государственном строе. Феодальные отношения ликвидировали варварскую «империю Рюриковичей» и создали политическую систему, свойственную данному этапу развития производительных сил и феодальных форм господства и подчинения. Если бы феодальные отношения, феодальные формы земельной собственности имели место и ранее, не было бы государства Олега, Игоря, Святослава и Владимира. Новое заключается здесь в том, что в XI в. хозяйство варварской, полупатриархальной, полуфеодальной знати перерастает в хозяйство феодальной верхушки, строящееся на основе эксплуатации труда не всякого рода «челяди», живущей во дворе своего господина, а сельского «людья», вчера ещё свободного общинника, члена «верзи», «мира».

В разделе «Древнейший общественный строй восточных славян» автор ставит наиболее сложный в истории социальной жизни восточных славян вопрос — о природе об-

щины, о социальном содержании термина «верзь».

Б. Греков правильно разрешает спор о «верзи», указывая на эволюцию самого термина, который обозначал когда-то большую семью, семейную общину (на это указал Энгельс в своём известном сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), и утверждая, что «верзь в известный момент своего существования есть не что иное, как община-марка» (стр. 59).

Не вызывает никаких сомнений и утверждение автора о сосуществовании в Киевской Руси семейных и сельских, территориальных общин. И те и другие находились в процессе разложения. Община, рабство (не античное рабство, а специфическое рабство, свойственное варварам и в том числе славянам) и варварская знать, идущая по пути трансформации в феодалов, зарождающие государства — таковы социальные факторы, определяющие собой дофеодальный период в русской истории. Отсюда и противоречия «Правды Русской» Ярослава, в которой сохраняется кровная месть — пережиток родового строя — и выступают холоп и челядин, дружинная знать и купцы, руси и словени и, казалось бы, смешиваются социальные и этнические понятия. Всё это вдобавок усложняется особенностями обстановки, в которой родился дошедший до нас вариант «Правды» Ярослава, а именно новгородскими событиями 1015—1016 годов. В этой части своего труда Б. Греков использует не привлекавшийся им ранее материал (о ремесле, о племенных и территориальных особенностях в материальной культуре и т. д.) и весьма удачно полемизирует со своими оппонентами — С. Юшковым и С. Бахрушиным.

Продолжая развивать свой тезис о том, что процесс складывания крупного землевладения «шёл и в VI, и в VII, и в VIII вв.» (стр. 77), автор привлекает новые и по-новому освещает известные ранее материалы (посольства в Византию, Устав Святослава Ольговича и др.), на основании которых он приходит к выводу о широком распространении на Руси крупного землевладения. Нужно сказать, что и в этом разделе Б. Греков приводит много нового по сравнению с соответствующей главой 3-го издания своей книги, учитывая замечания своих рецензентов и оппонентов.

Чрезвычайно удачно Б. Греков анализирует термин «челядь» и самое это социальное понятие. Как и целый ряд других социальных терминов древней Руси, термин «челядь» должен рассматриваться в его историческом развитии, в эволюции. И если мы таким образом подойдем к нему, то найдем его корни в родовом строе, когда первоисточник рабства находился в связи с семейным правом, когда «челядь», «челядо», как и «чадь», были младшими членами семьи, семьянинами, находящимися под властью отца — главы семейной общины. Со временем, с разложением родовых связей, в семье появляются люди, занимающие такое же подчинённое место, какое занимали некогда

младшие её члены. Эти люди — чужие, подневольные, зависимые. И на них переходит теперь старый термин «челядь», или «чадь». Этот термин охватывает ряд категорий, занимающих различное место в социальной жизни, от рабов до привилегированных слуг включительно.

«В этом термине, как, впрочем, и во многих других, отражена история общественных отношений с очень отдалённой поры» (стр. 101), — указывает автор. Это положение Б. Греков применяет и при анализе других социальных категорий древней Руси (рабы, рядовичи, закупы).

В главе «Смерды» автор подробно рассматривает историю сложного и запутанного вопроса о смердах и приходит к выводу, что «смерд может быть и свободным общинником и зависимым, вырванным из общины человеком, может оказаться в зависимости и не порывая связи с общиной, поскольку вся общинная земля с сидящим на ней населением могла попасть и попадала под власть любого землевладельца» (стр. 124).

Б. Греков, внимательно разбирая аргументацию своих оппонентов, доказывает, что в древней Руси было два типа смердов: «Ещё не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосредственную зависимость» (стр. 142).

К сожалению, Б. Греков почти не уделяет внимания анализу самого термина «смерд», а это дало бы возможность показать эволюцию этнического наименования в название социальной категории и вскрыть глубокие этноязыковые корни слова «смерд», уводящие его в палеоевропейские, доиндоевропейские времена.

Останавливает на себе внимание и трактовка изгойства. И в этом вопросе Б. Греков придерживается своей основной линии — показывать явления не статически, а в динамике. Термин «изгой» уходит в родовой строй, но «термин этот жил вместе с изгоем и наполнялся новым содержанием» (стр. 143).

Весь раздел книги Б. Грекова, названный им «Общественные отношения Киевской Руси», является серьёзным вкладом в изучение истории социального строя древней Руси.

В разделе «Важнейшие черты политического строя Киевской Руси» Б. Греков, развивая известные места из «Хронологических выписок» К. Маркса и его «Истории секретной дипломатии XVIII века», утверждает, что киевский период в нашей истории — период складывания, развития и распада Киевского государства.

В своей полемике с С. Бахрушиным, В. Пархоменко, М. Приселковым, Н. Рубинштейном и др. Б. Греков приводит настолько неопровержимые аргументы в пользу своей концепции, что вряд ли в советской исторической науке можно противопоставить что-либо серьёзное автору рецензируемой книги.

Нет никакого сомнения в том, что своей решительной борьбой за утверждение Киевского государства как мощного политического образования, сыгравшего исключительно важную роль в жизни народов Восточной Европы, да и не только их одних, Б. Греков опроверг утверждения не только М. Покровского, отрицавшего наличие единого государства во времена Владимира и Ярослава, но и многих других.

Ошибка исследователей, отрицавших Киевскую Русь как государство, заключалась прежде всего в том, что к этой эпохе подходили с мерилем, пригодным для изучения Московской Руси XV—XVI вв., т. е. не диалектически, не исторически. «Готическая» Русь времён «славного варварства» (К. Маркс) была порождением определённых общественных отношений со всеми присущими им особенностями. Полупатриархальная, полуфеодалная держава была примитивной, «нескладной и скороспелой... составленной Рюриковичами из лоскутков» (К. Маркс), но державой, а не прибежищем бродячей дружины. Киевское государство, киевский период в русской истории сплотили восточнославянские племена единством политической жизни и традиций, законов и обычаев, культуры и быта, языка и религии, единством, положившим начало национальному самознанию («мы — русские», «единая власть, единая вера», «един язык»).

Киевский период в русской истории сделал русскими (в широком смысле) отдельные племена восточных славян, которые ранее «живяху каждо родом своим», и именно потому, что это был период единого государства.

Всякий, отрицающий Киевское государство, вряд ли окажется в состоянии достаточно убедительно объяснить причины исключительной популярности Руси на Востоке, на Западе и в Византии, причины того, что Русь «ведома и слышима есть всеми концы земля», что русские княжны оказываются в Норвегии, Польше, Чехии, Франции, что с Русью завязывают сношения и шлют в Киев послов германский император и римский папа, болгарский хан и византийский император, английский, чешский, венгерский, польский, норвежский, шведский короли, что Русью и её столицей Киевом восхищаются и поражаются, что Русь ставят в пример, Русь уважают, её боятся, с ней считаются и перед ней заискивают. Со стоянкой бродячей дружины, где «раздувают» добытое в войнах и походах, с «эфемерным» не то государством, не то пространственным понятием, с «этапом» в русской истории никто бы не стал считаться, нечем было бы восхищаться. Да и в самой истории русского народа такой «этап» не оставил бы и следа, и «мати градом русским» — Киев был бы так же забыт, как забыты были бесчисленные становища русских дружин во время их бесконечных походов. Если бы Киевское государство было просто сказанием, преданием, передававшимся из уст в уста, или же измышлением учё-

ного, оно никогда не могло бы оставить после себя такой неизгладимый след в истории великорусского, белорусского и украинского народов и заставить помора в краю непуганых птиц, в царстве холода и мрака, в дремучей тайге и тундре рассказывать былины о киевских временах и вспоминать «стольный Киев-град», его «зелены сады», голубой Дунай, Владимира Красное Солнышко и его славных богатырей.

Приковав внимание читателей к Киевскому государству и определив его место в русской и всемирной истории, Б. Греков со всей остротой ставит вопрос и о роли русского народа в истории человечества. Он подчёркивает культурно-исторические традиции русского народа, восходящие к древнейшим очагам античной цивилизации Причерноморья и к цивилизации Востока, и включает *ab ovo* восточнославянский мир в историю передовых народов мира.

Затем автор последовательно изучает рост государственности среди варварских племён Восточной Европы и указывает на наличие государственных политических образований восточных славян ещё до времён пресловутого «призвания варягов». Этим самым Б. Греков вводит русский народ в семью народов, самостоятельно строивших свою политическую жизнь ещё в «готический период» истории Европы, в те времена, когда предки современных французов и немцев, англичан и итальянцев были ещё варварами, такими же варварами, со всеми присущими им положительными и отрицательными качествами, как и предки русских — анты.

Этим самым он раз и навсегда кладёт конец каким бы то ни было попыткам реставрировать и подновить норманизм — теорию создания русской государственности пришельцами-варягами.

Указывая на самостоятельные пути складывания древнерусской государственности, обращая наше внимание на политические объединения восточных славян, существовавшие на территории нашей страны задолго до того, как какие бы то ни было скандинавские элементы проникли в Восточную Европу, Б. Греков вбивает осиновый кол в могилу «норманской теории».

Нет никакой необходимости подчёркивать, что рассмотренные нами места в рецензируемой книге приобретают особый интерес и большую политическую остроту.

В 4-м издании своей книги Б. Греков извёл главу «Организация военных сил восточных славян и Киевского государства». В этом разделе вопросы поставлены автором заново и интересно.

В самом деле, без учёта участия «воев» в военных предприятиях киевских князей, «воев», вышедших из масс общинников и горожан, мы не поймём успехов Святослава, Владимира, Ярослава. Образы и деятельность этих «воев» запечатлены навеки в народном эпосе и были олицетворены народом в виде любимого героя былинного эпоса — Ильи Муромца, «сына крестьянского», боронящего землю русскую от врага. Он ещё пирует за столом у Владимира, но уже тяжко, душно ему в хоромях

княжеских, неровня он богатым боярам-дружинникам. Так в памяти народной отразилось укрепление феодальных отношений, а вместе с ними развитие новой организации военных сил.

Во всех частях раздела «Важнейшие черты политического строя Киевской Руси» Б. Греков показывает две стороны изучаемого им периода. С одной стороны, растёт и крепнет древнерусская государственность, усложняется политическая структура, крепнет объединение, усиливается престиж Руси на мировой арене, совершенствуется военная организация, с другой, — крепнут феодальные формы господства и подчинения, растут эксплуатация и закабаление, усиливается государственная регламентация, распространяются феодальные права, отягчается положение народных масс.

В состав рецензируемой книги входит раздел «Краткий очерк политической истории Киевского государства». Особенно следует приветствовать попытку Б. Грекова дать политическую историю Руси по крайней мере за несколько столетий до летоисчислительной даты 862 года.

К сожалению, меньше внимания Б. Греков уделил вопросу о термине «русь», «рось».

Большого внимания заслуживают взаимоотношения Руси, Болгарии и Византии при Святославе и др. Нужно пожелать, чтобы в следующих изданиях автор дал более подробную политическую историю Киевского государства.

Много оригинальных и интересных мыслей, ряд новых и забытых материалов включает в себе раздел «Истоки русской культуры и культура Киевской Руси». Б. Греков совершенно прав, когда ставит вопрос об исторических корнях русской культуры. Без учёта наследия культуры далёких предков славян мы не можем понять и оценить культуру Киевской Руси.

И в этом разделе автор верен своей концепции — искать древнейшие истоки русской государственности и русской культуры и находить их в периодах, предшествующих традиционной дате «начала Руси». Перед нами проходят периоды: эллино-скифский, римский, антико-византийский и восточный. Во всём прослеживается преемственная, генетическая связь, всё последующее вытекает из предыдущего и связано с ним.

Б. Греков, анализируя характер христианства на Руси, отмечает его своеобразную руссификацию. С христианской религией на Руси произошло то же, что и со всевозможного рода «влияниями», — она обрусела, восприняла национальные черты. Эта способность русского народа к восприятию и переработке воспринятого характерна для искусства, литературы, религии и т. д.

Совершенно по-новому автор ставит вопрос о дописьменной истории Руси, о творчестве «баянов», «соловьёв старого времени», о народной саге, устных преданиях, эпосе.

Следует приветствовать высказанную Б. Грековым мысль о зарождении русской письменности до крещения Руси. Об этом говорят Черноризец Храбр, Житие Кокстан-

тина Философа, Эль-Недим, договоры русских с греками, Ибн-Фадлан, находки Горюнова, Самоквасова и др.

Б. Греков поставил перед собой благородную и благодарную цель — обелить развенчанные гиперкритической школой в нашей науке древнерусские источники и, представив их как нечто цельное, избавить от прикосновения скальпеля тех, кто полагает, что основная задача исследователя — отвергать, отбрасывать и обличать источники.

Конечно, есть вопросы, которые автором ещё не решены до конца, но это несколько не умаляет достоинств рецензируемого труда. Можно высказать своё особое мнение по поводу многих положений, выдвинутых автором.

В книге Б. Грекова не всегда соблюдается

соответствие во внутреннем содержании между отдельными разделами. Наряду с тщательно разработанными главами есть такие, которые застаивают просить у автора их дальнейшей доработки. Это особенно относится к последним разделам.

Б. Греков уделил мало внимания проблемам этно- и плоттогонии. Хотелось бы, чтобы автор высказал свою точку зрения по вопросу об этногенезе русского народа.

Можно было бы увеличить список претензий к автору, но все они будут сводиться к одному: расширить, увеличить, добавить, доработать. И надо полагать, что в следующем издании своего труда Б. Греков многое добавит и по своей собственной инициативе и уступая справедливым пожеланиям читателя.

Проф. В. Мавродин

ЖУКОВ В. Д. Последний хорезмшах (из борьбы Джелаледдина Менгуберти с монголами). Академия наук УзССР. Институт истории и археологии. Художественно-историческая библиотечка бойца. Изд. АН УзССР. Ташкент. 1944. 16 стр. 75 коп.

Брошюра В. Жукова — один из многочисленных откликов советских историков на тот интерес, какой проявляет наш народ к своему героическому прошлому.

Имя Джелаледдина принадлежит к числу имён наших предков, которые в разное время и в разной обстановке непреклонно и мужественно отражали попытки иноземных захватчиков установить своё владычество на нашей родине. Не случайно именно в дни Отечественной войны возросло внимание представителей исторической науки и художественной литературы к жизни и деятельности Джелаледдина. Так, одновременно с выходом в свет рецензируемой брошюры на страницах газеты «Правда Востока» (Ташкент) появились отдельные главы из подготовляемой к печати исторической повести лауреата Сталинской премии писателя В. Яна «Джелаль-эд-Дин Неукротимый»¹. Госиздат Узбекской ССР принял к печати

драму в стихах поэта Максуда Шейхзаде — «Джелал-Эд-Дин» (в переводе на русский язык В. Липко).

Старший сын хорезмшаха Мухаммеда и его преемник по престолу Хорезма, Джелаледдин проявил недюжинные способности вождя и военачальника. В критический момент жизни государства хорезмшахов, в обстановке всеобщей растерянности, вызванной нашествием Чингис-хана, Джелаледдин организовал упорную и героическую борьбу войск и населения Хорезма против иноземных захватчиков. В битве у Первана Джелаледдин нанёс монголам тяжёлое поражение. Только после того, как крупные силы монголов возглавил сам Чингис-хан, сопротивление Джелаледдина было сломлено и он навсегда покинул свою родину. В 1231 г. «последний хорезмшах» был захвачен в плен в горах Курдистана курдами, а затем убит.

В небольшом очерке В. Жуков воскрешает в памяти читателя образ Джелаледдина — верного сына своего народа, галантливого и бесстрашного воина.

К отдельным недочётам брошюры следует отнести местами чрезмерную краткость изложения, приобретающего иногда характер сухого перечня мало известных массовому читателю событий (особенно на стр. 4—5).

Познавательная ценность брошюры, рассчитанной на массового читателя — бойца Красной Армии, — возросла бы, если бы автор пространнее осветил военную сторону вопроса (например тактику и вооружение монгольских завоевателей и войск Джелаледдина).

Весьма неясно изложены жизнь и образ действий Джелаледдина после победы над ним Чингис-хана. Автор указывает, что Джелаледдин до самой своей смерти не пе-

¹ «Джелаледдин» — «Джелаль-эд-Дин». В вышедшей за последние месяцы литературе у разных авторов можно встретить пять вариантов написания и произношения данного имени, что характерно для многих древневосточных (арабских и др.) слов и терминов. В связи с этим нельзя не отметить настоятельную необходимость при помощи компетентных специалистов провести унификацию транскрипции древневосточных собственных имён и исторических терминов. На первых порах эта задача может быть выполнена хотя бы в том плане, в каком разрешил её для античных имён и терминов покойный М. Протасов (см. его статью «Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имён и исторических терминов в истории античного мира», «Вестник древней истории» № 1 за 1940 г., стр. 102—113).

реставал собирать силы для борьбы с монголами и что монголы опасались попыток Желаледдина восстановить государство хорезмшахов. Наряду с этим автор говорит, что Желаледдин, овладев в 1224 г. Ираком и «больше увлекаясь сражениями... не заботился о создании крепкого и мощного государства» (стр. 14).

Досадна опечатка на стр. 13. Указано, что Желаледдин после 1221 г., находясь в изгнании, вёл войны с мелкими владетелями в Индии, где оставался «около трёх дней» (следует читать не «дней», а «лет»).

Указанные недочёты не умаляют значения своевременно вышедшей в свет, добросовестно написанной и нужной брошюры. Она знакомит бойцов Красной Армии с жизнью одного из героических борцов за свободу и независимость узбекского народа.

Вызывает недоумение издание брошюры В. Жукова в серии «Художественно-исторической библиотечки бойца». Знакомство с брошюрой показывает, что перед нами типичный, живо, а порой и ярко написанный научно-популярный очерк, но отнюдь не художественное произведение. Едва ли сам автор ставил перед собой задачу осветить личность Желаледдина в художественно-историческом плане. Во всяком случае, в брошюре мы не находим особенностей беллетристического повествования. Правда, в ней изредка встречаются такие эпитеты, как «изумрудная зелень», «мутная и капризная река», «пронзительный предсмертный крик», но, оживляя текст, они не делают произведение художественно-историческим.

Б. Лукин

ПЕТРОВСКИЙ Н. Н. *Воссоединение украинского народа в едином Украинском советском государстве.* Госполитиздат. 1944. 88 стр. 1 р. 50 к.

Книжка Н. Петровского — небольшая, но очень содержательная и своевременно написанная работа. Именно сейчас, когда вся Украина освобождена от власти оккупантов, когда все силы народные устремлены на восстановление разрушенных немцами сёл и городов, когда, наконец, украинский народ ещё и ещё раз мог убедиться в том, что великорусский народ отдаёт все свои силы на помощь своим братьям-украинцам, эта работа найдёт сочувствие как украинского, так и белорусского и великорусского читателя.

В этой небольшой книжке рассматриваются, в сущности, два вопроса: вопрос об общности происхождения Украины-Руси, Великой Руси и Белой Руси и вопрос о сложных исторических судьбах Украины, разорванной на части между Польшей, Литвой, Австрией и Россией и, наконец, в советское время объединённой и получившей своё государственное оформление в качестве равноправной союзной республики в составе Союза Советских Социалистических Республик.

Н. Петровский напоминает читателю о том, что восточные славяне — это корень современной Руси (Руси Украинской, Руси Великой, Руси Белой), даёт краткий, но насыщенный фактами очерк распада Киевского государства, которое «Повесть временных лет» считает единым восточнославянским государством и называет «Русской землёй», употребляя этот термин «в смысле территориальном, этнографическом и государственном» (стр. 4).

Автор очень удачно приводит высказывания других современников, пользующихся той же терминологией: слово митрополита Иллариона, описание путешествия игумена Даниила, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели земли Русской», где ясно говорится о единстве Русской земли.

Далее автор подчёркивает единство происхождения религии, языка и культуры Украины, Великороссии и Белоруссии, напоминает о том, что единства этого не забывали украинские политические деятели и в XVII в. и позднее. Единство признавалось не только на словах, но и в общей борьбе против иноземных захватчиков.

Татарское иго сильно ослабило русский народ. Апетиты соседних держав разгорались по мере ослабления Руси. Немцы, поляки, литовцы, венгры устремились на раздробленную и ослабленную татарами Русь.

В конце XIV в. Польша захватила Галицию, Венгрия — Закарпатскую Русь, в 30-х годах XV в. Польша заняла Подолию, Литва значительно продвинулась на восток. Однако включение старых русских земель в состав чуждых и враждебных Руси политических объединений не сломило воли украинского, белорусского, великорусского народов. Борьба за сохранение своей национальности усиливалась по мере увеличения польско-католического шляхетского гнёта и в конечном счёте привела к выступлению Богдана Хмельницкого во главе украинских народных масс против Польши, польской шляхты и ополчившегося украинского дворянства.

И в этот период взаимное тяготение украинцев и великороссов не прекращалось. Автор приводит ряд доказательств этого тяготения. Украинец Дмитрий Вишневецкий служил одно время в Москве и помогал ей в борьбе против турок и татар; украинские казаки принимали участие в походе русского войска на Крым в 1556 г.; Михайло Черкашенин помогал Москве в борьбе против татар в 1559 г.; северские князья в конце XV в. добровольно перешли из-под власти Литвы под власть московского князя; князь Михаил Глинский в 1508 г. поднял восстание против Литвы, в пользу Москвы. Устано-

вилась связь между запорожскими и дольскими казаками.

В то время как украинское дворянство, соблазненное привилегиями польской шляхты, отказалось от своего языка, веры, преданий, народная масса продолжала считать себя Русью. Руководители национально-освободительного движения открыто заявляли: «Отягощены мы, народ русский... игом более тяжёлым, нежели египетская неволя, ибо поляки, хотя и без меча, но тяжеле нежели мечём истребляют нас и наше потомство. Нам запрещены всякие занятия и ремёсла; чем может заниматься любой человек, того не может делать русин на своей законной русской земле, в исконном русском Львове» (стр. 21).

В своей книжке Н. Петровский разоблачает теории польских историков — М. Грабовского, К. Шайнохи, Т. Любомирского, А. Яблоновского, пытавшихся оправдать деятельность польской шляхты на Украине ссылкой на «историческую линию» шляхетской Польши, заключающуюся якобы в том, что только Польша могла внести в Украину «европейскую цивилизацию».

Автор приводит убедительные факты о силах украинского народа, способного создать и создавшего свою культуру в очень тяжёлых условиях шляхетского гнёта, от которого украинцы бежали на окраины, к своим братьям-великороссам.

Много места уделено в книжке вопросам религиозным, игравшим в средние века большую роль, а также вопросам церковного управления православной украинской церкви.

Автор подчёркивает постановку Хмельницким вопроса о западных границах Украины: «Totam Russiam Rubram usque ad Vistulam» (вся Червоная Русь по Вислу). Хмельницкий, конечно, не мог забыть столицу Галицкого княжества, построенную Даниилом Романовичем, — Холм — и речку Гучву, на которой сосредоточены были старейшие города дулебов-волынян ещё в VI—VII вв. нашей эры.

Старый спор с Польшей Хмельницкий разрешил очень легко — путём исторической и этнографической справки. Перед глазами Хмельницкого по обеим сторонам Западного Буга стояла масса его соотечественников, смотревших на него с надеждой, так же как и весь украинский народ.

В своей книжке Н. Петровский напоминает и о попытках отдельных официальных вождей Украины вернуть её под власть Польши, оторвать от России. Автор подчёркивает при этом, что украинский народ не поддавался этим попыткам и крепко держался за связь с народом великорусским.

Автор отмечает угнетательскую политику царской власти, особенно в конце XVIII и в XIX вв., по отношению к Украине, её языку, литературе, культуре.

Заканчивается книжка обзором состояния Украины при советской власти, подчёркивается её расцвет, прерванный вторжением германских захватчиков. Последние страницы книжки посвящены торжеству освобождения и восстановления Украинской ССР в составе могучего Советского Союза свободных республик.

Книжка читается с большим, волнующим интересом. Однако нельзя пройти мимо некоторых недочётов книжки.

Автор мало останавливается на чрезвычайно важном для понимания внутренней истории Украины вопросе о путях и особенностях формирования украинского народа. Он широко осветил основные факты борьбы украинского народа против иноземных захватчиков и угнетателей в XIV—XVII вв., но вместе с тем недостаточно показал борьбу украинского народа за свою национальную независимость и государственную самостоятельность. И, наконец, надо было бы шире показать совместную борьбу украинского и русского народов против царизма как душителя народов России, борьбу, которая ещё более сблизила оба братских народа.

Акад. Б. Греков

ТАЛЕНСКИЙ Н. А., генерал-майор. Первая мировая война (1914—1918 гг.). (Боевые действия на суше и на море). Госполитиздат. 1944. 126 стр. 2 р. 50 к.

Работа генерал-майора Н. А. Таленского, посвящённая изложению боевых действий на суше и на море во время первой мировой войны, вышла к тридцатилетию начала империалистической войны 1914—1918 годов. В научно-популярной форме, доступной широкому кругу советских читателей, автор осветил основные моменты развития стратегии и боевых операций войны 1914—1918 годов. Общеполитические и экономические вопросы, вопросы внешней политики и классовой борьбы как в странах Антанты, так и **Тройственного союза**, автор сознательно не рассматривает. С такой всеобъемлющей задачей нельзя справиться в небольшой по

объёму работе. В кратком предисловии автор мировую войну правильно оценивает как «следствие до крайности обострившихся противоречий главнейших капиталистических государств, стремившихся к переделу мира» (стр. 3). Используя преимущество в вооружённых силах, Германия развязала войну в 1914 году.

В первой главе книги рассматриваются планы войны и стратегическое развёртывание вооружённых сил основных государств; в последующих четырёх главах (II—V) даётся изложение военных операций в 1914—1917 гг.; кампании каждого года отведена отдельная глава; шестая глава посвя-

шена военному поражению и капитуляции германской коалиции. Кроме того несколько страниц (118—125) отведено подведению итогов и уроков первой мировой войны. Таково построение книги, которое мы считаем в целом удачным.

Автор справился и с основной поставленной им задачей. На основе фактического материала и в доступной форме он осветил важнейшие моменты в развитии войны. Вскрыты основные пороки германской стратегии: ошибочные расчёты на быстротечность войны, переоценка качества германской армии, непонимание роли России и восточного фронта в общем ходе войны. В книге показано материальное превосходство Антанты над Тройственным союзом во главе с Германией. Автор по-новому осветил роль русской армии в общем ходе войны и в конечном разгроме Германии. Книга подводит к основному выводу: армии Германии и её союзников были разгромлены на поле боя. Военный разгром послужил толчком к нарастанию революционного кризиса внутри страны. Такковы основные концепции автора, с которыми нельзя не согласиться.

В первой главе автор рассматривает военные планы воевавших сторон. В борьбе за мировое господство Германия на основе плана Шлиффена—Мольтке готовилась разбить своих противников в кратковременной войне. Свыше 40 лет Германия готовилась к войне на двух фронтах. Разгромив Францию, Мольтке уже в 1871 г. выдвинул идею подготовки Германии к войне против России и Франции. Н. Таленский просто и убедительно показывает отрицательные стороны плана Шлиффена. Рассчитывая на кратковременность войны, германский генеральный штаб и другие военачальники проявили непонимание современной войны и допустили ошибку. Эта крупнейшая ошибка имела роковые последствия для Германии и её коалиции, которые не располагали необходимым перевесом сил, чтобы выиграть длительную войну, и сделали ставку на молниеносную войну.

Автор даёт правильную характеристику французского плана. Согласно этому плану, «инициатива добровольно отдаётся противнику» (стр. 13). Следовало лишь яснее объяснить, почему французское командование, осведомленное об идее германского плана, не предприняло необходимых мер для защиты Бельгии и французской границы с Бельгией. Англичане, фактически возглавлявшие Антанту, не готовились к большой сухопутной войне; они надеялись возложить всю тяжесть борьбы на суше «на плечи своих союзников — французов и русских» (стр. 13).

Русский план войны в книге изложен недостаточно полно и ясно. Не рассмотрен вопрос, против кого из двух противников — Австрии или Германии — в интересах России нужно было нанести главный удар. Автор солидаризируется с основной идеей плана русского командования: «Интересы России требовали направления главных усилий против Австро-Венгрии с целью разгрома её» (стр. 13). Это положение дано в кни-

ге без всякого разъяснения и доказательства. Германский фронт по сложившейся стратегической обстановке для России «не был решающим» (стр. 14), — пишет автор. Между тем русское и французское военное командование всегда рассматривало Германию как главного противника. Сложившаяся обстановка не оставляла никакого сомнения в том, что русско-французское командование правильно предусматривало нанесение главного, основного удара германской армии. Если же согласиться с идеей автора книги, что собственные интересы России позволяли «уменьшить силы, предназначенные для борьбы с Германией, ведя на этом фронте оборонительные действия» (стр. 14), тогда рушится основная идея всей книги — идея взаимодействия и согласованности стратегии войны, защитником которой является автор.

Подводя итоги военных операций осенью 1914 г., автор совершенно правильно пишет: «В стратегической линии Восточная Пруссия — Марна достигалось взаимодействие двух фронтов. Ценою конечной оперативной неудачи в Восточной Пруссии был обеспечен важнейший стратегический результат — поражение германской армии на Марне, предопределившее провал основного стратегического плана германского генерального штаба. Расчёт германского командования разбить союзников поодиночке потерпел первый крупнейший провал» (стр. 31—32). Очевидно, этот провал плана германского командования был в интересах не только французской армии, но и русской. Мог ли получиться этот положительный итог, если бы русское командование проводило по отношению к Германии оборонительную тактику и ослабило свои силы? Была ли уверенность в том, что французская армия выдержит первые удары германской армии без помощи России? Необходимость коалиционной стратегии вытекала из слабости французской армии, нуждавшейся в мощной поддержке. Эту поддержку оказывала русская армия, бывшая достаточно сильной, чтобы разбить австрийцев и частью сил наступать против немцев. При ином сосредоточении сил против Германии идея коалиционной стратегии потерпела бы крах. В своей рецензии мы ограничиваемся лишь указанием на имеющееся противоречие в оценке автором русского плана войны с основной идеей всей книги. Нам кажется правильным отношение автора к данному вопросу, изложенное во второй главе.

В этой интересной главе автор в известной мере по-новому объясняет причины поражения германской армии на Марне. Поклонники плана Шлиффена и современные фашисты причины поражения германской армии видят в недостатках управления армиями со стороны ген. Мольтке и командующих немецкими армиями. Н. Таленский убедительно показывает порочность основной идеи Шлиффена, не считавшегося с соотношением сил и взаимодействием западного и восточного фронтов, осуществлённым в начале кампании. Уже в битве на Марне германская армия не имела численного и материального превосходства над армиями союзников, а

стратегия немецкого командования была слабее стратегии Жоффра. Огромная заслуга русской армии перед союзниками в тот момент состояла в том, что она оттянула на себя в решающий момент битвы значительные силы с правого крыла германской армии. Этот вопрос является теперь бесспорным, он признан французскими генералами и самим Мольтке. Поражение Германии на Марне и победа русских в Галиции над австро-венгерскими войсками заложили прочный фундамент здания победы стран Антанты. Этот единственно правильный вывод и делает автор в заключении своей книги (стр. 118). Однако в изложении галицийской битвы (стр. 32—33) не подчеркнута связь победы русской армии в Галиции с провалом германского плана ведения войны. Поражение австрийцев потребовало от немцев переброски на Восток новой армии. Автор показывает удачную перегруппировку русских войск в октябре 1914 г., обеспечившую выигрыш извангородско-варшавской операции.

В активности русского фронта, в величайшем напряжении и жертвах, понесённых русской армией, кроется в конечном итоге выигрыш Антантой кампании 1914 г., что являлось залогом окончательного крушения надежд Германии на молниеносную войну. Таков основной итог кампании 1914 года.

В 1915 г. ещё более увеличился масштаб войны. К обеим коалициям присоединились новые союзники: Италия — к Антанте, Болгария — к Тройственному союзу. Однако решающую роль в 1915 г. сыграл русский фронт. Его значение для общего хода войны показано в книге очень хорошо. Германское командование бросило против России свои основные силы, надеясь разгромить русские армии и вызвать политический кризис в стране. Русские армии оказались в исключительно тяжёлом положении из-за недостатка снарядов и винтовок. В трудных условиях, истекая кровью, русские армии отбивали атаки австро-германских полчищ. Главное командование удачно вывело войска из готовившегося окружения, вследствие чего «немцам не удалось окружить и разгромить русские армии... Потери были велики: русский солдат расплачивался своей кровью за промышленную и военно-техническую отсталость царской России, бездарность её генералов и отсутствие помощи союзников царской России» (стр. 47). Германия добилась ряда крупных тактических успехов, но они оказались на деле «вторым этапом поражения германской коалиции в войне 1914—1918 годов. Главной своей цели — вывода России из войны — германская коалиция не достигла» (стр. 53). Этот вывод автора совершенно бесспорен. При освещении хода военных действий на русском фронте автору нужно было упомянуть имя генерала Алексева. Заслуга отвода русских войск из Польши, как и победа в Галиции в 1914 г., связана с деятельностью этого талантливого генерала.

В 1916 г. немцы попытались перейти к решительным операциям на западном театре. Они начали грандиозное наступление на Верден. Союзники ответили наступлением

на Сомме. В этих операциях обе стороны потеряли свыше 2 млн. человек, но не добились решительного результата: немцам не удалось сломить сопротивление союзников у Вердена, а союзники не прорвали фронт немцев, они лишь заняли незначительную территорию, в 200 кв. километров.

Иначе протекали события на Востоке. Внимание всего мира опять приковал русский фронт блестящим наступлением генерала Брусилова, прорвавшего неприятельский фронт. В книге Н. Таленского хорошо показаны приёмы прорыва неприятельской укрепленной полосы, которые впервые применил Брусилов. Он добился выдающихся успехов одновременным наступлением на широком фронте, применением дробящих ударов на разных участках наступления. Чётко и ясно автор оценивает значение брусиловского наступления для дальнейшего хода войны: «Он (брусиловский прорыв. — А. С.) положил начало перелома в ходе войны. Вместе с наступлением англо-французских войск на Сомме он вырвал инициативу из рук немцев» (стр. 65). Автор указывает и на ошибки в руководстве операциями в лагере Антанты. Из-за отсутствия единого и согласованного плана страны Антанты не сумели добиться окончательного крушения Германии, хотя в итоге кампании 1916 г. «отчётливо выявилось превосходство сил Антанты, и стратегическая инициатива перешла к ней» (стр. 69). Следовало бы яснее отметить, что Румыния вступила в войну на стороне Антанты лишь после окончания брусиловского наступления. От участия в войне Румынии Россия не получила выгоды. Линия русского фронта удлинилась на 500 км, для защиты румынского фронта русское командование перебросило 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий (см. стр. 66).

Автор уделяет внимание и второстепенным фронтам, но изложение событий на балканском театре, на итальянском фронте, в Турции, Персии, Сирии, Месопотамии и Африке чересчур конспективное. Оно очень мало даёт для понимания общего хода войны. Изложение военных операций на море фактически ограничивается краткой характеристикой ютландского боя между английским и германским флотами. Морские операции других держав, в частности России в Балтике и на Чёрном море, в книге не отражены.

В 1917 г. Антанта уже имела значительное преимущество в людях перед противником. Однако внутренние противоречия среди союзников «в стратегическом руководстве войной» (стр. 71) мешали Антанте использовать это преимущество. Именно поэтому 1917 год принёс союзникам ряд неудач на суше. Германия сумела отразить атаки англо-французских войск, лишённых единого, твёрдого руководства. На море Германия применила новое «секретное оружие» — беспощадную подводную войну. Но она всё же не принесла ей победы. В 1917 г., в связи с революционным выходом России из войны, в лагере Антанты произошли большие изменения. Однако русский фронт продолжал сковывать значительные силы

германской армии. Итог 1917 г. был неблагоприятным для Антанты. Союзники не верили в возможность разгрома Германии и готовились перейти в наступление лишь в 1919 году.

Оценивая соотношение сил Антанты и Тройственного союза в начале 1918 г., автор условно признаёт, что при концентрации всех сил Германии и её союзников на западном фронте Германия имела некоторые шансы на успех в наступлении против Антанты до вступления в строй американских дивизий. Однако авантюризм германского руководства и погоня за мировым господством толкнули Германию на путь интервенции против Советского Союза, что ускорило её окончательное поражение.

Автор верно показал противоречия в лагере союзников (стр. 94—96). Эти противоречия Германия вновь попыталась использовать, начав успешное наступление весной 1918 года. Только после новых неудач Антанты создала единое командование войсками во Франции, во главе которого был поставлен Фош. Под его руководством германские армии были разгромлены осенью 1918 года. 8 августа было для Германии «чёрным днём». Он положил начало окончательному крушению германской армии. Германия была разбита прежде всего потому, что были исчерпаны её людские резервы. Уже в сентябре 1918 г. Людендорф признал войну окончательно проигранной (стр. 112—113) и во избежание катастрофы потребовал заключения перемирия.

Вывод автора в отношении Германии сводится к следующему: «В 1918 г. военное поражение на фронте сочеталось с политическим крахом внутри страны. Военное поражение облегчило, подтолкнуло развитие политического кризиса» (стр. 116). Автор правильно характеризует стратегию Антанты в 1918 г. как крайне осторожную. Союзники «переоценивали силу сопротивления Германии, рассчитывая закончить войну только в 1919 г.» (стр. 117). Между тем решительное наступление показало военную слабость Германии и привело к развалу её армии. Рассказ о военных событиях заканчивается изложением условий Компьенского перемирия.

Заключительные страницы книги (118—125) прочтёт с удовольствием и специалист-историк. Автор просто и ясно сформулировал основные выводы из опыта войны относительно стратегии, развития техники и появления новых видов оружия

(танки, авиация и химия), изменения характера боя и построения боевых порядков в армиях. Первый, основной вывод заключается в том, что Англия имела реальные возможности «разгромить германскую коалицию значительно раньше, чем это произошло» (стр. 119).

Далее, война показала, что окончить её несколькими выигранными сражениями нельзя, что её исход определяется, как указал товарищ Сталин, постоянными факторами, т. е. преимуществом в материально-техническом вооружении и людских резервах, а эти факторы были на стороне Антанты. Последний вывод: мировая война 1914—1918 гг. показала, что несмотря на мощное развитие техники и увеличение её влияния на ход боя главная роль попрежнему принадлежит человеку и от его морально-политического состояния зависит исход войны.

Всё вышесказанное показывает, что рецензируемая книга генерал-майора Н. Таленского будет читаться с интересом.

В заключение позволю выразить некоторые пожелания к следующему изданию этой интересной и полезной книги. В предисловии следует не просто упомянуть о политических кризисах, предшествовавших войне, а хотя бы перечислить их. Необходимо уточнить характеристику русско-английского соглашения 1907 г., иначе читатель может понять, что Англия присоединилась к русско-французскому военному соглашению. В первой главе полезно было бы указать на неподготовленность России к войне: военные планы России как в отношении сухопутной армии, так и флота были рассчитаны на выполнение лишь в 1917 году. Следует дать некоторое представление об организационном построении армии, о численном составе регулярных армий накануне войны.

Книга много выиграла бы, если бы идея стратегического сотрудничества между армиями союзников была рассмотрена более подробно. Необходимо усилить внимание к оснащению армии техникой и новыми видами оружия, появившимися в ходе войны. Совершенно недостаточно коснуться этих вопросов лишь в заключении. В отношении русского генералитета пора провести размежку, выделив наиболее способных генералов из общей массы, иначе всё положительное, что было в армии, огульно приписывается всему русскому верховному командованию, которое не имело заслуг.

Проф. А. Сидоров

«Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». Сборник статей под редакцией проф. З. Р. Неядлы. Институт истории Академии наук СССР. Госполитиздат, 1944. 224 стр. 4 руб.

Славянский народ впервые выступает на историческую сцену под названием веныды, или вениды, в I—II вв. н. э. в области р. Вислы и Балтийского поморья. У историков VI в. н. э. славянский народ

веныды, или вениды, известен под двумя названиями: славяны, т. е. славяне, и агаты. По данным этих историков, славяне занимали территорию Западной Европы, а агаты — Восточной Европы, от устья Ду-

ная на восток вдоль побережья Чёрного и Азовского морей, и отсюда распространялись на север, в глубь страны, занимая «неизмеримые» пространства. Таким образом, в VI в. н. э. славянские племена жили на обширной европейской территории, начиная от Дона, верховьев Оки и Волги на востоке и вплоть до реки Лабы (Эльбы) и бассейна её притока р. Салы, или Заалы, на западе, переходя на левый берег Эльбы. Здесь в VIII в. король немецкого народа — франков — Карл, прозванный Великим, по соглашению со славянами провёл так называемую «славянскую границу», которая отделяла славян от немцев.

В это время славяне жили ещё разрозненными племенами. Племена возглавляли старейшины, или вожди, или князья племени. Общественно-производственные отношения славян в те времена покоились на основе патриархально-родовых отношений, но уже на более высокой стадии их развития. Эта стадия развития известна в истории под названием «военной демократии» и представляла собой переходную ступень от родового строя к феодальным отношениям и феодализму. Жившие же на западе, по соседству со славянами, немцы к VIII в. уже имели централизованную феодальную государственность, сложившуюся на основе разбойничьих захватов соседних земель. Типичным средневековым захватчиком был названный выше немецкий император Карл I (768—814). Путём жесточайшего террора и насилий этот средневековый варвар-завоеватель создал обширное немецкое государство, включив в него всю территорию нынешних Франции, Бельгии и Голландии, земли славянского народа — словенцев — в верховьях рек Дравы и Савы, Северную и Центральную Италию с городом Римом и северовосточную часть Испании до р. Эбро, и назвал его Западноримской империей. С именем Карла Великого связывается и начало разбойничьего наступления немецких захватчиков на славянский Восток, известного у немцев под названием «Дранг нах Остен».

Первая попытка государственного объединения в целях самообороны у западных славян — чехов, моравов и паннонских словенцев¹ — относится к VII веку. Организатором этого государственного объединения был некто Само, повидимому, один из наиболее влиятельных вождей, или князей чехо-моравских и паннонских словенских племён. Государству Само удалось свергнуть тяжёлое аварское иго. Авары — кочевой народ из приазовско-каспийских степей, с разрешения Византийской империи (Константинополь) поселившийся в Паннонии и подчинивший себе местное славянское население. Покончив с аварами, молодое, не окрепшее ещё государство Само вынуждено было отбиваться от злейшего врага славян с запада — немцев — и разбить армию франкского короля

Дагоберта I (622—638). В 658 г. Само умер, и организованное им первое государственное объединение западнославянских племён распалось. Это облегчило немцам дальнейшее завоевательное наступление на славянский Восток, представленный отдельными, разрозненными славянскими племенами, оказавшимися лицом к лицу с мощной военной силой немецкой централизованной феодальной государственности.

В рассматриваемом сборнике этой теме посвящена первая глава статьи проф. В. И. Пичеты «Борьба западных славян против германской агрессии до начала X в.» — «Государство Само» (стр. 42—43).

Сжатый очерк истории и характеристика немецкого «Дранг нах Остен», начиная с IX в. и кончая первой мировой войной, даны в интересной статье проф. З. Р. Неядлы под тем же заглавием (стр. 31—42). Но, к сожалению, статья в первой своей части, посвящённой начальному периоду захватнических наступлений немецких разбойников на славянский Восток, лишена необходимого исторического материала.

После смерти Само (658) чехо-моравские славяне продолжали вести неравную борьбу против превосходящих сил немецких захватчиков и находились под немецким игом до тех пор, пока союз чехо-моравских племён не вырос под руководством князя Моймира (818—846) в государственное объединение, известное в истории под названием «Великоморавское княжество» (818—906). Назойливым претендентом на «жизненное пространство» чехо-моравского народа выступил Людовик I Немецкий (804—869). Вооружёнными вторжениями извне и интригами внутри страны он не давал покоя чехо-моравскому народу, во главе которого после Моймира стоял знаменитый в истории славянской культуры князь Ростислав (846—869). В 864 г. Людовик захватил Чехо-Моравию в свои хищные лапы и подверг её разгрому и грабежу, которые продолжались и при преемнике Ростислава — Святополке. Народное восстание против немецких захватчиков 871—874 гг. освободило на время народы Чехо-Моравии от немецкого ига.

С именем князя Ростислава связывается блестящая страница в истории славянской культуры и письменности. По инициативе этого князя в Моравии вели широкую культурно-просветительскую деятельность солунские братья Константин (Кирилл) и Мефодий, создатели славянской азбуки, авторы первых книг на славянском языке и основоположники богослужения западных славян на родном для народа, славянском языке. Подробно этот период в истории борьбы чехо-моравского народа против немецких захватчиков освещён во второй главе статьи проф. В. И. Пичеты «Борьба западных славян против германской агрессии до начала X в.» — «Великое Моравское государство» (стр. 44—48). Неизвестно, по какой причине и проф. З. Р. Неядлы и проф. В. И. Пичета вместо обычного для русского языка имени Свя-

¹ Паннония — территория, расположенная между реками Дравой и Дунаем.

тополк вводят в русский текст чешское произношение этого имени—Сватоплук(?!). Если бы в русском языке не было имени Святополк, тогда было бы естественно в русской книге видеть имя или любое отсутствующее в русском языке слово на языке того народа, которому принадлежит это имя или слово. Но заменять русское «Святополк» чешским «Сватоплук» нет никакой надобности.

Насилия немцев над чехо-моравским народом продолжались и после смерти Святополка, в эпоху «Богемского княжества», с конца IX до середины XI в., когда, в частности с 906 г., словацкий народ подпал под венгерское иго, от которого избавился только спустя тысячу лет, в результате чехословацкой революции 1918 года. Эти страницы истории борьбы чехо-моравских славян против немецких захватчиков в рассматриваемом сборнике, к сожалению, не получили надлежащего освещения. Но, начиная со времени чешского короля Бжетислава I (1037—1055) и до середины XV в., история борьбы чехо-моравского народа против немецких захватчиков отражена в сборнике с исчерпывающей полнотой в статьях проф. В. И. Пичеты «Борьба Чехии и Польши против германской агрессии (X—XIII вв.)» (стр. 60—67) и проф. Н. П. Грацианского («Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XV в.») (стр. 67—80).

В статье проф. В. И. Пичеты даётся также подробный очерк истории борьбы польского народа против немецких захватчиков с X по XIII в. и в статье проф. Н. П. Грацианского — с XIII в. до середины XV века. В своей обстоятельной статье проф. Грацианский с особым вниманием останавливается на гуситских войнах (XV в.), представляющих собой блестящую страницу в истории борьбы славянских народов за свою свободу и независимость.

Как мы отметили выше, начиная с VIII в. шло систематическое, непрерывное наступление немецких захватчиков на полабские и прибалтийские, яли поморские, славянские племена, т. е. на славянские племена, жившие в бассейне р. Лабы (Эльбы) и на восток от неё, по Балтийскому побережью вплоть до р. Вислы. Впервые это наступление начал Карл Великий в 782—789 гг. завоеванием полабских сербов и лютичей. Завоевание полабских славян, которое начал в конце VIII в. Карл, усердно продолжали Генрих I в IX в. и особенно Оттон I в X в. и их преемники. Почти четыреста лет полабские и поморские славяне мужественно и стойко отбивались от немецких захватчиков, борясь против насильников, за свою свободу, культуру и политическую независимость. Однажды завоёванные, они вновь восставали против своих поработителей и вели против них упорную борьбу. Эта борьба стоила немцам неисчислимых жертв, но это не останавливало немецких палачей в их завоевательном движении на славянский Восток.

Наступление на славянские племена немецкие разбойники — короли, бароны и князья церкви — вели под лозунгом приобщения «дикарей-славян» к христианскому просвещению и римско-немецкой цивилизации, за которым в действительности скрывались порабощение славян и захват их территории, или, как говорят немецкие теоретики захватнической политики своих королей, «жизненного пространства» для немецкого народа. Наступление немецких разбойников на полабских и поморских славян сопровождалось разбоем, грабежами и невероятными зверствами по отношению к славянскому населению.

В рассматриваемом сборнике героической многовековой борьбе полабских славян против немецких захватчиков посвящена содержательная, богато насыщенная конкретным материалом статья проф. Грацианского «Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века» (стр. 48—60). Богатые материалы, которые использовал автор для этой статьи, свидетельствуют, между прочим, о том, что, вопреки утверждениям фашистских историков и теоретиков «чистоты» немецкой расы, полабские славяне не были совершенно уничтожены немецкими извергами. И после того как сопротивление их было окончательно сломлено немецкими завоевателями, они продолжали жить в XII в. и в последующих веках в большом количестве повсеместно на своих старых местах к востоку от р. Лабы, в том числе и в Бранденбурге — основной провинции современной Пруссии, — рядом с новыми германскими поселениями. «Часто немцы селились в одной и той же деревне со славянами и смешивались с ними. Такое же смешение, — говорит автор, — наблюдалось и в городах, где славяне пополняли собой ряды бюргерства и ряды патрициата. Часто монастыри, знать и князья (немецкие и местные) приглашали в качестве колонистов на пустые земли не только немцев, но и славян, которые получали, по видимому, то же устройство, что и немцы. Славянская знать быстро германизировалась, усваивая немецкие обычаи, масса же славянства в течение ряда столетий упорно отстаивала свою самобытность, и ещё в XVIII в. славянская речь звучала по обе стороны Лабы. В общем, вопреки утверждениям ряда современных фашистов, — заключает автор, — говорить о «чистоте» немецкой крови в Бранденбургско-Прусском государстве — этом основном ядре империалистической и фашистской Германии — никак не приходится. Население здесь издавна было славяно-германо-прусским, т. е. смешанным» (стр. 59—60).

Заключение проф. Грацианского совершенно правильно, а приведённый им материал опровергает фашистские расовые теории. Но, рисуя непрерывность полабского славянского населения на всём пространстве современной Пруссии и после XII в., автору следовало бы резче выделить действительное положение вещей в завоёванных немцами славянских областях, о чём Марке кратко, но выразительно заметил: «Там, где жилаей (славян. — Н. Д.) не

истребляют, их обращают в рабство»¹. Впрочем, и сам автор приводит вопиющие факты зверских насилий немцев над славянами. Так например, говоря о завоевании Генрихом Птицеловом (919—936) племени лужицких сербов — лютичей — и овладении немцами, после двадцатидневной осады, их городом Ганой, автор отмечает: «Разграбив город, саксы варварски перебили в нём всё взрослое мужское и женское население, а детей увели в рабство» (стр. 49). Несколькими строками ниже, говоря о победе немцев над лютичами, которая досталась немцам дорогой ценой, автор замечает: «Озлобленный этим уроном, Генрих распорядился перебить захваченных в плен 800 безоружных славянских пленников». Особенно отличался зверствами по отношению к славянам, принимавшими садистский характер, немецкий король Оттон I (936—973). Один из его ставленников, некто Герон, «однажды пригласил к себе 30 славянских князей и во время пира злодейски их всех умертвил» (стр. 50). «Осенью 955 г., — рассказывает автор, — Оттон лично предпринял поход за Лабу. Славяне выслали к Оттону послов с обещанием платить дань, если им будет оставлено их внутреннее устройство. В противном же случае они грозили оружием защищать свою свободу. Соглашение не состоялось, и Оттон, предавая всё огню и мечу, углубился в славянскую территорию. В завязавшейся битве у реки Раксы дело опять решило в пользу немцев их тяжёлая конница, против которой не могла устоять славянская пехота. Славяне были разбиты, и их предводитель князь Стройгнев был убит. На другой день немцы зверски казнили 700 славянских пленников, а у главного советника Стройгнева выкололи глаза, вырезали язык и в таком виде оставили среди убитых» (стр. 51).

Говоря о борьбе немецких захватчиков против мужественного князя ободритов Никлота (середина XII в.), автор рассказывает: «Немцы варварски опустошили страну, по которой проходили, зверски истребляя жителей и убивая даже пленных. Никлот сизряжал постоянные вылазки из крепости и истощал немцев летучими нападениями, особенно стараясь истреблять отряды, посылаемые за продовольствием. Во время одной стычки с немцами, когда отважный славянский князь ворвался в толпу врагов, он был убит, покинутый своими соратниками, и немцы долго издевались над трупом своего страшного недруга: они водрузили его голову на кол и с торжеством носили её по лагерю» (стр. 57—58).

Эти примеры немецкой «доблести», «культурности» и «героизма» характерны для немецких варваров-захватчиков не только далёкого средневековья, но и всех последующих времён, кончая Гитлером и его фашистской сворой, воспроизводящими в своих злодеяниях нравы и обычаи средневековых немецких варваров, впрочем, со значительным качественным и количест-

венным превышением «достижений» своих учителей.

Автор утверждает, что славянский элемент населял с древнейших, исторически засвидетельствованных времён всю территорию современной Пруссии и путём насильственного онемечения вошёл в состав её населения, так что говорить о «чистоте» немецкой крови не приходится. Читателю также было бы интересно узнать, что на означенной территории до сих пор продолжает сохраняться огромное количество старых славянских названий областей, рек и населённых пунктов в позднейшей, германизированной форме. Так например название группы прибалтийских славян — поморяне — продолжает бытовать до сих пор в немецком названии населённой некогда ими области Померания. Современный немецкий город Любек — это древний славянский Любиче; Шверни — это славянский Зверни; немецкий Бренабург — славянский Бранибор («оборонный лес» или «лес обороны»); немецкий Росток продолжает до сих пор сохранять своё старое славянское название; Лейпциг — славянский Липск; Хемниц — славянский Камонец и т. д. Кроме того читателю было бы интересно узнать, что от многомиллионного некогда славянского населения, занимавшего огромные пространства между реками Лабой на западе и Вислой на востоке, Балтийским побережьем на севере и северными границами современной Чехословакии на юге, до наших дней уцелели от погрома и денационализации немецких варваров некоторые славянские народы: Кашубы — народ, родственник полякам, — живут у дельты р. Вислы (около 200 тыс. человек), словинцы — на Балтийском побережье, неподалеку от кашубов, у Лебского озера (около 200—250 человек), лужицкие сербы, или сербы-лужичане, — в бассейне реки Спревы (Шпре), притока реки Одры (Одер) (около 150 тыс. человек).

С XIII в. немецкие захватчики в лице рыцарей так называемого Ливонского ордена, захватив земли литовских племён — пруссов и ливов, лейтов (латыши), латгалов и эстов, — начали наступление на русские северозападные области Полоцка, Смоленска, Пскова и Новгорода. С 1214 г. началась длительная, напряжённая и непрерывная борьба новгородцев и псковичей против вторжения и грабежей немецких рыцарей, закончившаяся 5 апреля 1242 г. на Чудском озере катастрофическим поражением немецких рыцарей. Это поражение нанесли немцам псковичи, новгородцы и суздальцы под командованием князя Александра Ярославича Невского. Эта славная победа русского народа над немецкими «псами-рыцарями» больно ударила по рукам немецких захватчиков и надолго отбросила их от русской границы. Но и после этого урока немцы не унимались. Закоренцелые хищники, разбойники и убийцы, они не расставались с сумасбродной мыслью о захвате русских земель в течение всех последующих семисот лет, вплоть до настоящего дня. Все эти семисот лет русский народ беспощадно бил своего злей-

¹ Архив Маркса и Энгельса, Т. V.

шего врага — немецких захватчиков. В 1410 г. под Грюнвальдом, на территории Восточной Пруссии, русский, украинский, белорусский, польский, чешский и литовский народы объединёнными силами нанесли немецким рыцарям второй сокрушительный удар. Русский народ бил немецких захватчиков во время Семилетней войны (1756—1763) у деревни Гроссегерсдорф 30 августа 1757 г., у Цорндорфа в июне 1758 г., при Кунерсдорфе 12 августа 1759 г. 9 сентября 1760 г. русские войска взяли столицу «непобедимого» Фридриха II Великого — Берлин. В 1812 г. били они немцев, входивших в состав наполеоновской армии, жестоко и неоднократно били они немецких захватчиков Вильгельма II в первую мировую войну 1914—1918 гг. и особенно в 1918 г. на Украине и в Белоруссии. И, несмотря на все эти поучительные уроки прошлого, разбойничья мечта немецких захватчиков завоевать Россию и превратить её в немецкую колонию никогда не выходила у них из головы и вновь ожила в гитлеровском диком плане «молниеносной войны» против России, который немцы ещё раз попытались осуществить, вероломно вторгшись 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза.

Начиная разбойничье наступление на русский народ, Гитлер хвастливо заявлял: «Мы начинаем там, где закончили 600 лет назад», подчёркивая, таким образом, ещё раз захватнический характер войны гитлеровской Германии против Советского Союза. Но он предусмотрительно умолчал при этом о катастрофе, которой около 600 лет назад (в 1410 г.) закончилась для немецких захватчиков преступная восточная авантюра тевтонских рыцарей.

Все изложенные выше крупнейшие события в истории многовековой борьбы русского народа против немецких захватчиков в рассматриваемом сборнике дабы в очень интересном, но крайне сжатом, к сожалению, очерке проф. В. И. Пичеты «Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян» (стр. 6—19, 29—31). В этом же очерке читатель найдёт и несколько страниц, посвящённых начальному периоду борьбы сербского народа против австро-немецкой агрессии, начиная с восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и до начала первой мировой войны (стр. 19—28).

XIX век в истории всех славянских народов открывается славными страницами их культурно-национального возрождения, во главе которого шёл чешский народ. Этим страницам в рассматриваемом сбор-

нике посвящена прекрасная статья проф. Неедлы «Национальное движение славян в XIX в.» (стр. 94—107). Автор даёт в ней анализ основных экономических и идеологических предпосылок славянского возрождения и знакомит читателя с важнейшими фактами в области культурно-национального и национально-политического освободительного движения у славян, которыми характеризуются славянское возрождение и славянское национально-освободительное движение в своих важнейших этапах на протяжении всего XIX века

Особое внимание автор уделяет славянским народам, томившимся под австрийским игом: чехам, хорватам, словенцам, — вскользь упоминает о поляках и почти не касается национально-освободительного движения южных славян, болгар и сербов. Продолжению этой темы проф. З. Р. Неедлы посвящает в рассматриваемом сборнике следующую, не менее интересную статью «Борьба славянских народов за национальную независимость в первую мировую войну 1914—1918 гг.» (стр. 107—118).

Вторая часть рассматриваемого сборника посвящена героической борьбе славянских народов против гитлеровской агрессии. Сюда входят статьи проф. З. Р. Неедлы «Гитлеризм — злейший враг славянства» (стр. 119—126) и «Чехословакия» (стр. 127—150); статьи У. А. Шустера «Польша под властью германских оккупантов» (стр. 150—179), С. Зинича «Борьба народов Югославии против германских и итальянских оккупантов» (стр. 180—198) и Р. К. Караколова «Болгария» (стр. 198—222). Все названные статьи написаны специалистами, славянскими историками, обильно насыщены конкретным материалом и дают в общем достаточно исчерпывающую и яркую картину зверств фашистских негодяев в славянских странах и самоотверженной борьбы славянских народов против гитлеровской агрессии.

Подводя итог, следует признать, что рассмотренный сборник представляет собой полезное, общедоступное пособие для ознакомления с историей борьбы западных и южных славянских народов против наглых немецких захватчиков, присосавшихся, как отвратительный паразит, к славянскому народу и в течение свыше тысячи лет непрерывно отравлявших жизнь славянских народов грабежами, насилиями и разбоем.

Исторические победы доблестной Красной Армии над гитлеровскими полчищами несут освобождение славянским народам от фашизма.

Акад. Н. Державин

НЕЧАЕВ Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России. Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. М. 1944. 120 стр. 7 р. 50 к. В приложениях даны девять архивных документов.

В годы царствования Петра I произошёл резкий поворот в истории развития русского государства. Российская империя стала одной из наиболее сильных в то время европейских держав. Основой её экономической политики было стремление организовать в стране такую промышленность, чтобы не было необходимости ввозить из-за границы промышленную продукцию. Особенно необходимым стало создание своей металлургической базы и промышленности, обслуживающей нужды армии (металлообрабатывающей и др.). Всё это было, по определению товарища Сталина, своеобразной попыткой Петра I «выскочить из рамок отсталости». Петру I не удалось ликвидировать отсталость России, но он достиг значительного продвижения страны вперёд.

Центром крепостнической металлургии в XVIII в. становится Урал. Он долго был основной кузницей и арсеналом для России. Богатые недра Урала позволили Петру I перевооружить армию и создать флот, а также обеспечить металлом получившее в то время широкий размах строительство русских крепостей и новых городов. На Урале быстрыми темпами создавались горные заводы. Развитию уральских заводов много способствовал первый начальник их, верный и талантливый последователь Петра — В. Н. Татищев. Одной из многообразных сторон деятельности Татищева является организация им первых горнозаводских школ.

Горнозаводские школы были созданы с целью подготовки своих, русских специалистов — техников и мастеров горнометаллургической промышленности — для новых уральских заводов. При каждом заводе была организована такая школа. В горнозаводских школах было до 700 учащихся — количество большое для того времени. В петровскую эпоху произошёл бурный рост русской культуры: были открыты многочисленные светские школы, основана Академия наук, выпущена первая газета, открыт театр, введены гражданская азбука и европейское летоисчисление. В тесной связи с общим развитием русской культуры находится организация горнозаводских школ. Они подготовили среднее и высшее звенья технического персонала уральских заводов. Среди воспитанников этих школ было немало талантливых техников. Достаточно указать, что в горнозаводских школах учились великие русские изобретатели Кузьма Фролов и Иван Ползунов. Талантливый изобретатель Фролов создал крупнейшие в Европе XVIII в. гидротехнические установки для откачки воды из рудников. Гениальный теплотехник Ползунов создал в 1763 г. паровую машину, наиболее совершенную в то время. Это была первая в ми-

ре паровая машина, приспособленная для нужд металлургии.

Уральская горнометаллургическая промышленность в XVIII в. достигла высшего расцвета и господствовала не только в России, но отчасти и в Европе. И в этом большую роль сыграли воспитанники горнозаводских школ.

В истории горнозаводских школ следует также искать истоки профессионального образования в России, получившего в Советском Союзе исключительный размах. Задаче исследования истоков профессионального образования в России на основании изучения материалов об уральских горнозаводских школах первой половины XVIII в. посвящена рецензируемая работа. Эта работа является первой специальной монографией, посвящённой зарождению русской профессионально-технической школы. Автор дал полную картину возникновения и развития школ при горных заводах Урала в первой половине XVIII в. на основе анализа собранных им архивных и литературных материалов.

В своей работе Н. Нечаев делает вывод, что уральские горнозаводские школы положили начало специальному горному и профессиональному образованию в нашей стране. Автор правильно подчёркивает, что «школы уральских заводов выпускали квалифицированных работников и обеспечивали уральские заводы подготовленным техническим персоналом» (стр. 5—6).

Н. Нечаев не только собрал материал, но и сумел проанализировать его, заполнив тем самым большой пробел в истории развития нашей страны. Автор показал роль и значение первых русских теоретиков (В. Татищев) и практиков (главный межевщик Юдин) профессионального образования.

Показывая преемственность горнозаводских школ и профессионально-технического образования в СССР, автор правильно отмечает огромное значение производственного обучения. В главе «Обучение школьников на производстве» он показывает, как учащиеся горнозаводских школ проходили производственное обучение на шахтах и заводах.

Глава «Строительство школ при горных заводах Урала» — центральная по своему положению и узловая по количеству поставленных в ней проблем. Организация горнозаводских школ на Урале — одна из многочисленных сторон деятельности Татищева. Нечаев даёт Татищеву справедливую оценку, в частности объективную оценку ему как администратору. Сам Татищев высоко ценил свои практические занятия, в частности организацию школ, и называл их «знатными делами». «Если бы он

(Пётр I.— Н. В.) в чужие края меня не посылал, к делам знатым не употреблял и милостию не ободрял, то я бы не мог ничего того получить». В 1724 г. Татищев отправлен был в Швецию «для призыва мастеров, потребных к горным и минеральным делам» (стр. 23). У лютого своего врага — шведов — Россия не считала зазорным учиться. И в этом состояла сложность поручения Татищева.

В работе Н. Нечаева описана борьба В. Татищева и против немецкого засилья. Бирону показалось подозрительным предложение Татищева в 1735 г. перевести немецкие названия горных чинов на русский язык. Бирон «так сие за зло принял, что не однажды говаривал, якобы Татищев главный злодей немцев».

В работе Нечаева не показано влияние войны на школы. Автор неоднократно касается событий, которые можно объяснить только военными соображениями, но он почему-то обходит их. Войны 40-х годов XVIII столетия потребовали огромного количества металла, а следовательно, усиленного выпуска кадров из школ.

Можно было бы привести ещё отдельные поставленные, но не решённые автором проблемы возникновения и развития горнозаводских школ. Но это не уменьшает ценности проделанной Н. Нечаевым работы. Исследование Н. Нечаева является значительным вкладом в историю профессионально-технической школы.

Проф. Н. Волков

Архивный отдел Управления НКВД по Ленинградской области. «Зверства немцев в войну 1914—1918 гг.» (из документов первой мировой войны). Составили З. Михайлович и Л. Полянская. Предисловие акад. Е. Тарле. Лениздат. 1943. 114 стр. 4 руб.

НИКИТИН М. Н., Вагин П. И. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области. Лениздат. 1943. 176 стр. 8 руб.

Единая цепь преступлений соединяет разбойничье воинство Вильгельма с ордами плодоеда Гитлера. Поэтому обе рецензируемые книги дополняют друг друга и обличают не только непосредственных виновников зверств, но и ту веками складывавшуюся в Германии систему, которая именуется «пруссачеством».

«В 1941—1943 годах наблюдалось лишь усиление немецкими садистами той практики, которая процветала в оккупированных русских районах уже в 1914 и последующих годах,— пишет в предисловии к первой книге акад. Тарле.— Ни малейших качественных принципиальных отличий между немецкой военщиной 1914 года и военщиной 1941—1943 годов усмотреть нельзя» (стр. 7).

В самом деле, если взять на выдержку несколько примеров из соответствующих разделов обеих книг, то почти невозможно установить, какие из них относятся к первой мировой войне, а какие — к нынешней.

В первой работе зафиксирован следующий факт: «Команда поджигателей из германских солдат... поджигала дома... Во дворах, где находились женщины, давали залпы и группы убитых бросали в огонь» (стр. 16). «Германский солдат-кавалерист посадил на пику пятилетнего ребёнка, искавшего своих родителей, повертел его на ней несколько раз в воздухе, а затем швырнул на тротуар» (стр. 12).

Во второй книге читаем: «Когда палачи расстреливали население из пулемётов, матери своими телами прикрывали крошек, думая, что хоть детей пощадят палачи. Но

нет, именно детей с особым сладострастием уничтожали немецкие инквизиторы. Личики детей и тела их обезображены ударами немецких сапог, изорваны штыками» (стр. 23).

Первая цитата заимствована из отчёта Чрезвычайной следственной комиссии Государственной думы о разгроме города Калиша в 1914 г., вторая — из описания зверств немцев в деревне Червинская Лука, Ленинградской области, в 1941 году.

Обе книги содержат неопровержимые доказательства того, что преступления немецкой солдатни являются прямым следствием системы ограбления и истребления нашего народа, проводимой в жизнь властями Германии всякий раз, как им удаётся захватить часть русской территории.

В приказе германского командования от 14 августа 1915 г., помещённом в книге «Зверства немцев в войну 1914—1918 гг.», грабёж попросту вменялся в обязанность солдатам: «Никакие просьбы русского населения оставить ему хоть часть таких вещей (имеются в виду продовольствие, скот, одежда и шубы.— В. Г.) не подлежат исполнению» (стр. 19). А 15 января 1943 г. «начальник Новоржевского района» угрожал колхозникам, что если в течение 10 дней они не выполнят грабительского «плана» поставок оккупантам, то их деревни будут сравнены с землёй. И это не пустая угроза: в книге приведён далеко не полный список сёл и деревень, сожжённых и разрушенных немецко-фашистскими варварами на территории Ленинградской области. В этом списке 251 название!

В конце книги «Зверства немцев в войну»

1914—1918 гг.» дано приложение — целая фотогалерея пыток, открыто применявшихся в немецких лагерях к русским военнопленным. Многочисленные фотоснимки с полной очевидностью подтверждают виновность германских властей и командования во всех этих преступлениях.

В книге «Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей» показано множество «достижений» гитлеровской техники истребления русских людей: женщины и дети, расстрелянные с самолётов, добротные сделанные виселицы в Порхове, Луге, Пскове.

Но, как ни страшно содержание обеих книг, читатель закрывает их не с чувством уныния, а с чувством гордости за свой народ, никогда не покорявшийся немецким мерзавцам.

Волнующее впечатление производит рассказ ефрейтора Захарченко о том, как тысяча русских военнопленных, которых, в нарушение всех международных правил, в мае 1915 г. послали рыть окопы, отказалась выполнять эту работу. Ни избиения, ни пытки, ни расстрел не поколебали стойкости русских людей. В конце концов немцы вынуждены были уступить: пленных перевели на другую работу.

Почти 25 лет спустя — 10 февраля 1943 г. — в деревню Сево, Ленинградской области, ворвался немецкий карательный отряд и потребовал, чтобы колхозники указали, где скрываются партизаны. Среди 105 жителей деревни не нашлось ни одного предателя, ни одного малодушного. Почти все они погибли от рук немецких палачей (25 из них были заживо сожжены), но партизан не выдал никто.

В заключение отметим некоторые недостатки этих содержательных и прекрасно изданных в тяжёлых условиях блокады сборников. В книге «Зверства немцев в войну 1914—1918 гг.» почти совершенно не использованы немецкие документы. В сборнике таких документов только два, да и

те переведены и подготовлены к печати из рук вон плохо. Так, в уже цитированном приказе по немецкой дивизии от 14 августа 1915 г. (стр. 19) не указаны ни номер её, ни район действия. Немецкий солдат, именуемый «Тавлом» (вместо «Пауля»), рассказывает о «домовых» (вместо «домашних») обысках (стр. 16—17).

Второй сборник при всех его достоинствах всё же является неполным. В нём почему-то ничего не говорится об ужасах немецких лагерей для военнопленных, хотя таких лагерей на территории Ленинградской области было немало.

Далее, если в первом сборнике наряду с немцами справедливо приговорены к позорному столбу и их венгерские холопы, то во втором сборнике совсем не отражены злодеяния бывших «союзников» Германии. А между тем на территории Ленинградской области почти три года бесчинствовали и финны, которые кое в чём даже превосходили немцев (см., например, статью Н. Тихонова «Финские звери»). Их преступная деятельность неотделима от зверств гитлеровцев потому, что Финляндия была вассалом Германии и действовала по её указке.

В многострадальной Ленинградской области орудовали также уголовники из ряда западноевропейских стран, объединённые в так называемые легионы. Об их чёрных делах в книге тоже почему-то нет ни слова.

Вызывает недоумение приведенный в сборнике список советских граждан, убитых немецкими палачами в оккупированных районах Ленинградской области с 1941 г. по март 1943 г.: в нём значится всего 481 человек! Правда, в книге имеется примечание, что список составлен по неполным данным. Непонятно всё же, что это за данные: по Тихвинскому району, например, где немцы убили большое количество людей, в список включён всего один человек! Такой список только дезориентирует читателя.

В. Голант

ТИСЬЕ ПЬЕР, полковник. Я работал с Лавалем. Лондон. 1-е изд. 1942; 2-е изд. 1944.

TISSIER PIERRE, lieut.-colonel. I worked with Laval.

Какая характерная для нашего времени книга! Сколько мы их уже перечитали, этих запоздалых французских покаянных признаний, исповедей на английском языке!..

Тисье долгое время был секретарём Лавала, но он ушёл от Лавала и бежал в Англию. Что такое Лаваль, Петэн Лагардель, Жан Кьяпп и т. п. гнусные предатели и презречнейшие гитлеровские лакеи, это Тисье знает, и когда он даёт характеристику всех этих и многих других французских политических персонажей, то он не пробует их оправдывать. Но у русско-

го читателя остаётся от чтения этой занимательной книжки привкус какого-то досадливого недоумения и порой даже раздражения. Не появляется у читателя того доверия, которого ищет всякий автор, а особенно такой, который повествует с себе самом, о своей роли в излагаемых событиях, о своей личной позиции при политических встречах. Когда вы читаете, например, книгу Гюго о перевороте 2 декабря или любую пламенную строку, направленную им против Наполеона III, то вам и в голову не может придти вопрос: искренен ли Виктор Гюго или не искренен?

Так ли в самом деле он сердится на императора или он прикидывается и преувеличивает истинные свои чувства? А когда читаешь полковника Тисье, то — увы! — скептицизм с каждой страницей одолевает тебя всё с большей силой. Давно уже кем-то было сказано: от кого угодно можно укрыться, но только не от своего слога. И Тисье выдаёт себя своим слогом, или, точнее, своей манерой. Так не пишут о подлых предателях, втоптавших Францию в кровавую грязь, подвергших эту несчастную страну такому позору, таким истязаниям, такому ограблению, такому моральному и материальному уничтожению, какому редко когда в истории подвергалась какая бы то ни была держава.

Зачем нам знать, что Лаваль носит белые галстуки и что он хорошо выдал замуж дочку? Мы думаем не о его белых галстуках, а о том, как будет идти ему к лицу будущая верёвка. И разве позволительно человеку, на самом деле любящему свою несчастную родину, говорить о Петэне, который уже с 1934 г. (это точно доказано) был тайным агентом и корреспондентом Гитлера, в таких выражениях: «Великий военный вождь, — он далёк от того, чтобы быть великим государственным человеком»?! Во-первых, вздорная, льстивая ложь, будто Петэн — «великий военный вождь», а, во-вторых, шпион, систематически, годами потихоньку готовивший выдачу своей страны, связанной по рукам и ногам, её смертельному врагу, карается г-ном Тисье лишь мягким полужомгликом. Петэн, видите ли, не во всех отношениях велик, а лишь в некоторых!

И не только эта явная неискренность и какая-то половинчатость оштрафивают читателя. Тисье явно не удосужился ещё разобраться в причинах французской катастрофы, в этой неслыханной сдаче на капитуляцию без борьбы прекрасно вооружённой армии в три миллиона двести семьдесят тысяч человек, сдаче без боя могущественнейшей, первоклассной военной крепости с далеко вынесенными вперёд укрепленными рубежами, крепости, называемой город Париж. У Тисье, точно так же как и при чтении 99/100 французских эмигрантских мемуаров, мы напрасно будем искать хоть единое слово о том центральном, всё определившем собой пункте, о той «причине причин» гибели Франции, какой было уничтожение Лавалем уже подписанного франко-советского пакта. Ни звука и о том, как Гитлер в октябре 1934 г. подослал убийц, покончивших с министром иностранных дел Франции Луи Баргу и с югославским королём Александром, ни звука и о том, как именно Петэн активно воспрепятствовал следствию над уличёнными убийцами. Всё это полковнику Тисье очень хорошо, вероятно, известно. Но обо всём этом полковник скромно умалчивает.

Если эта книжка представляет некото-

рый интерес, то больше всего живой, интересной выполненной характеристикой той среды, откуда Третья республика вербовала своих государственных людей, а также зарисовками из области бюрократической министерской рутин, с которой очень хорошо ознакомился автор в течение своей долгой службы и в Государственном совете и в секретариате у Монзи, Лавалья и др. Есть немало характерных данных о «секретных фондах» по части подкупа прессы, депутатов, судебных чинов и т. д.

В настоящее время автор — сторонник генерала де Голля и был таковым ещё в 1942 году. Он сознаёт, что новая Франция не должна походить на былую Третью республику: она должна стать лучше, чище, патристичнее. Но он всё ходит вокруг да около капитальнейшего вопроса: чем же именно должна отличаться эта будущая Франция от старой, так позорно погибшей Третьей республики? Например, оставить ли при их былом всемогуществе те пресловутые «двести семейств», которые, очень мало скрывая свои чувства, всегда мечтали о мировой победе Гитлера и гитлеризма? На чём должно основать новую внешнюю политику, которая вплоть до разгрома Франции полностью укладывалась в классическую формулу газеты «Тан»: «К счастью, г. Гитлер думает об Украине!» («Heureusement M. Hitler pense à l'Ukraine!») (см. номер этой руководящей газеты от 23 декабря 1938 года).

Мы читаем последние страницы книги Тисье, где он говорит о будущем возрождении Франции. Он пишет: «Нация, которая была великой и будет великой!» Эти страницы впервые появились в свет в 1942 г., т. е. в год Сталинграда. Второе издание вышло в 1944 г., когда Советский Союз сокрушил Германию и способствовал, как никто, освобождению французов от гнуснейшего немецкого ига. И мы ждали, что, может быть, Тисье поэтому хоть бегло помянет ещё и другую нацию, которая «была (и есть!) великой и будет великой», т. е. русскую. Нет, вот уж этого мы у нашего автора никак не вычитаем! Но зато находим пошлую и глупейшую клевету о том, что Чехословакию отдали немцам не только Франция и Великобритания, но также её отдала якобы и Советская Россия (стр. 114). Больше нигде Советская Россия даже и не упоминается в книге этого «благородно» скорбящего об отчизне, раскаявшегося лавалевского секретаря.

И, закрывая книгу Тисье, нам невольно думается — и мы в этом даже уверены, — что поколение, которому суждено в самом деле способствовать возрождению Франции, будет мыслить и чувствовать совсем не так, как эти злополучные пережитки режима, погубившего некогда великую страну, которая столько сделала в своё время для мирового прогресса.

Акад. Е. Тарле

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Cameron Elizabeth R. *Prologue to Appeasement: a Study in French Foreign Policy*. American Council on Public Affairs. Washington. 1942. 228 p.

Камерон Е. Пролог к умиротворению. Исследование о французской внешней политике. Американский совет общественных проблем.

Deak Francis. *Hungary at the Paris Peace Conference. The Diplomatic History of the Treaty of Trianon*. Columbia University Press. New York. 1942. 594 p.

Дик Ф. Венгрия на Парижской мирной конференции. Дипломатическая история Трианонского договора.

Langsam Walter C. *The World since 1914. 5th Revised ed.* New York. 1943. 69 p. Bibliography on Related Material.

Ленгзам У. Мир после 1914 года. 5-е, пересмотренное издание.

Luckau Alma. *The German Delegation at the Paris Peace Conference*. Columbia University Press. New York. 1941. 522 p.

Лукау А. Германская делегация на Парижской мирной конференции.

Maurice Frederic, Sir. *The Armistice of 1918 Royal Institute of International Affairs*. Oxford University Press. London. 1943. 120 p.

Морис Ф., сэр. *Перемирие 1918 г.* Королевский институт международных отношений.

Pink Gerhard P. *The Conference of Ambassadors. Paris. 1921—1931*. Vol. 12. Nr. 4—5. Geneva Research Centre. 1942. 293 p.

Пинк Г. Конференция послов. Париж. 1921—1931 гг. Т. XII, №№ 4—5. Женевский исследовательский центр.

Emery Julia. *Background of World Affairs*. World Book Co. Jonkers on Hudson. 1942. 324 p.

Эмери Дж. Основы международных отношений. Уорлд Бук Ко Йонкерс на Гудзоне.

Benedict Ruth and Ellis Mildred. *Race and Cultural Relations. American's Answer to the Myth of a Master Race*. National Council for Social Studies. Washington. 1942. 60 p.

Бенедикт Р. и Эллис М. Раса и культурные отношения. Американский ответ на миф о расе господ. Национальный совет социальных исследований.

Lamont C. *Soviet Russia and the Postwar World. National Council of American Soviet Friendship*. New York. 1943.

Ламонт К. Советская Россия и послевоенный мир. Национальный совет американо-советской дружбы.

ХРОНИКА

Иностранные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина

Ленинградская Публичная библиотека является крупнейшим в СССР собранием исторических фондов, материальной базой исторической науки. Обладая единственным в мире по полноте собранием русской книги и крупнейшим собранием русских рукописей, библиотека, естественно, занимает главенствующее место в обеспечении материалами историков, работающих над изучением прошлого нашей великой родины. Вместе с тем она располагает и богатейшим фондом иностранных исторических книг и рукописей.

В конце XVIII в., когда создавалась Императорская Публичная библиотека, в состав её вошла библиотека польских вельмож XVIII в. Залусских, положившая начало всем иностранным фондам нового русского книгохранилища. Библиотека Залусских была исключительным по тем временам частным собранием. Страстные библиофилы, Залусские собирали книги в различных европейских центрах, тратя на это массу средств и усилий, и, можно смело сказать, что все мало-мальски интересные исторические материалы были у них представлены в количестве многих десятков тысяч. Не пренебрегали они и брошюрами, и часто скромная на вид маленькая книжка, даже без обложки, получала специальный значок Залусского, указывавший на её редкость или важное значение. Много в этом фонде драгоценных для библиофила и очень ценных для историка изданий источников по национальной истории европейских стран, подготовленных к печати немецкими, французскими и английскими гуманистами XVI века. Богато и собрание мемуаров государственных и политических деятелей и частных лиц; многие из этих интересных мемуаров были незаслуженно забыты наукой и вновь извлечены лишь в последние годы.

Имеются большие капитальные серии собраний текстов, изданные в XVII—XVIII вв. учёным монашеским орденом мавристов и другими знаменитыми собирателями и исследователями рукописей, вроде итальянца Муратори. Чрезвычайно многочисленно собрание всевозможных летучих листков: велеречивых донесений о «баталиях» и празднествах, первых газет и, что самое

интересное, публицистических «памфлетов» XVI—XVIII вв. — крошечных брошюрок, легко умещавшихся в карманах камзолов и помеченных зачастую фантастическими городами и годами для маскировки их политической заострённости. В этих невзрачных книжках ярко звучит голос эпохи и скрыты разгадки многих социальных и политических конфликтов. Богато представлены интересные и ценные издания путешествий, снабжённые прекрасными гравюрами и картами. Словом, здесь сосредоточена ценнейшая историческая продукция трёх веков. На это ядро в течение всего XIX в. наслаивались поступления как в виде приобретений отдельных крупных собраний, так и поступления в порядке систематического комплектования по всем отраслям исторической науки. О замечательной коллекции «Rossica», т. е. собрания иностранных книг о России, необходимо говорить особо. Здесь же следует лишь отметить, что исторические материалы «Rossica» представляют собой исключительную ценность и что они ещё слишком мало использованы наукой.

В середине XIX в. в Публичную библиотеку поступила библиотека Эрмитажа, т. е. все её фонды, не подлежавшие хранению в личной царской библиотеке. Историческая часть этого собрания прекрасна как по составу, так и по сохранности и больше всего касается XVIII в., что значительно дополнило и завершило собрание Залусских.

Со второй половины XIX в., времени появления первых специализированных исторических журналов, Публичная библиотека начала систематически выписывать все основные периодические издания по истории и смежным дисциплинам: большинство этих изданий представлено в ней с первого же года их существования. С того же времени библиотека стала ежегодно затрачивать значительные суммы на приобретение дорогих изданий археологических памятников, античных надписей и т. п. Перечень отдельных коллекций занял бы слишком много места. Нельзя обойти молчанием и интересное собрание газет, журналов и плакатов Парижской коммуны, не упомянуть о многочисленных изданиях различных исторических и археологических обществ и

академий, о коллекции по мировой войне 1914—1918 гг. и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинградскую Публичную библиотеку влились разнообразные фонды, в том числе и частновладельческие; они значительно пополнили и собрание исторической книги, главным образом по части монографической литературы. Пробелы в новой, специальной литературе, образовавшиеся в годы первой мировой войны и последующие несколько лет, были впоследствии в значительной мере восполнены благодаря специальным ассигнованиям.

Если по полноте и своеобразию своего книжного исторического фонда Ленинградская Публичная библиотека является единственной в СССР, то по собранию исторических рукописей она занимает особое место среди мировых библиотек. И количество рукописей и их научный интерес — не говоря уже об их своеобразной истории — настолько высоки, что они могли бы явиться базой для многих и многих интересных исследований.

В силу своего происхождения этот фонд почти не имеет рукописей XIX в., и его, таким образом, без особой натяжки можно назвать фондом средневековых рукописей. Древнейшие из них — латинские и византийские рукописи с IV по XIII в. — представляют исключительную ценность с палеографической и искусствоведческой точки зрения. Несмотря на то что эти рукописи изучались много лет, они вновь привлекают внимание историков, палеографов и искусствоведов, отвечая на новые вопросы, поставленные наукой, так что, в сущности, они никогда не теряют актуальности. Иначе обстоит дело с рукописями более поздних веков: в них первенствующее значение имеет текст.

Созданием многотысячной коллекции мы обязаны П. П. Дубровскому, служившему в конце XVIII в. секретарём русского посольства в Париже. Замечательным приобретением П. П. Дубровского помогла французская революция 1789 г., которую он провёл в Париже. Так, ему удалось приобрести немало интересных бумаг из архива Бастилии, который первые два дня после её падения (14 и 15 июля) был фактически

беспорядочным. Дубровский приобрёл немалое количество пергаментных свитков XIV—XV вв. из сеньориальных и городских архивов. Наконец, благодаря счастливой случайности он сделался владельцем замечательного собрания государственных бумаг французского правительства XVI—XVII веков. В этом фонде деловые письма французских королей исчисляются тысячами, не говоря уже о других материалах, порой более интересных, — дипломатической переписке с иностранными государствами, донесениях местной администрации, просьбах, адресованных королевскому совету, и т. д. Этому собранию огромную и бесспорную ценность придают его систематичность и серийность. Оно содержит, например, более 500 писем Екатерины Медичи, многие сотни донесений государственному канцлеру Франции (середина XVII в.). Коллекция Дубровского резко отличается от всех прочих частных собраний большим количеством первоклассных по содержанию документов.

Благодаря усилиям другого коллекционера, графа П. К. Сухтелена, бывшего в начале XIX в. русским послом в Стокгольме, Публичная библиотека обогатилась интереснейшим Вестфальским архивом. Он насчитывает более 15 тыс. документов и состоит в основном из бумаг тайной полиции за последние три года (1811—1813) существования эфемерного королевства одного из наполеонидов — Жерома Бонапарта. Систематичность и серийность входящих в архив документов (дипломатическая переписка, донесения комиссаров тайной полиции и т. п.) придают ему исключительное значение. Изучение и опубликование этих материалов обогатят историческую науку. Особенно интересны данные о настроениях в Вестфалии в связи с войной 1812 г. и поражением Наполеона.

Эти редкостные по количеству и качеству исторические рукописные фонды один из французских учёных справедливо назвал «золотыми россыпями». Советские историки сделали немало для разработки этих драгоценных залежей, но работа ещё только начата.

А. Люблинская

Работа секции по собиранию документов и материалов по истории Отечественной войны (Грузинская ССР)

Секция по собиранию материалов Отечественной войны Тбилисского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) собирает материалы и документы по следующей тематике: «Герои Советского Союза, генералы и отличившиеся на фронте — уроженцы ГрузССР»; «К истории грузинских дивизий и дивизионов, сформированных в Грузии, с преобладающим количеством уроженцев ГрузССР в личном составе», «Военные операции на

подступах к Грузии»; «Работа промышленности, сельского хозяйства и транспорта ГрузССР для нужд фронта»; «Помощь населения фронту»; «Наука и культура ГрузССР во время Отечественной войны»; «Работа партийных, советских, профессиональных, комсомольских организаций по мобилизации всех ресурсов для дела обороны страны и по перестройке работы республики на военный лад».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 1944 ГОД

Приказ Верховного Главнокомандующего
23 февраля 1944 г. № 16, г. Москва. № 2—3.

Приказ Верховного Главнокомандующего
1 мая 1944 года № 70, г. Москва. № 5—6.

Тов. Сталин о вторжении союзных войск
в Северную Францию. № 5—6.

XXVII годовщина Великой Октябрьской
социалистической революции. Доклад
Председателя Государственного Комитета
Обороны товарища И. В. Сталина на торже-
ственном заседании Московского Совета
депутатов трудящихся с партийными и об-
щественными организациями г. Москвы
6 ноября 1944 г. № 10—11.

Приказ Верховного Главнокомандующего
7 ноября 1944 года. № 220, г. Москва.
№ 10—11.

О преобразовании Наркомата Оборона и
Наркоминдела из общесоюзных в союзно-
республиканские наркоматы. Доклад тов.
В. М. Молотова в Верховном Совете СССР
1 февраля 1944 года. № 1.

Под знаменем Ленина — Сталина совет-
ский народ идёт к победе. Доклад тов.
А. С. Щербакова 21 января 1944 года на
торжественно-траурном заседании, посвя-
щённом XX годовщине со дня смерти
В. И. Ленина. № 1.

Законы, принятые Верховным Советом
СССР (X сессия Верховного Совета СССР
1-го созыва). № 1.

О государственном гимне Советского
Союза. № 1.

О недостатках и ошибках в освещении
истории немецкой философии конца XVIII
и начала XIX в. № 5—6.

Три года Отечественной войны Советско-
го Союза (военные и политические итоги).
№ 5—6.

СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Архангельский С., проф. Горьков-
ского пед. ин-та. Английская дипломатия и
венецианско-турецкая война (40—50-е годы
XVII в.). № 2—3.

Баевский Д.— Начало восстановления
Донбасса (1920 г.). № 2—3.

Бахрушин С., чл.-корр. АН СССР.
Юрий Владимирович Готье. № 2—3.

Боровой С., проф. Одесса. (К 150-ле-
тию со дня основания). № 5—6.

Валк С., проф. Советские издания доку-
ментов по истории СССР до XIX века. № 4.

Войтинский Г., проф. Междунаро-
дные отношения на Дальнем Востоке в го-
ды первой мировой войны. № 4.

Волин Б., проф. Из истории появления
работы В. И. Ленина «Что такое «друзья
народа» и как они воюют против социал-
демократов?». № 5—6.

Воронин Н., проф. Культура Владими-
ро-Суздальской земли XI—XIII веков. № 4.

Воронин Н., проф. «Песня о Щелкане»
и Тверское восстание 1327 г. № 9.

Генкина Э.— Из истории индустриа-
лизации СССР. № 10—11.

Горбунов Т., секретарь ЦК КП(б)Б.
Ленин и Сталин в борьбе за свободу и
независимость белорусского народа. № 2—3.

Горянов Б. Ф. И. Успенский и русское
византиноведение. № 12.

Греков Б., действ. чл. АН СССР. К во-
просу о восстановлении Новгорода. № 7—8.

Греков Б., акад. Судьба населения
галицких княжеских вотчин под властью
Польши. № 12.

Демешкан Е. Вальтер Скотт как ис-
торик. № 10.

Дитякин В., проф. Образование государ-
ства у хорватов. № 10—11.

Застенкер Н. Прудон и бонапартист-
ский переворот 2 декабря 1851 г. № 10—11.

Звавич И., проф. Моск. ун-та. Веролом-
ство Пруссии в отношении России в
1812 году. № 1.

Звягинцев Е. Слободы иностранцев в
Москве XVII века. № 2—3.

Ильин М. Монастыри Московской Ру-
си XVI века как оборонительные сооруже-
ния. № 7—8.

Ильин С. Селигерский путь Батыя к
Новгороду в 1238 году. № 4.

Кандель Е. и Прайс И. Основопо-
ложники марксизма и русские революцион-
ные демократы о демократической Польше.
№ 9.

Кафенгауз Б. Вопросы историогра-
фии эпохи Петра Великого. № 9.

- Кокнев Г., проф. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. № 2—3.
- Корнатовский Н. Петроградский фронт в 1919 году. № 12.
- Красная Армия — армия боевого единства и дружбы народов СССР (Передовая). № 2—3.
- Кремортат Б. К вопросу о восстановлении исторических памятников (на сессии Академии архитектуры СССР). № 7—8.
- Лебедев Н. Академик В. Г. Васильевский и его работа по истории Византии. № 5—6.
- ✓ Лебедев Н. Византия и монголы в XIII веке. № 1.
- Лихачёв Д. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI вв. № 7—8.
- Лихтер Б. Колхоз в Великой отечественной войне. № 1.
- Лунин Б. К истории города Термеза. № 4.
- Манфред А. Жан Жорес (К тридцатилетию гибели. 1914—1944). № 9.
- Манусевич А. К дипломатической истории вопроса о восточных границах послеверсальской Польши. № 4.
- Манусевич А. Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны 1914—1918 гг. № 7—8.
- Мартынов М. Уральская горнозаводская промышленность в эпоху Петра Великого. № 9.
- Мишулин А., проф. Объявление войны и заключение мира у древних римлян. № 10—11.
- Мишулин А., проф. Моск. ун-та. С. А. Жебелёв в русской науке по древней истории. № 1.
- Молок А., проф. Ленингр. ун-та. Вольные стрелки во Франции во время войны 1870—1871 годов. № 2—3.
- Мордвинов Р. Волжская военная флотилия в обороне Сталинграда от немецко-фашистских войск. № 5—6.
- Морис Торез. Франция после капитуляции в Компьенском лесу. № 5—6.
- Никольский Н., действ. чл. АН БССР. Значение открытий в Рас-Шамра для истории древнего Востока. № 7—8.
- Ноговид Ф., проф. Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году. № 1.
- Осиос Ю. Советская школьная реформа 1918 года. № 7—8.
- Паротькин И., подполковник. Великая битва под Сталинградом. № 4.
- Паротькин И., подполковник. Битва под Курском. № 7—8.
- Перцев В., действ. чл. Белорусской академии наук. Пруссия до её завоевания немцами. № 4.
- Петров Л. Доржи Банзаров — первый бурятский учёный. № 10—11.
- Петровский Н., проф. Присоединение Украины к России в 1654 году. № 1.
- Петрушевский И. Из истории Ширвана (конец XV века). № 1.
- Раимов Р., секретарь Башкирского обкома ВКП(б). 25 лет Башкирской АССР. № 4.
- Реуэль А., проф. Отклики в России на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» (1860—1890 гг.). № 7—8.
- Савицкая Н. Важнейшие труды акад. Ю. В. Готье. № 2—3.
- Семёнов В., проф. Моск. гос. пед. ин-та. Военная деятельность Кромвеля (1641—1651). № 9.
- Сивков П., полковник. Балтийские моряки в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. № 10—11.
- Сидоров А., проф. Моск. ун-та. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах. № 10—11.
- Сказкин С., чл.-корр. АН СССР. Александр Николаевич Савин. № 7—8.
- Смирин М. Старопрусская историография на службе у немецких агрессоров. № 9.
- Сутецкий С. Из истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в годы царизма. № 1.
- Тарле Е., действ. чл. АН СССР. Первый общий штурм Севастополя и русская победа 18 июня 1855 года. № 1.
- Федяева А. Борьба народов Прибалтики против германских оккупантов в 1918 году. № 2—3.
- Хачапуридзе Г., действ. чл. АН ГрузССР. Грузинский народ в битве за Кавказ. № 9.
- Чебаевский Ф. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920). № 2—3.
- Чернова Г. Астраханский Временный военно-революционный комитет (февраль — апрель 1919 г.). № 12.
- Шекун О. Изгнание немецких захватчиков из Белоруссии в 1918 году. № 1.
- Штейн Б., проф. Высшей дипломатической школы. Из истории подготовки устава Лиги наций. № 2—3.
- Шульгин В., проф. К. Маркс и Ф. Энгельс и передовая общественная и научная мысль России 70—80-х годов. № 4.
- Эйнгорн В. В. И. Ленин и Румянцевская библиотека. № 1.

Юровская Е. Поход русской армии в Восточную Пруссию. № 12.

Ярославский Ем., акад. Изучение истории ВКП(б) в условиях Великой Отечественной войны. № 4.

Яцунский В. Развитие исторической науки в Соединённых Штатах Америки. № 12

ПАМЯТИ ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

Кудрявцев И. Емельян Ярославский — редактор «Историка-марксиста» и «Исторического журнала». № 5—6.

Панкратова А., чл.-корр. АН СССР. Большевик-историк Е. М. Ярославский. № 4.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Вейланд О., Майский И. Перед бурей. № 9.

Веселовский С., чл.-корр. АН СССР, Виноградов В., проф., Покровский С., проф. Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII века. Т. I. № 10—11.

Волков Н., проф. Нечаев. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. К истории профессионального образования в России. № 12.

Воронин Н. Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. № 2—3.

Гальперин А. Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии. № 7—8.

Голант В. «Зверства немцев в войну 1914—1918 гг.» (из документов первой мировой войны); Никитин М. Н. и Вагин П. И. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области. № 12.

Голант В. Освобождённый Тихвин. № 2—3.

Гофман Ц. Третьякова Е. Уральцы в Отечественной войне против германских захватчиков в 1918 году. № 4.

Греков Б., акад. Петровский Н. Воссоединение украинского народа в едином Украинском советском государстве. № 12.

Державин Н., акад. Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. № 12.

Дружинин Н., проф. Моск. ун-та. Тарле Е. В., акад. Крымская война. Т. II. № 12.

Дитякин В., проф. Эрколи М. Италия в войне против гитлеровской Германии. № 9.

Дьяконов М. Заходер Б., проф. История Восточного средневековья (калифат и Ближний Восток). № 10—11.

Заходер Б., проф. МГУ. Гордлевский В. Государство сельджукидов в Малой Азии. Труды Института востоковедения. Т. XXXIX. № 7—8.

Златопольская А. Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг. Сборник документов. № 7—8.

Зутис Я. Средние века. № 1.

Кафенгауз Б. Павлов М. А., акад. Воспоминания металлурга. Ч. 1-я и 2-я. № 10—11.

Кафенгауз Б. Тихомиров М. Исследование о Русской Правде. № 5—6.

Кокиев Г., проф. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II. № 9.

Крачковский И., действ. чл. АН СССР. К переизданию трудов В. В. Бартольда. № 1.

Кремортат Б. Храбровицкий А. Замечательные места Пензенской области. № 1.

Кусикьян И. Манандян Я., акад. Краткий обзор истории древней Армении. № 10—11.

Лебедев В., проф. МГУ, Юшков С., чл.-корр. АН УССР. Сыромятников Б. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. № 10—11. Ч. 1-я.

Лихтер Б. Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Бернштам А. Материалы по истории Киргизии в дни Отечественной войны. № 1.

Лунин Б. Жуков В. Д. Последний хорезмшах (из борьбы Джелаледдина Менгуберти с монголами). № 12.

Лунин Б. Шишкин В. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент). № 9.

Мавродин В., проф. Греков Б. Д. Киевская Русь. № 12.

Н. В. Труды Государственного Исторического музея. Вып. XIII. № 4.

Олексина В. «Документы обвиняют». № 2—3.

Пичета В. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. № 10—11.

Пичета В., чл.-корр. АН СССР. Наукові записки. № 9.

Сидоров А., проф. МГУ. «Организация Красной Армии 1917—1918». № 2—3, стр. 87.

Сидоров А., проф. Таленский Н. А., генерал-майор. Первая мировая война (1914—1918 гг.). (Боевые действия на суше и на море.) № 12.

Тарле Е., акад. Тисье Пьер, полковник. Я работал с Лавалем. № 12.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

№ 1, № 4, № 7—8, № 12.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Акритас П. Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте. № 5—6.

Алефиренко П. На родине выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова. № 7—8.

Антелива И. О работе кафедры истории Сухумского государственного педагогического института имени Л. П. Берия в период Отечественной войны. № 9.

Асташкевич С. Конференция по историческому роману. № 1.

Вайнштейн О., проф. Ленингр. ун-та. Сто двадцать пять лет Ленинградского университета. № 5—6.

Валк С., проф. Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР. № 5—6.

Введенский А., проф. Два года работы исторического факультета Объединённого украинского университета в условиях эвакуации. № 5—6.

Геллах Т. Охрана архитектурно-археологических памятников в Бухаре. № 1.

Горянов Б. Группа византиноведения Института истории Академии наук СССР. № 4.

Завриев Д. Работа секции по сбору документов и материалов по истории Отечественной войны (Грузинская ССР). № 12.

Иванов Л. Институт истории АН СССР в 1943 году. № 2—3.

Иванов Л. В Институте истории АН СССР. № 9.

Иллеричкий. Работа истфака Кзылординского пединститута. № 10—11.

Казиев М. Работа отдела Отечественной войны Азербайджанского филиала ИМЭЛ. № 1.

Китушин А. На историческом факультете Азербайджанского университета. № 4.

Королюк В., Санчук Г. Работа сектора славяноведения Института истории АН СССР. № 10—11.

Лебедев Н. Работа ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1944 году (Ташкент). № 9.

Леонтьев М., директор Гос. Публичной историч. биб-ки. Государственная Публичная историческая библиотека. № 5—6.

Лунин Б. Сурхан-Дарьинский областной музей в Термезе, Узбекская ССР. № 1.

Люблинская А. Иностраные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. № 12.

Покровский С., проф. В секции истории государства и права Института права АН СССР. № 9.

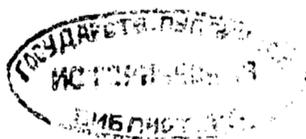
Романовский В. Киевский архив древних актов. № 5—6.

Сыромятников Б., проф. К вопросу об изучении истории права славянских народов. № 9.

Цветков Г. Работа кафедры истории Башкирского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны. № 2—3.

С. Г. Дубровский. № 9.

С. И. Черномордик. № 1.

CONTENTS:

ARTICLES: Kornatovsky N., professor.—The Petrograd Front in the 1919. Chernova G.—The Astrakhan Provisional Military Revolutionary Committee (February—April 1919). Jurovskaya H.—The March of the Russian Army into Eastern Prussia. Grekov B., academician.—The Fate of the Population in the Domains of the Princes of Halicz under the Rule of Poland. ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS: Goryanov B.—F. I. Uspensky and the Russian Research into the History of the Byzantium. Yatsunsky V.—The Development of the Science of History in the U. S. A. BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS. ALPHABETICAL INDEX.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Kornatovski N., professeur.—Le front de Pétrograd en 1919. Tchernova G.—Le Comité militaire révolutionnaire provisoire d'Astrakhan (février—avril 1919). Jourovskaïa H.—La campagne de l'armée russe en Prusse orientale. Grékov B., académicien.—La population des principautés de la Galicie sous la domination polonaise. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Gorjanov B.—F. I. Ouspinski et les études byzantines en Russie. Iatsounski V.—Le développement de la science historique aux Etats-Unis d'Amérique. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES ET REVUE. CRITIQUES. CHRONIQUE. INDEX ALPHABÉTIQUE.

INHALT:

ARTIKEL: Kornatowski N., Prof.—Der Petrograder Front im Jahre 1919. Tschernowa G.—Das provisorische revolutionäre Militärkomitee in Astrachan (Februar—April 1919). Jurovskaja H.—Der Einmarsch der russischen Armee in Ostpreußen. Grekov B., Akad. Das Schicksal der Bevölkerung der galizischen Fürstentümer unter der polnischen Herrschaft. MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN: Gorjanow B.—F. I. Uspenski und die russische Byzanzforschung. Jazunski W.—Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft in den Vereinigten Staaten von Amerika. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND RUNDSCHAUEN. CHRONIK. ALPHABETISCHES REGISTER.